

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
ТЕРРИТОРИЙ РАН

СБОРНИК НАУЧНЫХ ДОКЛАДОВ И СООБЩЕНИЙ
Ученого совета ИСЭРТ РАН

ВЫПУСК 9

Вологда
2014

ББК 65.246я81

М64

Сборник научных докладов и сообщений Ученого совета ИСЭРТ РАН
[Текст]. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2014. – 177 с.

В сборнике представлены следующие доклады и сообщения:

- Ускова Т.В. Проблемы эффективности государственного управления (с 4 – 58).
- Шабунова А.А. Стратификация и социальная мобильность населения в регионах СЗФО: предварительные результаты исследования (с. 59 – 136)
- Теребова С.В. Роль социальных инноваций в общественном развитии регионов (с. 137 – 176).

© Ускова Т.В., Шабунова А.А., Теребова С.В.
© ИСЭРТ РАН

Содержание

<i>Т.В. Ускова.</i> Проблемы эффективности государственного управления	4
<i>А.А. Шабунова.</i> Стратификация и социальная мобильность населения в регионах СЗФО: предварительные результаты исследования	59
<i>С.В. Терехова.</i> Роль социальных инноваций в общественном развитии регионов	137

УСКОВА ТАМАРА ВИТАЛЬЕВНА
зам. директора по научной работе

ПОВАРОВА АННА ИВАНОВНА
старший научный сотрудник

**ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ**

Научный доклад
на заседании Ученого совета
30 октября 2013 г.

Вологда
2013

ВВЕДЕНИЕ

Для современного этапа развития российской государственности характерно повышенное внимание к проблеме эффективности государственной власти и качества управления. И связано это, прежде всего, с изменениями, произошедшими как во внешней, так и внутренней среде.

Принятие политического решения руководством Российской Федерации о переходе экономики страны с инерционно-сырьевого на инновационный путь развития предполагает качественное изменение управления на всех уровнях и усиление государственного регулирования экономических процессов. Поскольку этот переход происходит в условиях либерализации финансовых и товарных рынков, а также борьбы за инвестиционные ресурсы, то фактор эффективности работы органов государственной власти становится важной составляющей конкурентоспособности регионов и страны в целом.

Наряду с воздействием внешних факторов необходимость в реформировании государственного управления обусловлена также и внутренними изменениями в стране, выражающимися в необходимости модернизации экономики и решения социальных задач, приобретших особую остроту в трансформационный период, расширении социальной базы среднего класса и развития институтов гражданского общества. Назрела необходимость в поиске новых форм социального взаимодействия, которые бы сняли острые противоречия, существующие сегодня в обществе.

Действующая система управления без научного осмысления существующих проблем, таким образом, уже не только не способна адекватно регулировать изменения и осуществлять социальные и экономические преобразования, но и своевременно понять происходящие процессы и правильно оценить перспективы их развития.

В последние годы на федеральном уровне неоднократно заявлялось о необходимости повышения эффективности государственного управления. В.В. Путин, выступая на семинаре «Современные технологии менеджмента»

(Москва, июнь 2013 г.), подчеркивал: *«В региональных и муниципальных органах власти также колоссальное количество управленческих проблем: слабо работают инструменты обратной связи, гражданского контроля, не учитывается мнение профессиональных сообществ и граждан. Решения принимаются, к сожалению, подчас кулуарно, без широкого общественного обсуждения и экспертизы. Реальная работа подменяется так называемыми «мероприятиями», а нам с вами нужны результаты».*

Вместе с тем, заявляя о необходимости совершенствования системы управления, оценки эффективности органов государственной власти, суть предлагаемых мер руководством страны не раскрывается. В таких условиях представляется весьма актуальным исследование теоретико-методологических основ и методического инструментария оценки эффективности государственного управления на основе обобщения и сравнительного анализа уже существующих предложений и разработок.

Важной методологической задачей является выявление специфики и сущности категории «эффективность государственного управления»; обоснование критериев ее оценки, позволяющих не только адекватно оценивать деятельность органов власти, характер взаимодействия федеральных, региональных и муниципальных органов управления, но и проводить сравнительные оценки хода реформ в регионах.

1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

1.1. Сущность и эффективность государственного управления

Осмысление содержания института государственного управления связано с определением понятия «управление». С точки зрения кибернетики, в рамках которой исследуются закономерности процессов управления во всех типах систем, управление – это перевод объекта какой-либо системы в качественно новое состояние или изменение этого состояния для достижения цели системы. Необходимым условием осуществления процесса управления является наличие трех обязательных элементов: субъекта управления, объекта управления и отношений, складывающихся между ними в результате управления. Управление характерно для технических, биологических и социальных систем. Социальное управление, т. е. управление, в котором субъект-объектные отношения, складываются между людьми. По отношению к социальным системам определение понятия «управление» приобретает качественно иной характер – это процесс создания целенаправленного взаимодействия субъекта и объекта управления ради достижения социально значимых результатов. Сущность социального управления раскрывается через триаду свойств: *целеполагание, организация, регулирование*.

В современной науке существуют различные классификации социального управления. В рамках одной из них виды социального управления выделены исходя из субъекта управления. *Социальное управление, субъектом которого является государство (посредством органов государственной власти и управления и их должностных лиц), осуществляющее управленческую деятельность в установленном правовом порядке, есть государственное управление*. Социальное управление, осуществляемое органами местного самоуправления на основе форм прямого волеизъявления граждан, в целях самоорганизации последних и решения вопросов местного значения, именуется *муниципальным управлением*. Управление, осуществляемое предпринимателем, собственником в це-

лях получения прибыли, есть менеджмент. Итак, государственное управление представляет собой разновидность социального управления, *субъектом* которого являются органы государственной власти и их должностные лица, *объектом* – общественные процессы и отношения.

Многообразие дефиниций понятия «государственное управление» позволяет выделить широкую и узкую трактовку этого социального института. В узком смысле государственное управление отождествляется со сферой функционирования органов исполнительной власти. В расширенном толковании – это непосредственная деятельность всех ветвей государственной власти, их органов и должностных лиц, по регулированию общественных отношений. Понимания *государственное управление* как целенаправленное организующе-регулирующее воздействие государства (через систему его органов и должностных лиц) на общественные процессы, отношения и деятельность людей, к особым его свойствам можно отнести:

- наличие специфического субъекта – органов государственной власти и их должностных лиц, порядок формирования и функционирования которых четко регламентирован Конституцией, федеральным законодательством, иными нормативными правовыми актами;

- наличие у субъекта управления властных полномочий – государственное управление представляет собой способ реализации государственной власти, распространяется на все общество;

- масштаб охватываемых управлением общественных явлений – государственное управление направлено на согласование интересов и действий всех граждан и социальных групп общества, удовлетворение потребностей всего населения, а не отдельных граждан, на защиту совместных интересов;

- право государства на применение в процессе управления методов принуждения.

Модернизация системы государственного управления неразрывно связана с определением оптимальных параметров, способствующих формированию государственного управления как открытой, динамичной социальной системы.

Для формирования эффективной модели государственного управления необходим комплексный анализ соотношения между политической системой, государственной властью, институтами гражданского общества, социально-экономическими стандартами и социокультурными нормами. В условиях изменений политической и социальной среды актуализируется проблема становления адекватной системы государственного управления, способной эффективно реагировать на вызовы внешней среды, становится очевидной необходимостью разработка сбалансированной системы показателей и критериев эффективности деятельности органов государственной власти.

При рассмотрении проблемы оценки эффективности органов власти применяется разная терминология:

- оценка результативности;
- оценка качества;
- оценка эффективности.

В широком смысле под оценкой результативности подразумевается степень достижения ожидаемого результата, а под оценкой качества понимается оценка соответствия свойств предмета или явления их сущности.

Более многогранен термин «эффективный», то есть действенный, дающий желаемый результат. Существует несколько теоретико-методологических подходов к определению *сущности эффективности*. В самом общем виде *эффективность* понимается как возможность достижения результата; значимость получения результата для тех, кому он предназначен; отношение значимости этого результата к количеству усилий, потраченных на его достижение; как отношение эффекта, результата к затратам, расходам, обусловившим, обеспечившим его получение.

Анализ теоретико-методологических подходов к определению эффективности позволяет сделать вывод о том, что, как правило, выделяют *экономическую* и *социальную* эффективность. Самостоятельность данных видов эффективности, конечно, относительна, так как они находятся в тесном единстве и взаимосвязи. При анализе эффективности государственного

управления особое значение играет *социальный эффект*. Сущность социального эффекта заключается в том, что он должен быть устойчивым, воспроизводимым, прогрессирующим, содержать в себе источник для последующего общественного развития.

Для целей исследования важен анализ основных концепций эффективности деятельности органов власти как инструмента повышения качества жизни населения. Можно считать, что эффект от государственного управления представляет собой способность субъекта государственного управления целенаправленно воздействовать на объект с целью достижения поставленных задач в изменяющихся условиях.

Исследователь [3] ввел понятие «общая социальная эффективность» как результат функционирования системы, основными критериями которой являются уровень производительности труда; темпы и масштабы прироста национального богатства; уровень благосостояния жизни людей; упорядоченность, безопасность и надежность общественных отношений, их воспроизводство с нарастающим позитивным результатом.

Таким образом, при оценке эффективности деятельности органов государственной власти в основном учитывается:

- экономическая эффективность – количественная оценка отношения эффекта к затратам, характеризует сбережение усилий, средств при функционировании действующих систем в заданных условиях;
- социальная эффективность – качественная оценка деятельности, выражающая соответствие цели органа власти потребностям населения.

В отличие от экономического, социальный эффект зачастую невозможно измерить количественными методами, а можно определить лишь теми качественными преобразованиями, которые происходят в социально-экономической системе: сокращением времени и повышением качества обслуживания, улучшением социально-психологической обстановки в обществе. Следовательно, социальный эффект является показателем результативности и рациональности государственных и общественных структур и регуляторов, в то же время про-

изводственные достижения, достигнутые за счет ущерба окружающей среде или здоровья населения, нельзя считать социально эффективными.

Эффективность государственного управления, таким образом, не может быть измерена каким-либо одним показателем, а определяется как результат сложного взаимодействия различных факторов, таких как природные, человеческие, социально-экономические, экологические и другие, оказывающих влияние на принятие и реализацию управленческих решений.

Русский социолог Г.В. Атаманчук подразделяет социальную эффективность государственного управления в целом и деятельности органов государственной власти в частности на три вида [3]:

1. *Общая социальная эффективность.* Она раскрывает результаты функционирования системы государственного управления (т. е. совокупности государственных органов и управляемых ими объектов).

2. *Специальная социальная эффективность.* Она характеризует состояние организации и функционирования самого государства как субъекта управления общественными процессами. К критериям этого вида относятся:

- целесообразность и целенаправленность организации и функционирования государственно-управляющей системы, ее крупных подсистем и других организационных структур, которая определяется через степень ответственности их управляющих воздействий целям, объективно исходящим из их положения и роли в обществе; необходимо законодательно установить, какие должен реализовывать цели каждый государственный орган и по их достижении оценивать соответствующих руководителей и должностных лиц;
- нормативы затрат времени на решение управленческих вопросов, на выработку и прохождение любой управленческой информации;
- стиль функционирования государственного аппарата;
- нормативы, технологии, стандарты, которым обязан следовать каждый руководитель и государственный служащий;

- сложность организации государственного аппарата, проистекающая из его «дробности», многоступенчатости и обилия управленческих взаимозависимостей;
- издержки на содержание и обеспечение функционирования государственного аппарата.

3. *Конкретная социальная эффективность.* Она отражает деятельность каждого управленческого органа и должностного лица, каждого единичного управленческого решения, действия, отношения. Среди критериев можно выделить такие, как степень соответствия направлений, содержания и результатов управленческой деятельности органов и должностных лиц тем ее параметрам, которые обозначены в правовом статусе (и компетенции) органа и государственной должности; законность решений и действий органов государственной власти и местного самоуправления, а также их должностных лиц; реальность управляющих воздействий.

С позиции социологического рассмотрения проблемы в работе [21] главным результатом деятельности органов государственной власти является общий социальный эффект. В её интерпретации общий социальный эффект это – создание благоприятных условий для жизнедеятельности на территории региона или государства, выражающийся в качестве жизни населения. По мнению исследователя, применение социологических методов при оценке общей социальной эффективности государственного управления позволяет учитывать интересы и потребности общества, выявить все проблемы социальной сферы. При таком подходе применяются следующие теоретико-методологические установки:

- социологизация системы управления путем обращения к конкретным потребностям людей;
- анализ последствий управленческих решений с позиций социальной, а не только управленческой или экономической эффективности;
- попытка достижения согласованности интересов субъектов, поиск социальных механизмов согласия;

- выделение роли человеческого фактора как субъекта и объекта управленческих отношений;
- определение приоритетности гражданского общества перед интересами государства, интересов человека перед властью.

При таком социологическом подходе эффективность работы органов государственной власти и общую социальную эффективность управления можно определить как интегральную сумму эффективностей. Это, в свою очередь, позволяет различить внутреннюю и внешнюю эффективность государственного управления. Внутренняя эффективность определяется эффективностью работы органов государственной власти, которая состоит в разработке, принятии и организации исполнения управленческих решений, способствующих повышению качества жизни населения. Внешняя эффективность определяется как уровень удовлетворения запросов населения, проживающего на конкретной территории.

Рассмотренные концепции оценки эффективности органов государственного управления показывают, что социологический подход к оценке эффективности государственного управления базируется на широком пласте исследовательских концепций экономического, управленческого толка. Вместе с тем социологический подход, заключающийся в оценке общей социальной эффективности, выражающейся в удовлетворенности населения условиями и качеством жизни, уровне обеспечения материальными, духовными и социальными благами.

Таким образом, *эффективность* деятельности органов государственной власти определяется не только величиной экономического эффекта, но и прежде всего социально-политическими результатами деятельности органов власти. Для оценки эффективности государственного управления и деятельности органов государственной власти необходимы оценочные технологии и процедуры, которые были бы устойчивыми, объективными и позволяли своевременно корректировать деятельность органов государственной власти.

1.2. Современные научные подходы к исследованию эффективности государственного управления

В исследованиях эффективности государственного управления можно выделить несколько теоретико-методологических подходов, связывающих эффективность с определенными факторами [8].

1) *Подход, основанный на концепции лидерства.* Представители данного направления увязывают эффективность организации с лидерскими навыками, стилем управления, индивидуальными характеристиками и качествами руководителей органов власти, системами подбора, оценки выполнения задач, мотивацией и профессиональным развитием государственных служащих.

2) *Подход, развивающий теорию веберовской рациональной бюрократии.* С позиции данного подхода внимание акцентируется на иерархической структуре, функциональной специализации, наличии четких принципов регламентации профессиональной деятельности государственных служащих, которые рассматриваются как необходимые предпосылки для эффективной деятельности властных структур.

3) *Подход к эффективности деятельности,* связанный с теорией жизненных циклов, состоит в рассмотрении эффективности государственного управления во взаимосвязи с оценкой влияния постоянно и циклично формирующихся коалиций или групп влияния в органах власти. Характер принятия решений в бюрократических структурах и их эффективность рассматриваются в контексте жизненных циклов развития организации.

4) *В рамках концепции профессионализма* эффективная деятельность ставится в прямую зависимость от профессионализации органов государственной власти, наличия карьерных (профессиональных) чиновников, от уровня их профессионализма и компетентности.

5) *Экономический подход,* связывающий повышение эффективности деятельности органов государственной власти с наличием механизма конкуренции среди ведомств, системой внедрения инноваций, а также политической и соци-

альной подотчетностью государственных органов, в первую очередь перед налогоплательщиками.

6) *Экологический подход*, в рамках которого подчеркивается, что результаты деятельности бюрократии зависят от характера внешней среды (экологии организации) и способности органов государственной власти управлять изменениями и инновациями с целью адаптации к этим изменениям.

7) *Подход, основанный на концепции управления качеством*. В рамках данного подхода основное внимание акцентируется на создании в органах государственной власти системы постоянного совершенствования процессов и государственных услуг; вовлечении в эту деятельность государственных служащих, максимально используя их творческий потенциал и организуя их групповую работу. Управление качеством основано на взаимосвязи потенциала органов государственной власти и результатов деятельности при постоянном соотношении со стратегическими целями и вовлечении служащих в процессы качества, их обучении, увеличении их компетентности и мотивации.

Отметим, что внимание проблемам качества управления и совершенствования государственного управления российскими учеными стало уделяться еще при изучении вопросов содержания и характера реформ в России в начале 90-х годов, их влияния на социальные, экономические, политические процессы, происходящие в обществе. Здесь следует отметить труды Л.И. Абалкина, А.Г. Аганбегяна, С.Ю. Глазьева, С.Е. Кургиняна, Д.С. Львова и др.

В последующем появились научные работы по исследованию проблем повышения эффективности управленческой деятельности, в которых анализируются вопросы совершенствования механизмов государственного управления на региональном уровне, развития муниципальных образований, рассматриваются современные технологии организации управленческой деятельности. Российские исследователи сосредоточили усилия на изучении таких важных аспектах управленческой деятельности, как структура и функции управления, стили, методы и средства управления, критерии и показатели эффективности управления.

В последние годы проведены исследования, посвященные вопросам эффективности деятельности органов государственной и муниципальной власти. В этих работах проблемы качества управления и совершенствования государственного управления являются объектом исследования для представителей разных отраслей научного знания: экономика и управление; социология управления; правовое регулирование.

По каждой из трех рассматриваемых отраслей научного знания возможна следующая группировка работ по критерию предметной или функциональной направленности исследования.

Для представителей группы исследователей *сферы экономики и управления* (А.И. Волосов [7], Р.А. Тимофеева [33], Д.А. Рубвальтер [29], О.Л. Гойхер [10], М.В. Васильева [6]) характерна их *предметно-функциональная направленность*. Результаты их исследований свидетельствуют о том, что:

1. Эффективность решений, принимаемых на федеральном уровне, будет зависеть от их реализации в регионах. В связи с этим обосновывается возрастание значения региональных программ развития субъектов Российской Федерации, учитывающих как влияние федеральной социально-экономической политики (налоговой, бюджетной, тарифной, структурно-инвестиционной, внешнеэкономической, социальной, институциональных преобразований и другой), так и региональных особенностей на социально-экономическое развитие соответствующих территорий.

2. Как на федеральном, так и на региональном уровне отсутствуют конкретные механизмы перехода экономики на инновационный путь развития, не выработана теоретическая, методологическая и инструментальная база трансформации экономики.

3. Необходимо усиление государственного участия в решении проблем социально-экономической дифференциации регионов, прежде всего за счет увеличения собственных ресурсных возможностей, повышения эффективности инвестиционной политики, а не за счет финансовой помощи из вышестоящего бюджета.

Еще одной из особенностей исследований *в сфере экономики и управления* за последние годы является их *предметно-прикладная направленность*. В качестве типичных примеров таких работ можно привести исследования следующих ученых П.Ф. Аскеров [2], А.И. Орт [25], Т.В. Савченко [30] и др.

Авторы убеждены в том, что:

4. являясь субъектом управления, государство не выполняет важнейшие объективно необходимые административно-экономические регулирующие функции в большинстве сфер общественной деятельности;

5. ряд проводимых административных реформ не привели к улучшению функционирования системы управления, так как в основном замкнулись на решении внутренних проблем объектов управления и не повлияли на повышение эффективности управленческого воздействия на основные сферы жизнедеятельности общества.

Ряд исследований (И.В. Егоров [13], А.А. Свирина [31] и др.) объединяет направленность на изучение качества и эффективности *объектов управления*, в качестве которых выступают *хозяйствующие субъекты и их объединения*. Общий вывод исследователей эффективности деятельности современных российских компаний в качестве объектов управления заключается в недооценки значимости государственного регулирования. В первую очередь, государственное вмешательство должно проводиться в виде издания нормативно-правовых актов, регулирующих инвестиционную, налоговую и тарифную политику, тем самым воздействуя на рыночные отношения.

Последняя группа работ исследователей сферы экономики и управления (Я.Я. Кайль [17], А.Д. Артамонов [1], Э. Маркварт [19], Л.Г. Ахтариева [4], Р.В. Дронов [11] и др.) характеризуется изучением различных аспектов проблем *качества* принимаемых решений органами государственного и муниципального управления. Исследования данной группы работ в той или иной степени посвящены разработке системы оценки эффективности деятельности администраций субъекта РФ или муниципального образования, а также критериев этой эффективности. Подчеркивается, что с точки зрения теории проблема расчета

эффективности государственного управления изучалась многими авторами, имеет несколько вариантов решения. Отмечается, что в настоящее время, как на федеральном уровне, так и в субъектах РФ накоплен значительный опыт разработки критериев оценки социально-экономического развития территорий.

Однако далеко не все из приводимых критериев могут служить для оценки эффективности деятельности администрации данного региона. Кроме того, избыточность критериев мешает разработке интегральных показателей и затрудняет комплексную оценку.

Вопросам модернизации государственного управления и проблемам методологии оценки его эффективности посвящен ряд научных исследований *в сфере социологии управления*, в их числе работы В.А. Потехина [28], А.Н. Нагимовой [20]. По мнению авторов данных исследований, оценка эффективности власти должна учитывать как экономическую, так и социальную эффективность проводимой политики, как количественные, так и качественные составляющие эффективности. Очень важно при разработке системы оценки эффективности власти учитывать как зарубежный опыт, так и российские научные разработки.

В этих работах эффективность деятельности органов государственной власти определяется не столько величиной экономического эффекта, сколько, прежде всего, социально-политическими результатами деятельности органов власти, уточняется понятие эффективности, которое трактуется как соответствие результатов деятельности власти тем социальным целям, которые ставятся перед ней обществом. Отмечается, что в настоящее время не выработана практика оценки государственной власти с привлечением общественности.

Определенный интерес представляют научные исследования *в сфере правового регулирования*, направленные на административно-правовое и организационно-правовое реформирование управленческой деятельности. Так, О.И. Чепунов [36] полагает, что низкая эффективность системы государственного управления вытекает из несоответствия самой концепции управления новым реалиям социально-экономического развития страны. Указывается, что эффек-

тивность государственной власти определяется в аспекте единства социально-экономической, правовой и управленческой эффективности. В свою очередь, критерии эффективности определяются задачами и целями исследования, которые можно сравнивать с показателями других стран в подобных условиях. Делается вывод о том, что эффективность системы органов государственной власти может быть достигнута при концептуальной формуле организации государственной власти – «сильный парламент и сильный президент при независимом правосудии, относительной самостоятельности субъектов РФ, развитыми институтами гражданского общества».

Автором работы [32] предлагается признать, что преобразования, обеспечивающие совершенствование деятельности исполнительных органов власти, не направленные на достижение социально значимых целей, не должны рассматриваться как реформирование, связанное с развитием общества. Обоснована необходимость вместо традиционного выбора в логике реформ догоняющего развития активнее применять реформы опережающего характера, учитывая передовой опыт развитых стран.

В мировой практике, по оценке исследователей, существует порядок реформирования государственного управления: сначала создаются нормативно-правовые основы деятельности, затем формируются управленческие структуры, и только потом переходят к работе над проблемами повышения эффективности управленческой деятельности. Особенностью современной России является незавершенность двух последних этапов. Это ставит на повестку дня вопросы формирования новых и развития действующих институтов государственного управления, повышения их эффективности на основе новой модели управленческой деятельности.

Таким образом, совершенствование системы государственного управления является составной частью стратегии модернизации России. Несмотря на определенные попытки реформирования административной деятельности на всех уровнях государственного и муниципального управления, они пока не дают желаемого эффекта.

В настоящее время сложилась объективная потребность перевести реформы системы государственного управления на новый уровень, связав их не только с развитием самих органов государственной власти, но и с социально-экономическим развитием общества. Однако до сих пор нет четкого понимания базовых принципов и ключевых критериев эффективности, социального качества управленческой деятельности.

Отмечая наличие ряда исследований, посвященных эффективности органов власти, следует сделать вывод о том, что остается нерешенным ряд проблем, таких как отсутствие единой методологии оценки эффективности органов власти, недостаточная исследованность механизма ответственности лиц, принимающих решения на всех уровнях власти. Современные социальные и политические реалии требуют также поиска эффективных технологий в системе социально-политического взаимодействия «общество – власть».

1.3. Критерии эффективности государственного и муниципального управления

Характеристика эффективности органов государственной власти многомерна и зависит от целей, формулируемых субъектом оценивания. При этом, применяя ту или иную технологию оценивания эффективности, необходимо четко выделить:

- субъект оценивания (его позицию, целевые и ценностные ориентиры);
- объект оценивания (им может стать вся система управления или отдельный ее элемент, например сфера деятельности – процесс, результат или последствия; структурно-институциональный аспект, кадры);
- инструментарий эффективности (модели, аспекты, виды и технологии оценки эффективности).

Для оценки деятельности органов государственной власти весьма важным является разработка *критериев и показателей эффективности*¹.

¹ *Критерий эффективности* – признаки, грани, стороны проявления управленческой деятельности, посредством анализа которых можно определить качество управления, его соответствие потребностям и интересам общества. *Показатель эффективности* – это определенная мера, позволяющая сравнить

Среди основных требований, предъявляемых к критериям оценки, можно выделить следующие:

- критерии должны вести к осуществлению задач оценки и охватывать все выявленные проблемы;
- критерии должны быть достаточно конкретны с тем, чтобы можно было осуществить оценку на практике;
- критерии должны подкрепляться соответствующими доводами и/или поступать из авторитетных источников.
- критерии, используемые для оценки деятельности органов власти, должны быть согласованы между собой, а также с теми критериями, которые использовались в предыдущих оценках.

Существующие в настоящее время критерии оценки управленческой деятельности ориентированы, в основном, на чисто формальные организационные подходы, не позволяющие выявить социальную направленность и экономические эффекты управленческих решений.

Российская практика оценки эффективности государственных органов управления опирается пока на затратную модель оценки, характеризующуюся отсутствием самостоятельности бюджетополучателей при расходовании бюджетных средств. Предпринимаются лишь первые попытки применить результативную модель оценки, в частности, Министерство регионального развития РФ, с одной стороны, планирует повысить значение оценки эффективности как инструмента, позволяющего определить правильность принимаемых управленческих решений. С другой стороны, предполагается провести лишь корректировку существующих методов оценки органов власти. В частности, предлагается сократить число используемых показателей, ввести критерии учета особенностей регионов, выработать новый подход к установлению удельных весов факторов, влияющих на комплексную оценку.

фактическую деятельность органов власти/сотрудников с желательной или требуемой; деятельность органа власти в различные временные периоды; деятельность различных органов относительно друг друга.

В настоящее время в условиях насущной потребности перехода экономики с инерционной (сырьевой) траектории развития на инновационную важно правильно спланировать меры экономической политики, своевременно сконцентрировать ресурсы на перспективных направлениях, что предполагает качественное изменение структур управления [9]. В связи с этим необходимо разработать теоретические и методологические основы формирования системы критериев эффективности государственного и муниципального управления, а также практические рекомендации по оценке эффективности деятельности органов власти всех уровней.

Нельзя не согласиться с обоснованным мнением данного исследователя, тем не менее, на наш взгляд, существуют проблемы для решения изложенных задач.

1. Модернизация экономики невозможна без усиления роли государства путем передачи в его руки мощных рычагов воздействия на хозяйственную жизнь экономическими средствами через приобретение контрольных пакетов акций крупных предприятий, влияния на рыночные цены, проведение инвестиционной и кредитной политики. Демократическое государство должно использовать рычаги управления рынком хотя бы в интересах самосохранения, применять все политические средства в виде принятия законов и контроля их исполнения и, таким образом, пойти на расширение и активизацию экономической деятельности государства в рамках рыночных отношений.

2. Реформирование системы государственного управления невозможно без определения роли и места различных уровней территориального управления в системе воздействия на развитие общества, распределения полномочий между федеральными, региональными и местными органами власти, нахождение путей обеспечения сочетания федеральных, региональных и местных интересов, а также отраслевых и территориальных интересов в системе управления.

3. Оценка управленческой деятельности должна производиться не с позиции отраслевых интересов, а исходить из таких интегральных ориентиров, как рост качества жизни, капитализация территории, конкурентоспособность, раз-

витие человеческого потенциала. Необходимо ввести в систему государственного управления технологии обеспечения качества человеческого ресурса, социального капитала, воспроизводства народонаселения и другие показатели, определяющие реальный уровень современного развития. Учитывая, что отдельные индексы эффективности, принятые в сегодняшней управленческой практике, строятся на разных основаниях и могут входить в противоречие друг с другом, требуется разработка матрицы критериев оценки эффективности управления.

Общеизвестно, что территориальная политика, ставящая цели развития и роста, всегда осуществляется по двум направлениям:

- обеспечение конкурентоспособности конкретной территории в системе глобального экономического баланса, всех ее активов, в том числе хозяйственных инфраструктур, человеческого капитала, природных ресурсов, хозяйствующих субъектов;
- повышение качества жизни, то есть перераспределение результатов капитализации на социальную структуру общества.

Поэтому следует учитывать как объективные (например, ВВП на душу населения), так и субъективные (например, удовлетворенность системой образования или здравоохранения) показатели и критерии.

4. Необходимо пересмотреть подходы к повышению эффективности управления в сфере обеспечения роста качества человеческих ресурсов и формирования социального капитала. Изменение отношения к традиционным статьям бюджетных расходов на здравоохранение, образование, социальную политику в логике инвестиционного процесса меняет всю систему критериев эффективности государственного управления. Исчисляемыми параметрами должны стать: уровень социальной и образовательной мобильности, трудовая миграция, транспортная связность.

5. Необходим иной подход к политике управления инновационным процессом, так как именно она является единственным реализуемым основанием новой промышленной политики, стратегическим направлением диверсифика-

ции экономики и преодоления сырьевой зависимости. Без содействия инновационному процессу оказывается невозможным долговременный устойчивый экономический рост. Разработку индикаторов эффективности деятельности региональных органов власти и её отдельных подразделений целесообразно производить в рамках этих направлений, опираясь на возможности их взаимодействия.

6. Система показателей эффективности управления на региональном и местном уровнях должна быть унифицированной, что позволит, с одной стороны, проводить сопоставление результатов деятельности региональных органов власти по единой методике, с другой – оценить динамику изменений, происходящих в каждом субъекте Федерации. Важно, чтобы в этой системе были отражены следующие сферы: здравоохранение; образование; социальная политика; жилищно-коммунальное хозяйство; жилищное строительство; экономический рост и доходы населения; качество самих бюджетных и административных процедур. Выбор именно этих сфер обусловлен тем, что расходы субъекта Федерации на их финансирование составляют от 70 до 90 процентов от расходной части консолидированного бюджета региона.

При таком подходе общим критерием эффективности системы государственного и муниципального управления может служить результативность управления (управление по результатам), которая обуславливает рост человеческого капитала, рост экономики, рост уровня и качества жизни. *Частными критериями* при этом будут следующие:

- достижение планируемых общественно значимых результатов на уровне органов власти;
- исполнение решений органов власти;
- эффективное использование ресурсов органов власти;
- соответствие стандартам качества и доступности государственных услуг;
- оптимизация состава функций органов власти (отсутствие избыточных функций, избыточного государственного регулирования и дублирования);

- оптимизация контрольных и надзорных функций;
- эффективность системы закупок для государственных нужд, опирающейся на систему обоснования расходов на закупку товаров (работ, услуг) для государственных нужд в целях прогнозирования и перспективного планирования соответствующих расходов бюджета;
- прозрачность деятельности органов власти (снижения уровня коррупции);
- открытость (информационная открытость органов власти и наличие обратной связи с гражданами и организациями);
- соответствие уровня информационного обеспечения органов власти требованиям управления по результатам (наличие системы мониторинга качества и доступности государственных услуг).

Очевидно, найти оптимальные решения изложенных проблем невозможно, что затрудняет оценку эффективности принимаемых управленческих решений. В таких условиях в практической деятельности для конкретных целей проводится корректировка методов оценки органов власти, как правило, путем сокращения числа критериев.

Таким образом, изучение теоретических вопросов повышения эффективности государственного управления позволят заключить, что, несмотря на большое число работ по данной тематике, появившихся в последние 10 – 15 лет, теоретико-методологические основы исследования находятся в стадии разработки. Что касается методического инструментария оценки эффективности государственного управления, то некоторые наработки имеются. В основном это касается налоговой, бюджетной и инвестиционной политики. Однако методика комплексной оценки эффективности государственного управления экономической наукой не разработана.

2. ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ БЮДЖЕТНОЙ ПОЛИТИКИ)

2.1. Исследования проблемы оценки эффективности государственного управления в ИСЭРТ РАН

Проблема эффективности государственного управления является актуальной и для регионального уровня власти. Ряд работ в этом направлении выполнен сотрудниками ИСЭРТ РАН.

Во-первых, в начале 2000-х годов была разработана и апробирована методика оценки эффективности управления социально-экономическим развитием муниципальных образований. Система оценки включает в себя два основных блока: анализ финансового обеспечения деятельности местных органов власти и управления; анализ результативности управления социально-экономическим развитием города (рис. 1). Анализ результативности управления социально-экономическим развитием включает в себя следующие основные стадии:

- мониторинг социально-экономического развития города, который предполагает диагностику текущей ситуации, ее сопоставление с намеченными целями, анализ тенденций развития и остроты городских проблем; методика включает в себя мониторинг качества жизни населения, мониторинг развития экономики, мониторинг социально-экономического потенциала;

- мониторинг условий проживания, который позволяет оценить степень соответствия полученных в ходе управления муниципальным развитием результатов потребностям населения; в рамках мониторинга проводится анкетный опрос жителей города, позволяющий выявить имеющиеся проблемы в разных территориальных частях областного центра, проанализировать мнения горожан о происходящих изменениях, изучить отношение граждан к деятельности местных органов власти;

- оценка работы аппарата управления, которая проводится на основе анкетного опроса сотрудников городской администрации; данное направление в отличие от двух вышеперечисленных является оценкой внутренних факторов, а

не внешних. Она способствует определению компетентности муниципальных служащих, позволяет выработать направления совершенствования деятельности аппарата управления [24, 34, 35].

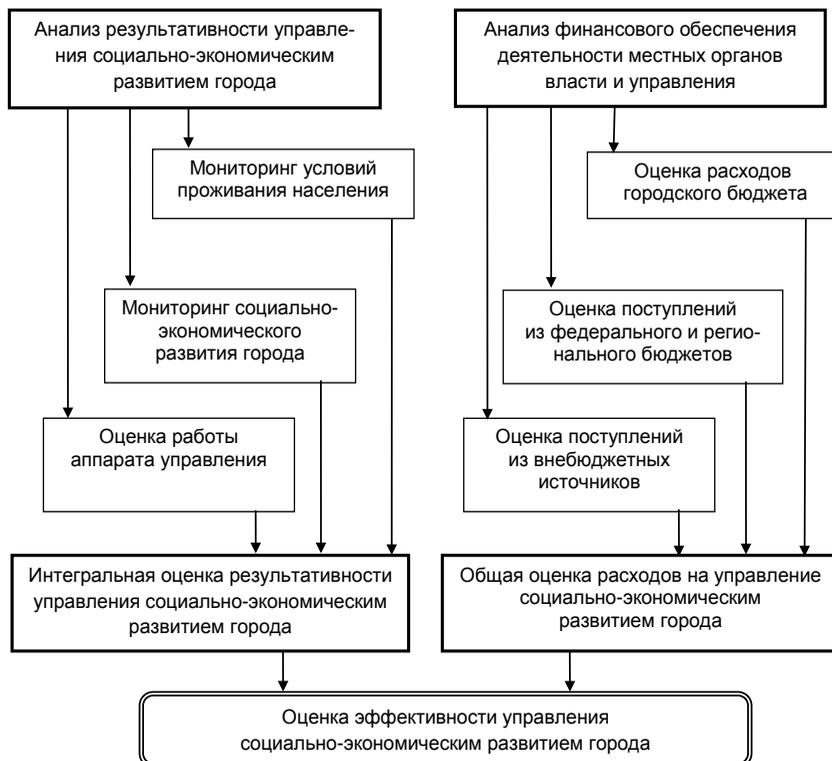

Рис. 1. Принципиальная схема оценки эффективности управления социально-экономическим развитием города

Основные результаты исследования опубликованы в таких работах, как:

1. Орлова, Э.О. О методике оценки эффективности муниципального управления / Э.О. Орлова, Т.В. Ускова // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. – 2003. – № 2. – С. 25-33.
2. Теоретико-методологические основы оценки эффективности управления социально-экономическим развитием города / Т.В. Ускова, Д.П. Жаравин. – Вологда, 2005. – 33 с.

3. Оценка эффективности управления социально-экономическим развитием муниципального образования: отчет о НИР / исполн. В.А. Ильин, Т.В. Ускова, Д.Е. Амелин, Э.О. Орлова, М.Н. Рогозина. – Вологда, 2007. – 73 с.

Во-вторых, начаты НИР по оценке эффективности государственного управления, среди них:

- проект «Повышение эффективности управления социально-экономическим развитием муниципальных образований»;
- проект «Эффективность бюджетных расходов на реализацию долгосрочных целевых программ (на примере Вологодской области)»;
- проект «Оценка и направления повышения эффективности региональной политики по управлению развитием муниципальных образований».

В числе основных публикаций следующие.

1. Ильин, В.А. Проблемы эффективности государственного управления. Бюджетный кризис регионов [Текст]: монография / В.А. Ильин, А.И. Поварова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. – 128 с.

2. Ильин, В.А. «Частный капитал и национальные интересы. На примере собственников металлургических корпораций» // Вестник Российской академии наук. – 2013. – № 7.

В-третьих, сотрудниками ИСЭРТ РАН выполнена экспертиза и подготовлены заключения на Стратегию социально-экономического развития Вологодской области и ряд целевых программ. Экспертные заключения содержат рекомендации, реализация которых позволяет повысить эффективность государственного управления.

2.2. Оценка эффективности региональной бюджетной политики

Одним из базовых аспектов государственного управления, затрагивающим все уровни власти – от федерального центра до муниципалитета – является бюджетная политика, которая в экономической литературе определяется как «направление экономической политики государства, связанное с разработкой и использованием государственного бюджета и бюджетов территориально-административных единиц».

Функциональный аспект бюджетной политики включает:

- политику в области доходов бюджета (фискальную);
- политику в области расходов бюджета;
- политику в области обеспечения сбалансированности бюджета;
- политику эффективного управления государственным, муниципальным долгом;
- политику в области межбюджетных отношений.

В соответствии с Бюджетным кодексом РФ стратегические и краткосрочные ориентиры бюджетной политики, согласованные с общими целями и задачами экономической политики государства, задает Бюджетное послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ о бюджетной политике на очередной год.

В Бюджетном послании о бюджетной политике в 2014 – 2016 гг. В.В. Путин заявил, что «основой бюджетной политики России должно стать повышение её эффективности, чтобы обеспечить развитие всех сфер экономики, а также безусловное выполнение социальных обязательств».

В последние годы проблема эффективности бюджетной политики стала одним из приоритетных направлений научных исследований ИСЭРТ РАН. Актуальность этих исследований возрастает на современном этапе, когда российская экономика функционирует в условиях жёстких бюджетных ограничений, связанных с недостатком бюджетных доходов для решения официально сформулированных задач социально-экономического развития.

В 2007 – 2012 гг. научные исследования ИСЭРТ РАН были направлены на разработку теоретико-методологических основ и методов бюджетной обеспеченности регионов Северо-Западного федерального округа; исследование проблем исполнения субфедеральных бюджетов РФ; совершенствование долговой политики и межбюджетных отношений.

Результаты этих исследований свидетельствуют о растущих дефектах системы управления бюджетом, ярким отражением которых явился бюджетный кризис российских регионов.

Существенное падение собственных доходов под влиянием последствий мирового финансового кризиса, с одной стороны, и необходимость финансирования первоочередных социальных обязательств – с другой, привели к дефициту субнациональных бюджетов, который, по прогнозам, к началу 2014 г. составит более триллиона рублей (рис. 2, 3).

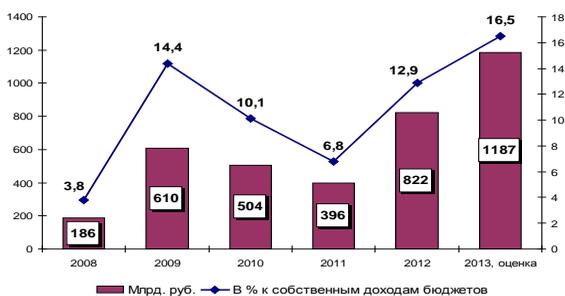

Рис. 2. Динамика реального дефицита консолидированных бюджетов субъектов РФ в 2008 – 2013 гг.

Рис. 3. Динамика государственного долга субъектов РФ в 2008 – 2013 гг.

Бюджетный дефицит и государственный долг большинства регионов России граничат с банкротством. По уровню долговой нагрузки Вологодская область занимает 4-е место среди субъектов РФ. На 1 октября 2013 г. госдолг в 1,6 раза превышал объём собственных доходов регионального бюджета (табл. 1).

Таблица 1. **Субъекты с максимальной долговой нагрузкой**

Субъект	На 01.10.2012		На 01.10.2013	
	тыс. руб.*	%**	тыс. руб.*	%**
Республика Мордовия	27,0	229,9	31,2	276,7
Чукотский автономный округ	97,4	78,0	255,1	262,2
Белгородская область	18,8	97,5	26,5	168,9
Вологодская область	21,7	121,7	23,1	159,9
Республика Северная Осетия	9,0	146,4	8,9	154,4
Республика Марий Эл	9,0	90,4	12,5	150,4
Республика Карелия	12,7	61,9	20,0	143,2
Костромская область	13,8	110,8	15,5	141,7
Архангельская область	12,0	45,1	18,3	128,5
Псковская область	7,0	53,5	12,5	128,3
Саратовская область	14,4	116,0	16,3	125,3
Амурская область	14,5	64,4	25,2	125,2
Пензенская область	10,2	100,9	11,3	124,4
Новгородская область	14,2	70,8	17,4	122,0
Смоленская область	10,2	68,5	14,9	121,9
Республика Алтай	7,5	106,0	6,0	115,5
Краснодарский край	8,1	49,0	16,9	113,9
Карачаево-Черкесская Республика	5,8	101,5	5,4	110,9
Республика Хакасия	9,3	54,5	14,8	109,2
Республика Татарстан	22,3	96,1	22,4	100,7
Республика Ингушетия	0,3	21,4	3,3	107,7
Удмуртская Республика	10,4	63,9	16,5	105,5
Тверская область	13,5	88,3	15,2	102,3
Российская Федерация	7,8	30,2	9,4	39,9

* Объём государственного долга на душу населения.
** Объём государственного долга в % к собственным доходам регионального бюджета.

К сожалению, долговая нагрузка на областной бюджет снижается очень медленно. За 9 месяцев 2013 г. объём государственного долга области уменьшился всего на 1,5 млрд. руб., или на 5% (рис. 4).

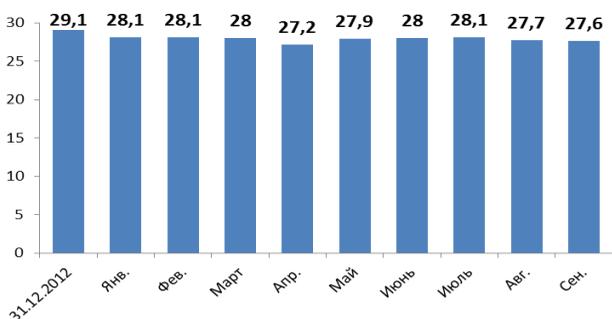

Рис. 4. Динамика государственного долга Вологодской области за январь – сентябрь 2013 г., млрд. руб.

Проблема дефицита собственных ресурсов и разбалансированности бюджета, перешедшая в острый долговой кризис, началась для региона в 2009 г. и традиционно увязывается с последствиями мирового финансового кризиса (рис. 5).

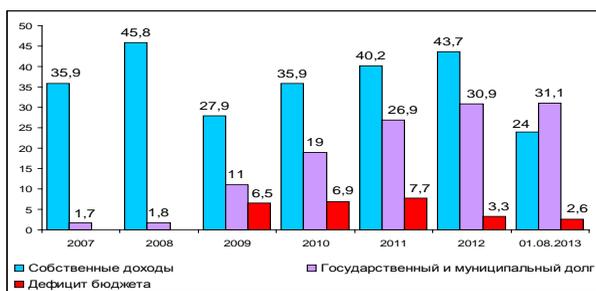
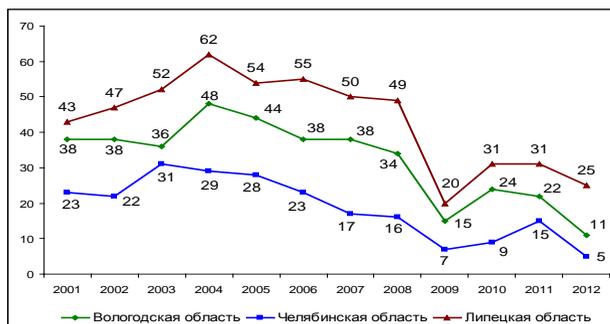

Рис. 5. Динамика собственных доходов, государственного долга и дефицита консолидированного бюджета Вологодской области в 2008 – 2013 гг., млрд. руб.

Для выяснения реальных причин бюджетного кризиса Вологодской области в ИСЭРТ РАН в 2011 г. было предпринято исследование, которое проводилось под углом зрения влияния деятельности базового бюджетформирующего предприятия – ОАО «Череповецкий металлургический комбинат ОАО «Северсталь» – на наполняемость бюджета региона. В целях более взвешенной оценки сложившейся ситуации было принято решение наряду с анализом производственно-финансовой деятельности ЧерМК сопоставить ключевые показатели

его работы с показателями ОАО «Новолипецкий металлургический комбинат» и ОАО «Магнитогорский металлургический комбинат», которые играют определяющую роль в экономике Липецкой и Челябинской областей.

Результаты анализа показали, что в 2009 – 2012 годах происходило заметное снижение роли предприятий чёрной металлургии как основных мобилизаторов доходных источников территориальных бюджетов. Доля налоговых доходов от металлургического производства в общем объёме налоговых доходов в бюджетах регионов в 2001 – 2012 гг. снизилась более чем в 3 раза (рис. 6). По итогам 2012 г. металлургическое производство перестало быть основной бюджетоформирующей отраслью бюджетных систем Челябинской и Вологодской областей.

Рис. 6. Динамика удельного веса налогов от предприятий чёрной металлургии в общем объёме налоговых доходов консолидированных бюджетов субъектов РФ в 2001 – 2012 гг., %

Анализ показателей, характеризующих ценовую динамику на рынках сбыта предприятий чёрной металлургии, позволяет утверждать, что ценовая политика крупных корпораций не способствовала росту экономики регионов и увеличению налоговых платежей. В 2008 – 2012 гг. цены на металлопродукцию имели устойчивую тенденцию роста (рис. 7).

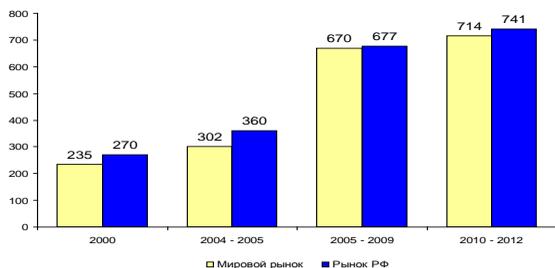

Рис. 7. Среднегодовые цены на металлопрокат в 2000 – 2012 гг., долл./т

Однако рост цен всё в меньшей степени трансформировался в увеличение прибыли металлургических предприятий, а полученные конъюнктурные доходы в большей степени становились источниками оттока капитала. Отечественные предприятия чёрной металлургии недополучают значительные суммы выручки вследствие того, что трейдерные зарубежные структуры, через которые экспортируется их продукция, устанавливают на неё более низкие по сравнению с общемировыми цены. В результате, по расчетам ИСЭРТ РАН, в 2008 – 2012 гг. из-под российского налогообложения выведено 369 млрд. руб. экспортной выручки. Налог на прибыль с этой суммы мог бы пополнить федеральный бюджет на 11 млрд. руб., а территориальные бюджеты – на 66 млрд. руб. (табл. 2).

Таблица 2. Недополученная выручка от экспортных продаж металлургических комбинатов за 2008 – 2012 гг., млрд. руб.

Показатель	ЧерМК	ММК	НЛМК	Итого
Недополученная выручка	72,7	147,3	148,8	368,8
Дополнительный налог на прибыль, в том числе поступления	15,1	31,0	30,8	76,9
- в федеральный бюджет	1,9	4,6	4,1	10,6
- в региональный бюджет	13,2	26,4	26,7	66,3

Одной из ключевых причин снижения вклада предприятий чёрной металлургии в наполняемость бюджета стала неэффективность стратегии транснационализации бизнеса, последующая деятельность которого оказалась убыточной.

Особенно ярким примером ошибок и просчётов выбранной стратегии развития может служить ОАО «Северсталь». Осуществляя амбициозные планы по выходу на глобальные рынки, начиная с 2003 г. владельцы корпорации резко увеличили расходы на приобретение дочерних компаний, преимущественно иностранных, причём пик финансовых вложений пришёлся на 2008 – 2010 гг. Устойчивый отрицательный чистый остаток по инвестиционной деятельности служит свидетельством о существенных оттоках денежных средств с Череповецкого металлургического комбината (рис. 8).

Рис. 8. Финансовые вложения ЧерМК в дочерние компании в 2000 – 2012 гг., млрд. руб.

В общей сложности на приобретение своего зарубежного дивизиона в 2003 – 2012 гг. руководство «Северстали» потратило 190 млрд. руб., а убытки этого дивизиона составили 125 млрд. руб.

Затраты Магнитогорского и Новолипецкого меткомбинатов на приобретение активов за рубежом были существенно ниже, чем на Череповецком, поскольку они намного позднее начали осуществлять экспансию на мировые рынки и не в таких масштабах, как «Северсталь». Однако иностранный бизнес и этих акционерных обществ оказался неэффективным, принося убытки (табл. 3).

Таблица 3. Затраты металлургических корпораций на приобретение иностранных активов, млрд. руб.

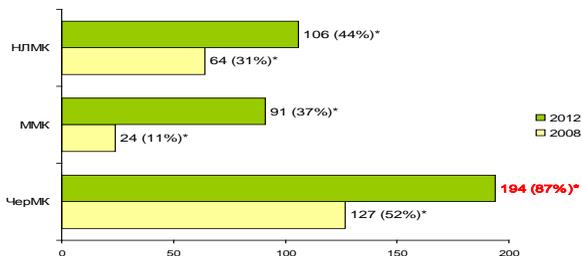
Показатель	ОАО «Северсталь» (2003 – 2012)	ОАО «ММК» (2010 – 2012)	ОАО «НЛМК» (2008 – 2012)
Затраты на приобретение	191	25	62
Доля в производстве стали, %	28	4	6
Доля себестоимости в выручке, %	97	110	102
Чистый убыток	125	11	28

Зарубежные структуры металлургических корпораций являются высокозатратными и убыточными. Для чего они нужны?

Генерируя хронические убытки, зарубежные подразделения холдингов требовали огромных финансовых ресурсов на своё содержание. За 2008 – 2012 гг. предоставленные металлургическими корпорациями займы дочерним компаниям за счёт средств головных предприятий составили 440 млрд. руб., при этом более половины этой суммы пришлось на ЧерМК. В свою очередь, кредитование осуществлялось за счёт эскалации долговой задолженности металлургических комбинатов, которая за пять лет увеличилась в 1,5 раза на ЧерМК и НЛМК и в 4 раза – на ММК. На конец 2012 г. самый высокий уровень задолженности, составивший практически годовой объём выручки, имел ЧерМК. За 2008 – 2012 гг. растущие процентные платежи за обслуживание кредитов уменьшили налогооблагаемую прибыль предприятий чёрной металлургии на 76 млрд. руб., налог на прибыль, который мог быть получен с этой суммы, оценивается в 16 млрд. руб. (табл. 4, рис. 9).

Таблица 4. Процентные платежи металлургических комбинатов за 2008 – 2012 гг., млрд. руб.

Показатель	ЧерМК	ММК	НЛМК	Итого
Выдано займов	241	42	157	440
Получено кредитов	498	170	152	820
Проценты к уплате	46	13	17	76
Налог на прибыль	9,4	2,7	3,5	15,6
В федеральный бюджет	1,3	0,5	0,7	2,5
В региональный бюджет	8,1	2,2	2,8	13,1

* Доля задолженности в выручке от продаж.

Рис. 9. Задолженность по кредитам металлургических комбинатов за 2008 – 2012 гг., млрд. руб.

На снижение прибыли, рентабельности и, как следствие, прибыли до налогообложения металлургических комбинатов существенное влияние оказали вне-реализационные расходы, прежде всего коммерческие и управленческие. Отсутствие регулирования коммерческих и управленческих расходов относительно выручки привело к тому, что в 2009 – 2012 гг. суммарный рост этих издержек на ЧерМК с 5 до 9,5%, на Новолипецком – с 7 до 11%. Налог на прибыль, который мог бы поступить в 2009 – 2012 гг. при условии сохранения удельного веса этих расходов на уровне 2008 г., оценивается в 15,2 млрд. руб. (табл. 5).

Таблица 5. Влияние повышения удельного веса коммерческих и управленческих расходов на налоговые платежи

Показатель	ЧерМК		ММК		НЛМК	
	2008	2009 – 2012	2008	2009 – 2012	2008	2009 – 2012
Выручка от продаж, млрд. руб.	243,6	831,3	226,0	829,5	202,1	769,8
Коммерческие и управленческие расходы, млрд. руб.	12,3	79,1	11,2	50,4	14,6	86,1
Удельный вес коммерческих и управленческих расходов в выручке от продаж, %	5,1	9,5	5,0	6,1	7,2	11,2
Коммерческие и управленческие расходы при условии сохранения удельного веса расходов на уровне 2008 г., млрд. руб.		42,4		41,5		55,4
Разница, млрд. руб.		36,7		8,9		30,7
Налог на прибыль, который мог бы поступить в 2009 – 2012 гг. при условии сохранения удельного веса расходов на уровне 2008 г., млрд. руб.		7,34		1,78		6,14
В том числе:						
в федеральный бюджет		0,73		0,18		0,61
в региональный бюджет		6,61		1,60		5,53

Действующая система налогообложения крупных хозяйствующих субъектов не позволяет увязывать размер реальной налоговой нагрузки с объёмами прибыли и доходов, получаемых собственниками. Если за 2008 – 2012 гг. налоговая нагрузка металлургических комбинатов снизилась в 2 – 5 раз, то состояние их владельцев выросло в 2 – 3 раза (табл. 6).

Таблица 6. Состояние гендиректоров металлургических корпораций и налоговая нагрузка в 2008 – 2012 гг., млрд. руб.

Показатель	2008	2009	2010	2011	2012	2012 к 2008, раз
Вологодская область						
Состояние гендиректора ОАО «Северсталь»*	126	299	564	493	389	+3,1
Налоги** ЧерМК	27,0	4,0	9,2	8,6	5,3	-5,1
Налоговая нагрузка, % к вырубке	11,1	2,8	4,4	3,4	2,4	-4,6
Челябинская область						
Состояние гендиректора ОАО «ММК»*	74	296	341	180	128	+1,7
Налоги** ММК	17,4	5,1	8,6	16,0	7,3	-2,4
Налоговая нагрузка, % к вырубке	7,7	3,7	4,3	6,5	3,0	-2,6
Липецкая область						
Состояние гендиректора НЛМК*	153	478	732	512	428	+2,8
Налоги** НЛМК	23,4	7,1	11,7	14,7	13,1	-1,8
Налоговая нагрузка, % к вырубке	11,6	5,5	6,5	6,7	5,5	-2,1

* По данным журнала «Forbes».
 ** Налоги в федеральный, территориальный бюджеты, государственные внебюджетные фонды.

С 1 января 2012 г. в РФ в отношении крупнейших компаний был введен институт консолидированных групп налогоплательщиков (КГН), который, как показали результаты исследований ИСЭРТ РАН, стал ещё одним свидетельством неэффективной бюджетной политики государства. Формирование КГН в ОАО «Северсталь» и «НЛМК» стало решающим фактором резкого спада поступлений налога на прибыль от головных предприятий в бюджеты Вологодской и Липецкой областей (рис. 10).

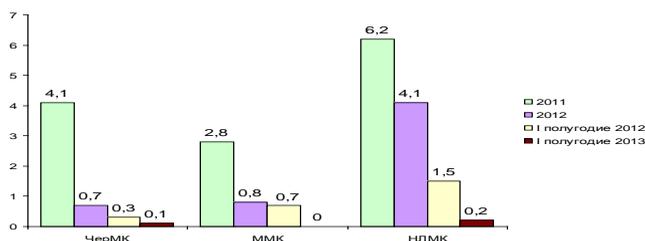

Рис. 10. Поступления налога на прибыль от металлургических комбинатов в 2011 – 2013 гг., млрд. руб.

Анализ изменения динамики поступлений налога на прибыль показал, что введение режима КГН, допускающего сальдированный механизм финансовых результатов, крайне болезненно отразилось на уровне доходности бюджетов не только регионов, где образованы КГН, но и регионов, бюджетоформирующие предприятия которых перешли в состав КГН ОАО «Северсталь» и «НЛМК» (табл. 7).

Таблица 7. Поступления налога на прибыль в консолидированные бюджеты субъектов РФ в 2011 – 2013 гг., млрд. руб.

Субъект	2011	2012	2012 к 2011, %	2013, план	2013, в % к		Фактически на		%
					2011	2012	01.10.2012	01.10.2013	
Липецкая область	12373	10295	83,2	10225	82,6	99,3	6647	6079	91,5
Алтайский край	10192	9712	95,3	8767	86,0	90,3	6216	5894	94,8
Мурманская область	18186	11579	63,7	13578	74,7	117,3	8781	7438	84,7
Белгородская область	28597	20385	71,3	21434	75,0	105,1	14187	9629	67,9
Республика Коми	18213	18764	103,0	н.д.	н.д.	н.д.	13671	8719	63,8
Вологодская область	13414	11589	86,4	10221	76,2	88,2	6351	3451	54,3
Республика Карелия	6977	5602	80,3	6088	87,3	108,7	4332	1731	40,0

Резкий понижающий тренд мобилизации налога на прибыль в территориальные бюджеты указывает на то, что налоговое законодательство целенаправленно создаёт условия для минимизации налогооблагаемой базы стратегических налогоплательщиков.

Итоги исполнения субфедеральных бюджетов за 2012 г. и 9 месяцев 2013 г. явно продемонстрировали несостоятельность признания российскими властями института КГН в качестве одной из основных мер, «нацеленных на создание эффективной и стабильной налоговой системы, обеспечивающей бюджетную устойчивость» [23].

При существенном снижении участия в мобилизации налога на прибыль металлургическим корпорациям «Северсталь» и «ММК» на внешне законных основаниях ежегодно возвращается 20 – 50% платежей.

Масштабы возвратов экспортного НДС металлургическим компаниям (в среднем 27 млрд. руб. ежегодно) позволяют говорить о появлении своеобразного бизнеса, основанного на получении доходов от бюджетного возмещения налогов.

Всего за 2008 – 2012 гг. в результате возврата налога на прибыль и НДС, уплаченных корпорациями чёрной металлургии, налоговые доходы консолидированного бюджета РФ сократились на 157,5 млрд. руб. (табл. 8).

Таблица 8. **Налоги, предъявленные металлургическими корпорациями к возмещению из бюджета в 2008 – 2012 гг., млн. руб.**

Показатель	2008	2009	2010	2011	2012	Итого за 2008 – 2012
ОАО «Северсталь» (дивизион «Северсталь Российская Сталь»)						
Налог на прибыль к возврату	4,0	0,6	0,6	2,4	0,3	7,9
В % к уплаченному налогу	21,4	10,9	8,7	49,2	8,5	19,9
НДС к возврату	6,9	5,2	6,7	5,5	5,6	29,8
В % к исчисленному НДС*	47,6	43,0	69,8	47,8	46,6	51,0
ОАО «ММК»						
Налог на прибыль к возврату	3,9	0,4	1,1	2,7	2,7	10,8
В % к уплаченному налогу	27,7	31,6	48,1	86,2	199,9	49,0
НДС к возврату	7,8	7,1	6,5	9,8	6,1	37,2
В % к исчисленному НДС*	24,4	23,9	20,8	25,4	14,6	21,8
ОАО «НЛМК»						
Налог на прибыль к возврату	0,03	0,8	0,02	1,2	0,09	2,2
В % к уплаченному налогу	0,2	64,0	0,4	16,5	1,8	5,9
НДС к возврату	14,3	10,2	12,7	15,3	17,0	69,5
В % к исчисленному НДС*	204,8	123,4	148,2	176,8	180,5	166,7
* НДС, исчисленный к уплате в бюджет всеми налогоплательщиками соответствующей области (по данным территориальных управлений ФНС).						

Анализ распределительной политики металлургических корпораций позволил выявить явный её перекос в сторону в большей степени потребления, чем накопления и реализации инвестиционных программ. Объёмы собственных ресурсов в виде денежных средств и капитализируемой чистой прибыли превышали капитальные затраты Череповецкого и НовOLIпецкого металлургических комбинатов в 20 раз, Магнитогорского – в 7 раз (табл. 9).

Таблица 9. **Собственные средства, капитальные расходы и дивидендные выплаты в 2008 – 2012 гг., млрд. руб.**

Показатель	2008	2009	2010	2011	2012
ЧерМК					
Собственные средства	172,7	200,3	146,1	120,9	127,4
Уплаченные налоги в бюджетную систему РФ	27,0	4,0	9,2	8,6	5,3
Капитальные расходы	11,8	4,5	7,1	16,1	12,5
<i>В % к собственным средствам</i>	6,8	2,2	4,9	13,3	9,8
Дивиденды	31,0	0	6,8	15,3	11,6
<i>В % к налоговым платежам</i>	114,7	0	73,6	178,5	219,2
Годовой размер вознаграждения одного работника органов корпоративного управления*	129,0	145,7	120,2	200,8	143,2

ММК					
Собственные средства	120,3	132,7	165,8	161,3	166,1
Уплаченные налоги в бюджетную систему РФ	17,4	5,1	8,6	16,0	7,3
Капитальные расходы	25,5	34,8	35,7	21,5	14,9
<i>В % к собственным средствам</i>	<i>21,2</i>	<i>26,2</i>	<i>21,5</i>	<i>13,3</i>	<i>9,0</i>
Дивиденды	4,3	4,1	3,7	0	3,1
<i>В % к налоговым платежам</i>	<i>24,5</i>	<i>81,4</i>	<i>42,7</i>	<i>0</i>	<i>43,0</i>
Годовой размер вознаграждения одного работника органов корпоративного управления*	26,9	26,1	17,6	19,7	26,8
НЛМК					
Собственные средства	222,5	275,9	287,5	304,9	334,4
Уплаченные налоги в бюджетную систему РФ	23,4	7,1	11,7	14,7	13,1
Капитальные расходы	23,8	31,5	25,2	28,8	15,5
<i>В % к собственным средствам</i>	<i>10,7</i>	<i>11,4</i>	<i>8,8</i>	<i>9,4</i>	<i>4,6</i>
Дивиденды	16,7	5,5	33,7	34,5	14,7
<i>В % к налоговым платежам</i>	<i>51,2</i>	<i>18,7</i>	<i>93,3</i>	<i>81,4</i>	<i>28,3</i>
Годовой размер вознаграждения одного работника органов корпоративного управления*	10,5	12,8	17,2	13,1	10,3
* Без вознаграждения генеральному директору (основному собственнику корпорации).					

Снижение налоговых поступлений от металлургических комбинатов сопровождалось наращиванием доходов высшего звена управления корпорациями.

Дивидендные выплаты акционерам ОАО «Северсталь» в 2011 – 2012 гг. были в два раза выше налоговых платежей, а годовой доход от выплаты вознаграждений одного топ-менеджера составил 170 млн. руб.

Приведённые примеры свидетельствуют о существенном разрыве между возможностями металлургического комплекса к увеличению наполняемости бюджета, инвестированием и фактическим уровнем вклада в бюджет и инвестиции.

По расчётам ИСЭРТ РАН, в результате принятия ряда мер, направленных на корректировку порядка определения налоговой базы и сокращение внереализационных издержек крупнейших налогоплательщиков, потенциальные дополнительные поступления налоговых платежей от корпораций чёрной металлургии в консолидированный бюджет РФ могут быть увеличены ежегодно на 46,4 млрд. руб. (табл. 10).

Таблица 10. Источники дополнительных налоговых доходов от крупнейших корпораций чёрной металлургии, млрд. руб.

Источник	Консолидированный бюджет РФ	Федеральный бюджет	Бюджеты субъектов РФ
Налогообложение экспортных операций с трейдерскими структурами в офшорах	15,4	2,1	13,3
Регулируемое соотношение коммерческих и управленческих расходов в выручке	3,0	0,3	2,7
Сокращение процентных расходов	3,1	0,5	2,6
Прочие расходы, которые могут быть исключены из базы, уменьшающей прибыль до налогообложения*	7,3	0,8	6,5
Налогообложение дивидендов, полученных от других организаций	4,8	0,7	4,1
Увеличение ставки налогообложения дивидендов	0,8		0,8
Введение ограничений на размер убытков, учитываемых при исчислении налогооблагаемой базы КГН	12,0**	1,2**	10,8**
Всего	46,4	5,6	40,8

* Убытки прошлых лет, резервы под обесценение финансовых вложений и по сомнительным долгам.

Дополнительные налоговые доходы консолидированных бюджетов составляют:

- Вологодская область – 10,7 млрд. руб. в год;
- Липецкая область – 11,9 млрд. руб. в год;
- Челябинская область – 7,3 млрд. руб. в год.

Главный вывод исследования состоит в том, что в стране сформировалась своеобразная система управления национальной экономикой, в которой крупнейшие корпорации становятся инструментами эксплуатации локальных ресурсов в интересах внешних бенефициаров. Современные методы корпоративного управления, направленные на консолидацию и перенаправление из регионов финансовых потоков, ни в коей мере не сочетаются с интересами территорий, не способствуют решению проблем социально-экономического развития и являются источником напряжённости в обществе.

Результаты исследования металлургических корпораций, прежде всего касающиеся взаимоотношений с бюджетом, дают основание сделать вывод о неспособности политического руководства страны противостоять лоббированию частных интересов крупнейших налогоплательщиков. Более того, прово-

димая бюджетно-налоговая политика способствует усилению роли собственнических отношений в экономике. Введение консолидированного налогообложения, открывающего дополнительные возможности оптимизации налоговых изъятий, многочисленные допущения в сфере исчисления базы по налогу на прибыль для акционированных компаний, многие из которых представлены крупными корпорациями, – явное тому подтверждение.

Вопреки основополагающему принципу справедливости налогообложения, действующая система налоговых льгот, являющаяся одним из важнейших критериев оценки налоговой политики, в большей мере учитывает интересы крупного высокодоходного бизнеса.

Результаты исследований ИСЭРТ РАН по вопросам администрирования НДС и распределения налоговой нагрузки показали, что более 90% освобождений по уплате НДС получают субъекты финансовой деятельности, занимающие 4-е место в экономике по размеру прибыли, а основное бремя по его уплате несут предприятия машиностроения и строительные организации. Ежегодные льготы и освобождения в сфере администрирования НДС, львиная доля которых предоставляется высокодоходным субъектам и крупнейшим экспортёрам сырьевых ресурсов, вдвое превышают годовой объём доходов федерального бюджета, что противоречит фискальному смыслу данного налога и создаёт угрозу экономической безопасности страны.

Почти 90% федеральных льгот по налогу на имущество организаций предоставляется субъектам естественных монополий. Полная отмена этих преференций могла бы увеличить ежегодные поступления налога на имущество организаций в бюджеты регионов приблизительно на 200 млрд. руб., или на 30%.

В 2011 – 2012 гг. объём предоставленных налоговых льгот составил 80% от исчисленных к уплате налогов, что свидетельствует о колоссальном налоговом потенциале российской экономики (табл. 11).

Негативное влияние на формирование доходного потенциала оказывает теневой сектор экономики, общий объём которого, по словам министра финансов А. Силуанова, оценивается в 15 – 20% ВВП. Из-за нелегального ведения бизнеса потери бюджета составляют 3 трлн. руб., в том числе территориальных бюджетов – 2 трлн. руб. Ежегодно 2 млн., или 40% от общего количества организаций, состоящих на учёте в налоговых инспекциях, не представляют отчётность в налоговые органы, или представляют «нулевую» отчётность.

Таблица 11. **Налоговые льготы, предоставленные субъектам экономики РФ**

Показатель	2011		2012	
	млрд. руб.	в % к начисленной сумме	млрд. руб.	в % к начисленной сумме
Льготы, всего	24043,8	78,9	28490,0	81,8
Налог на прибыль	162,1	7,7	201,2	9,6
В том числе уменьшение налоговой базы на сумму убытка прошлых лет	95,3	4,5	134,4	6,4
НДС	23155,9	92,7	27424,0	93,8
Освобождение от уплаты, всего	3335,7	13,6	5056,9	17,3
<i>В том числе субъектов финансовой деятельности</i>	<i>2965,3</i>	<i>11,9</i>	<i>4642,4</i>	<i>15,9</i>
Акцизы	85,3	12,7	103,7	12,3
В том числе на спирт, алкогольную продукцию, пиво и табачные изделия	26,2	3,9	16,0	1,9
НДПИ	262,9	12,6	323,9	13,1
Водный налог	1,4	44,2	1,3	50,9
Транспортный налог	1,5	6,8	1,4	6,1
Земельный налог	50,0	40,6	68,8	53,6
Налог на имущество организаций	324,6	66,9	365,6	66,3
<i>В том числе субъекты естественных монополий</i>	<i>168,2</i>	<i>34,7</i>	<i>199,4</i>	<i>36,1</i>

«Из-за теневого сектора экономики, который составляет 15 – 20% ВВП, бюджет недобирает 3 триллиона руб. При этом «серые» зарплаты лишают региональные бюджеты 2 триллионов рублей. Борьба с ними – задача и регионального, и федерального уровня» [16].

По данным Банка России, за 2008 – 2012 гг. потери денежных средств от сомнительных экспортных сделок, фиктивных контрактов и операций с ценными бумагами, кредитами ежегодно составляли в среднем 1,1 трлн. руб. Если допустить, что на эти средства мог быть начислен налог на прибыль, то становит-

ся очевидным, что консолидированный бюджет РФ недосчитался как минимум 230 млрд. руб., или более 11% поступлений налога на прибыль в год (табл. 12).

Судя по прогнозам, новый цикл бюджетной политики будет чрезвычайно напряжённым как для федерального, так и территориальных бюджетов. Доходы федерального бюджета в структуре ВВП сокращаются, что обусловлено падением нефтегазовых доходов в связи со снижением экспортных цен на нефть и газ при ограниченном росте добычи и экспорта основных энергоресурсов.

Таблица 12. Денежные средства и налог на прибыль, недополученные в результате сомнительных внешнеэкономических операций за 2008 – 2012 гг., млрд. руб.

Показатель	2008	2009	2010	2011	2012	В среднем за 2008 – 2012 гг.
Денежные средства	1487	744	789	1072	1178	1054
Условный налог на прибыль	357	179	158	214	236	230
В % к поступившему налогу на прибыль в бюджет РФ	14,2	14,2	8,9	9,4	10,0	11,3

Источники: Данные Банка России; расчёты ИСЭРТ РАН.

Территориальные бюджеты будут исполняться в условиях низких темпов роста доходов. Понижающая динамика межбюджетных трансфертов указывает на то, что рост доходов бюджетов регионов предполагается достичь за счёт собственных финансовых ресурсов (рис. 11).

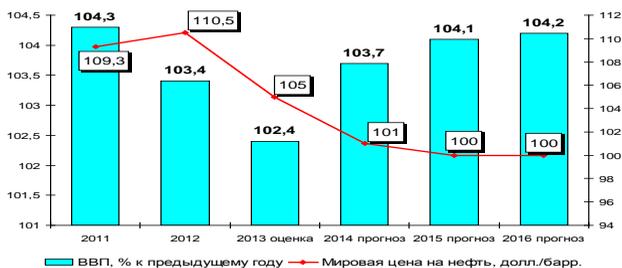

Рис. 11. Темпы роста ВВП Российской Федерации

В то же время закономерностью бюджетной политики, проводимой Правительством РФ, становится передача всё большей части выполнения государственных обязательств на нижестоящие уровни без соответствующего ресурсного подкрепления. К сожалению, и в предстоящие годы кардинального повы-

шения роли федерального бюджета не предусмотрено. Подтверждением этому служит распределение расходов на решение ключевой задачи нового цикла бюджетной политики – реализацию президентских указов по повышению оплаты труда работников бюджетной сферы. Планируется, что в 2013 – 2016 гг. 80% объёмов средств, необходимых на эти цели, должны изыскать региональные бюджеты (табл. 13, рис. 12).

Таблица 13. Основные параметры федерального бюджета и бюджетов субъектов РФ, млрд. руб.

Параметры	Фактически		2013, оценка	Прогноз		
	2011	2012		2014	2015	2016
Федеральный бюджет						
Доходы	11368	12854	12866	13486	14768	15908
<i>B % к ВВП</i>	<i>20,8</i>	<i>20,5</i>	<i>19,1</i>	<i>18,2</i>	<i>18,0</i>	<i>17,4</i>
Расходы	10926	12891	13387	13847	15236	16452
<i>B % к ВВП</i>	<i>20,0</i>	<i>20,5</i>	<i>19,8</i>	<i>18,7</i>	<i>18,6</i>	<i>18,0</i>
Дефицит/профицит	442	-37	-521	-362	-468	-544
Бюджеты субъектов РФ						
Доходы	7644	8064	8593	9332	10233	11342
<i>B % к предыдущему году</i>	<i>117,0</i>	<i>105,5</i>	<i>106,6</i>	<i>108,6</i>	<i>110,0</i>	<i>110,8</i>
Межбюджетные трансферты	1644	1624	1394	1309	1304	1309
<i>B % к предыдущему году</i>	<i>117,6</i>	<i>98,8</i>	<i>85,8</i>	<i>93,9</i>	<i>99,9</i>	<i>100,4</i>
Расходы	7679	8343	8787	9439	10285	11364
Дефицит	-35	-279	-194	-107	-52	-22

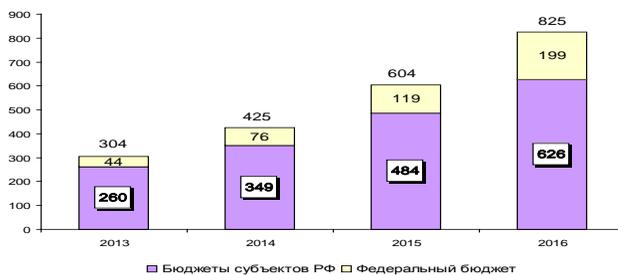

Рис. 12. Распределение средств на оплату труда работников бюджетной сферы, млрд. руб.

Однако регионам все сложнее справиться с растущими социальными обязательствами. В то время как расходы их бюджетов растут из-за необходимости выполнения майских указов президента, доходы падают из-за спада экономики.

Прогноз социально-экономического развития Вологодской области на 2014 – 2016 гг. отражает замедление экономического роста на фоне стагнации промышленного производства, потребительского спроса и сильнейшего спада ключевого бюджетообразующего показателя – прибыли хозяйствующих субъектов (табл. 14, рис. 13).

Таблица 14. Основные макроэкономические показатели для составления проекта консолидированного бюджета Вологодской области, % к предыдущему году в сопоставимых ценах

Показатель	Фактически		2013, оценка	Прогноз		
	2011	2012		2014	2015	2016
ВВП	105,8	102,0	100,0	102,7	102,0	103,5
Индекс промышленного производства	104,8	100,5	101,5	102,2	102,8	102,0
Оборот розничной торговли	106,0	119,7	103,5	104,8	105,5	105,0

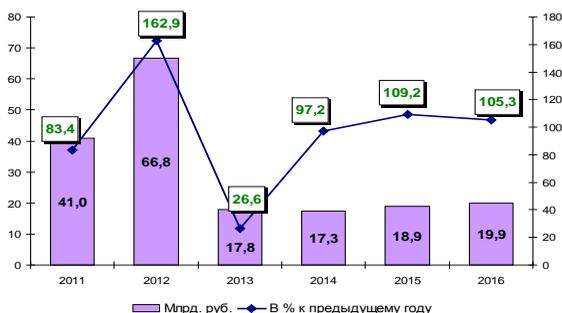

Рис. 13. Прибыль прибыльных предприятий до налогообложения, млрд. руб.

Безусловно, при таких макроэкономических прогнозах не будет происходить достаточного формирования финансовых ресурсов. В 2014 г. поступление доходов в бюджет региона сократится на 12% по сравнению с 2013 г., а реальные собственные доходы даже в 2016 г. не выйдут на траекторию их докризисного объёма (табл. 15, рис. 14).

Таблица 15. Основные параметры консолидированного бюджета Вологодской области, млрд. руб.

Параметр	Фактически		2013, оценка	Прогноз			
	2011	2012		2014	2014 к 2013, %	2015	2016
Доходы	50,7	54,6	55,3	48,9	88,4	52,8	57,1
Собственные доходы	40,2	43,7	47,4	46,0	97,0	50,1	54,4
Расходы	58,4	57,9	59,6	51,4	86,2	52,9	56,1

Параметр	Фактически		2013, оценка	Прогноз			
	2011	2012		2014	2014 к 2013, %	2015	2016
Дефицит	7,7	5,3	4,3	2,5	58,1	1,5	2,0

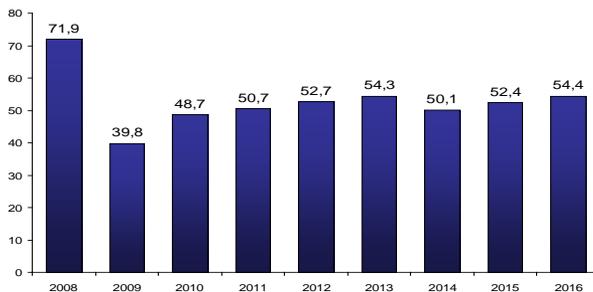

Рис. 14. Налоговые и неналоговые (собственные доходы) консолидированного бюджета Вологодской области, млрд. руб. (цены 2016 г.)

Обеспечение социальных инициатив президента станет основной нагрузкой на бюджет, «цена» которой составит 29 млрд. руб., что сопоставимо с объёмом государственного долга области. В бюджете на 2013 – 2015 гг. на реализацию президентских указов предусмотрено 7,2 млрд. руб., или четверть от требуемого финансирования. Следовательно, возникнет необходимость новых заимствований, что усилит и без того непомерную долговую нагрузку, ставшую не только дестабилизирующим фактором региональной экономики, но и основной преградой для участия в федеральных программах и дополнительной финансовой поддержки из федерального бюджета (рис. 15).

Рис. 15. Потребность в средствах на финансирование мероприятий по реализации указов Президента РФ в Вологодской области, млрд. руб.

Потребность в средствах не обеспечена на 21,4 млрд. руб. (75%). Для полного финансирования указов Президента РФ от 7 мая 2012 года регионам дополнительно требуется 2 триллиона рублей, что сопоставимо с текущим объёмом Резервного фонда (2,8 трлн. руб.).

Похожая ситуация прослеживается в большинстве российских регионов, для которых выполнение майских указов вкупе с замедлением экономики тяжело отразилось на бюджетном балансе. За 1 полугодие текущего года доходы территориальных бюджетов сократились на 5%, а треть регионов имели бюджетный дефицит.

На наш взгляд, решение системной проблемы бюджетной недостаточности лежит в плоскости повышения собираемости налогов, а не секвестирования расходов, как это происходит сейчас. В предстоящей трёхлетке расходы федерального бюджета будут «сокращены» на 5 – 10%.

«Положения указов Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г., направленные на решение неотложных проблем экономического и социального развития страны, должны рассматриваться как определение приоритетных направлений политики, а вытекающие при их реализации расходные обязательства не должны создавать угрозу устойчивости бюджетной системы. Это означает, что для финансового обеспечения обозначенных в указах приоритетов необходимо пересмотреть и отказаться от неприоритетных расходных обязательств» [26].

К сожалению, повышение собираемости налоговых платежей не находится в центре внимания руководства Минфина России, Федеральной налоговой службы и других органов государственного управления. Такой вывод напрашивается уже на том основании, что в программно-бюджетных документах, в частности в ежегодно разрабатываемых Минфином «основных направлениях бюджетной и налоговой политики», столь важные вопросы улучшения собираемости налогов подаются не системно, а фрагментарно, без построения аналитических таблиц, позволяющих объективно изучать состояние собираемости

налогов, выявляя резервы её повышения и факторы, противодействующие их задействию.

Между тем результаты исследований ИСЭРТ РАН показывают, что возможности повышения собираемости налогов есть, но для этого федеральный центр должен принять ряд непопулярных, прежде всего в среде крупного бизнеса, мер, а именно:

- налогообложение прибылей и доходов, вывозимых за рубеж, а также операций с офшорными компаниями;

- введение процедуры обязательного уведомления таможенными органами и банками налоговых органов о всех операциях вывоза капитала;

- отмена или существенное снижение (например, до 6%) ставки возмещаемого НДС при экспорте сырья и полуфабрикатов, полная отмена налоговых преференций для высокодоходных субъектов финансового сектора экономики, а также отмена федеральных льгот по налогу на имущество;

- перерегистрация ООО и ЗАО, являющихся участниками консолидированных групп налогоплательщиков в открытые акционерные общества (ОАО), внесение изменений в законодательство об акционерных обществах в части расширения перечня информации, подлежащей раскрытию;

- введение ограничения на размер убытков, учитываемых при исчислении налоговой базы организаций, входящих в КГН;

- включение в состав налогооблагаемых доходов акционерных обществ дивидендов, получаемых от контролируемых компаний;

- введение прогрессивной налоговой шкалы на доходы физических лиц, обложение подоходным налогом дивидендов, вознаграждений топ-менеджеров и других сверхдоходов;

- повышение ставки налога на дивиденды до 13 – 15% и уравнивание этого налога для российских и иностранных юридических лиц.

По нашим расчётам, осуществление этих мер позволит привлечь в бюджетную систему страны 8 – 13 трлн. руб. в год (табл. 16).

Таблица 16. Расчёт возможного увеличения поступлений в бюджетную систему России, трлн. руб. в год

Источник	Фактическое значение	Предлагаемый вариант	Консолидированный бюджет РФ	Бюджеты гос. внебюджетных фондов	Федеральный бюджет	Бюджеты субъектов РФ
Отмена возмещения НДС экспортерам сырья, введение дифференцированных ставок возмещения НДС экспортерам полуфабрикатов	18%	0–6%* ¹⁾	1,5		1,5	
Отмена освобождений по уплате НДС для финансового сектора экономики	0%	18%* ²⁾	3,0–5,0		3,0–5,0	
Отмена льгот по налогу на имущество для субъектов естественных монополий	0%	2,2%* ²⁾	0,2			0,2
Повышение ставки налога на дивиденды	5–9%	13–15%* ¹⁾	0,2–0,5			0,2–0,5
Введение прогрессивной шкалы подоходного налога	13%**	13–50%* ³⁾	2,0–4,5			2,0–4,5
Введение налога на вывоз валюты	нет	20%* ⁴⁾	0,5		0,5	
Отмена предельной величины годового дохода, выше которой не берутся страховые взносы	568 тыс. руб.	0* ⁵⁾	0,6	0,6		
Итого			8,0–12,8	0,6	5,0–7,0	2,4–5,2
* ¹⁾ Д.э.н. Н.А. Кричевский (полная отмена), ИСЭРТ РАН (отмена для экспортеров сырья, введение дифференцированных ставок). * ²⁾ ИСЭРТ РАН. * ³⁾ Академик РАН Р.И. Нигматулин, д.э.н. В.Л. Иноземцев, д.э.н. Н.А. Кричевский, А.В. Багаряков, политические партии «Справедливая Россия», КПРФ. * ⁴⁾ Партия «Справедливая Россия», председатель Палаты налоговых консультантов Д. Черник. * ⁵⁾ Д.э.н. В.Л. Иноземцев, Экономическая экспертная группа.						

Таким образом, финансово-экономическая политика и система государственного регулирования не учитывают интересов большинства населения России, а следовательно, нуждаются в существенной корректировке. В связи с этим говорить о результативности и эффективности государственного управления преждевременно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В условиях глобализации и усиления конкуренции на мировой арене задача модернизации экономики России, обеспечивающей переход к интенсивному и качественному экономическому росту, приобретает особую остроту и требует повышения эффективности управления, и прежде всего государственного.

Исследование теоретико-методологических основ и методического инструментария оценки эффективности государственного управления, а также выполненная оценка эффективности бюджетной политики как одной из сфер государственного управления позволяют сделать следующие выводы.

1. Более 15 лет в стране проводится реорганизация деятельности государственных органов власти в целях повышения эффективности их работы, в том числе административная реформа и реформа государственной службы, но результаты осуществляемых преобразований не привели к оптимизации функций и структуры системы государственного управления, а также к повышению качества функционирования государственного механизма.

2. Исторически в оценке эффективности государственного управления преобладал критерий экономической эффективности, в то время как современные зарубежные подходы строятся на социальном подходе, не только обращенном к структуре общественных отношений, но увязывающем стадии производства и потребления общественного продукта. Поэтому в исследовательской литературе последних десятилетий получило разработку понятие социальной эффективности в качестве альтернативы экономической эффективности.

3. Несмотря на актуальность, проблема качества и эффективности управления не получила комплексного освещения в современной отечественной научной литературе. В настоящее время многие вопросы совершенствования государственного управления с целью приведения его в соответствие с потребностями развития общества остались еще мало исследованы, и научная концепция государственного управления находится в стадии разработки и становления. Предметом научных исследований выступают лишь отдельные стороны

проблемы эффективности системы управления, отсутствует целостный и комплексный подход к изучению данной темы.

4. Существующие методики определения эффективности управления основываются на количественных методах и слабо ориентированы на оценку мнения населения. Особенностью и преимуществом социологических моделей, опирающихся на изучение общественного мнения, является то, что они позволяют получить наглядное представление о структуре, связях, механизме функционирования и развития объекта как целостной социальной системы. Социологические методы, используемые при оценке эффективности деятельности органов власти на основе мнения населения, выступающего основным потребителем государственных услуг, являются важным инструментом, позволяющим наиболее точно диагностировать результативность государственного управления.

5. Наиболее исследованными вопросами эффективности управления являются налоговая, бюджетная и инвестиционная политика. В то же время недостаточно проработанными остаются проблема повышения эффективности иных сфер регионального развития, направленных на обеспечение эффективного использования имущества и земельных ресурсов региона; регулирования в сфере ЖКХ; использования природных ресурсов и охраны окружающей среды; тарифного регулирования; дорожного строительства; антимонопольного регулирования; таможенного и налогового регулирования. По данным направлениям практически отсутствуют исследования и предложения по повышению эффективности управления на региональном уровне.

6. Отсутствие методики оценки эффективности государственного управления не позволяет провести комплексную оценку этой сферы деятельности и определить направления модернизации государственного управления. Для успешного проведения модернизации государственного управления в стране имеются все необходимые объективные предпосылки и повышение эффективности системы управления обеспечивается выполнением следующих направлений его модернизации:

- совершенствование законодательной деятельности, направленной на повышение качества и социальной эффективности управления;
- внедрение новых социальных технологий, направленных на развитие взаимодействия органов государственного управления с субъектами гражданского общества, рост социальной организованности и доверия к органам власти;
- внедрение современных методов управления, направленных на реализацию социального капитала, развитие инициативы и творчества социальных субъектов.

Механизмами модернизации государственного управления являются:

- развитие взаимодействия государственных органов и институтов гражданского общества на основе демократизации политической системы;
- совершенствование взаимодействия федеральных, региональных и муниципальных органов по пути децентрализации управленческой деятельности и роста самостоятельности низовых звеньев управления;
- развитие государственно-частного партнерства на основе равноправных отношений и социально значимых проектов.

Таким образом, учитывая особую актуальность и остроту рассматриваемой проблемы, исследования вопросов эффективности государственного управления в ИСЭРТ РАН следует расширить.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Артамонов, А.Д. Формирование системы критериев эффективности государственного и муниципального управления [Текст]: автореф. дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05 / А.Д. Артамонов. – Санкт-Петербург, 2009. – 48 с.
2. Аскеров, П.Ф. Теория и методология развития системы управления агропромышленным комплексом [Текст]: автореф. дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05 / П.Ф. Аскеров. – Великий Новгород, 2012. – 43 с.
3. Атаманчук, Г.В. Теория государственного управления [Текст] / Г.В. Атаманчук. – М.: Юрид. лит., 1997. – 221с.
4. Ахтариева, Л.Г. Организационно-институциональное развитие системы управления экономикой региона [Текст]: автореф. дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05 / Л.Г. Ахтариева. – Уфа, 2011. – 48 с.
5. Бажин И.А. Методика оценки деятельности органов исполнительной власти [Текст] / И.А. Бажин // Государственная служба. – 2009. – № 1. – С. 77-82.
6. Васильева, М.В. Совершенствование управления экономикой регионов на основе формирования эффективной системы государственного и муниципального финансово-бюджетного контроля издержек [Текст]: автореф. дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05 / М.В. Васильева. – Кисловодск, 2012. – 45 с.
7. Волосов, А.И. Теория и методология государственного управления инвестиционной деятельностью [Текст]: автореф. дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05 / А.И. Волосов. – Санкт-Петербург, 2008. – 31 с.
8. Гегедюш, Н. Государственное и муниципальное управление [Текст]: конспект лекций / Н. Гегедюш, М. Мокеев, Е. Масленникова. – М: Высшее образование, 2008. – 192 с.
9. Глазьев, С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса [Текст] / С.Ю. Глазьев. – М.: Экономика, 2010. – 256 с.
10. Гойхер, О.Л. Методология повышения эффективности управления процессом инвестирования экономики региона на основе снижения транзакционных издержек [Текст]: автореф. дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05 / О.Л. Гойхер. – Владимир, 2012. – 38 с.

11. Дронов, Р.В. Механизм нейтрализации коррупции в органах государственного управления [Текст]: автореф. дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05 / Р.В. Дронов. – Санкт-Петербург, 2010. – 38 с.
12. Егоров, И.В. Стратегия организационного управления развитием компаний в современных условиях [Текст]: автореф. дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05 / И.В. Егоров. – Санкт-Петербург, 2009. – 43 с.
13. Знаменский, Д.Ю. Эффективность работы местной администрации: проблемы, концепции и показатели измерения [Текст] / Д.Ю. Знаменский, Д.С. Екимова // Сборник научных статей «Проблемы государственного, регионального и муниципального управления». – М.: МГУС, 2006. – 87 с.
14. Ильин, В.А. Влияние интересов собственников металлургических корпораций на социально-экономическое развитие [Текст]: препринт / В.А. Ильин, А.И. Поварова, М.Ф. Сычев. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. – 104 с.
15. Ильин, В.А. Проблемы эффективности государственного управления. Бюджетный кризис регионов [Текст]: монография / В.А. Ильин, А.И. Поварова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. – 128 с.
16. Интервью А.Г. Силуанова для радиостанции «Эхо Москвы» 20.06.2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.minfin.ru/ru/press/speech/index.php?id_4=19490
17. Кайль, Я.Я. Развитие административной регламентации в условиях реформирования публичного управления [Текст]: автореф. дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05 / Я.Я. Кайль. – Волгоград, 2012. – 51 с.
18. Качество и успешность государственных политик и управления [Текст]: монография / В.И. Якунин, С.С. Сулакшин, В.Э. Багдасарян, И.Б. Орлов, С.М. Строганова. – М.: Научный эксперт, 2012. – 488 с.
19. Маркварт, Э. Организация и управление хозяйственной деятельностью муниципальных образований (вопросы теории и практики) управления [Текст]: автореф. дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05 / Э. Маркварт. – М., 2012. – 45 с.

20. Нагимова, А.М. Государственное управление качеством жизни регионального социума: методология оценки эффективности [Текст]: автореф. дис. ... д-ра социол. наук: 22.00.08 / А.М. Нагимова. – Казань, 2011. – 42 с.
21. Нагимова, А.М. Эффективность деятельности государственных органов управления как фактор повышения качества жизни в регионе: проблемы оценки и измерения [Текст] / А.М. Нагимова. – Казань: Изд-во Казанского государственного университета, 2009. – 152 с.
22. Никонов, В.А. Государственное управление имеет значение [Текст] / В.А. Никонов. – М.: Экономика, 2012. – 382 с.
23. О результатах и основных направлениях деятельности на 2013 – 2015 годы [Электронный ресурс]: доклад Минэкономразвития. – Режим доступа: http://www.economy.gov.ru/minec/about/rukdocmin/doc20130429_05
24. Орлова, Э.О. О методике оценки эффективности муниципального управления [Текст] / Э.О. Орлова, Т.В. Ускова // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. – 2003. – № 2. – С.25-33.
25. Орт, А.И. Управление качеством и эффективностью регионального строительного комплекса [Текст]: автореф. дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05 / А.И. Орт. – Санкт-Петербург, 2012. – 41 с.
26. Основные направления бюджетной политики на 2013 год и на плановый период 2014 и 2015 годов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149516/
27. Петров, Ю.К. К формированию новой экономической модели: рестрикция бюджетных расходов или повышение собираемости налогов? [Текст] / Ю.К. Петров // Российский экономический журнал. – 2013. – № 4. – с. 24-39.
28. Потехин, В.А. Модернизация государственного управления в современной России: направления и механизмы [Текст]: автореф. дис. ... д-ра социол. наук: 22.00.08 / В.А. Потехин. – М., 2011. – 42 с.
29. Рубвальтер, Д.А. Методология государственного управления национальным научно-инновационным комплексом [Текст]: автореф. дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05 / Д.А. Рубвальтер. – Санкт-Петербург, 2009. – 39 с.

30. Савченко, Т.В. Управление сельскохозяйственным производством региона: теория, методология, практика [Текст]: автореф. дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05 / Т. В Савченко. – Воронеж, 2010. – 38 с.
31. Свирина, А.А. Управление развитием региона на основе регулирования социальной и экономической эффективности функционирования хозяйствующих субъектов [Текст]: автореф. дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05 / А.А. Свирина. – Казань, 2011. – 48 с.
32. Синюгин, В.Ю. Административно-правовое обеспечение реформирования управленческой деятельности исполнительных органов государственных власти [Текст]: автореф. дис. ... д-ра юридич. наук: 12.00.14 / В.Ю. Синюгин. – М., 2011. – 41 с.
33. Тимофеева, Р.А. Развитие теории концептуального и инструментального обеспечения системы управления предпринимательством [Текст]: автореф. дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05 / Р.А. Тимофеева. – Великий Новгород, 2009. – 43 с.
34. Ускова, Т.В. К вопросу об оценке социально-экономического развития г. Вологды [Текст] / Т.В. Ускова, М.Н. Рогозина // Экономические и социальные перемены в регионе: факты, тенденции, прогноз. – Вып. 36. – Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2007. – С. 26-30.
35. Ускова, Т.В. Теоретико-методологические основы оценки эффективности управления социально-экономическим развитием города [Текст] / Т.В. Ускова, Д.П. Жаравин. – Вологда, 2005. – 33 с.
36. Чепунов, О.И. Системное взаимодействие органов государственной власти в Российской Федерации [Текст]: автореф. дис. ... д-ра юридич. наук: 12.00.14 / О.И. Чепунов. – М., 2011. – 45 с.
37. Якунин, В.И. Теоретические аспекты проблемы эффективности государственного управления [Текст] / В.И. Якунин, С.С. Сулакшин, А.Н. Тимченко // Власть. – 2006. – № 8. – С. 7-14.

ЩАБУНОВА АЛЕКСАНДРА АНАТОЛЬЕВНА
зам. директора, зав. отделом, д.э.н.

ЛАСТОЧКИНА МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА
научный сотрудник, к.э.н.

СОЛОВЬЕВА ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА
младший научный сотрудник, к.э.н.

**СТРАТИФИКАЦИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ
МОБИЛЬНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ
В РЕГИОНАХ СЗФО:
предварительные результаты исследования**

Научный доклад
на заседании Ученого совета
20 ноября 2013 г.

Вологда
2013

Стратификация и социальная мобильность населения в регионах СЗФО: предварительные результаты исследования

Шабунова А.А., зам.директора, зав. отделом, д.э.н.

Соловьева Т.С., м.н.с.

Ласточкина М.А., н.с.

Социальная стратификация и социальная мобильность являются важными аспектами социально-экономической жизни любого общества. В настоящее время усиливаются процессы расслоения общества, в результате чего снижение социальной мобильности может иметь негативный характер для стабильности социальной системы.

Сегодня в науке интерес к вопросам социальной стратификации и мобильности людей вызван как процессами, происходящими в обществе, так и национальной политикой. В «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года»¹ декларируется снижение социальной поляризации, а также формирование общества, основанного на доверии и ответственности. Этого планируется достичь «за счет обеспечения равных возможностей для социальной мобильности талантливых представителей всех слоев общества, реализации социальной политики по поддержке уязвимых слоев населения и проведения политики, направленной на интеграцию мигрантов. Доля среднего класса должна составить более половины населения, при этом значительную часть среднего класса должны образовывать люди, занятые созданием новой экономики знаний, технологий и обеспечением развития самого человека».

Цель данной работы – анализ социальной стратификации и процесса социальной мобильности населения регионов Северо-Западного федерального круга. Задачами работы являются:

¹ Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. [Текст]: утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. – № 1662-р. – С.8.

1. Анализ теоретических основ исследования социальной стратификации и социальной мобильности.

2. Анализ социально-экономического положения регионов СЗФО в 2000 – 2012 гг.

2. Анализ социальной стратификации населения регионов СЗФО.

3. Анализ социальной мобильности населения регионов СЗФО.

4. Определение взаимосвязи между уровнем социальной мобильности и уровнем модернизованности территорий.

Информационной базой послужат данные государственной статистики, позволяющие охарактеризовать отдельные стороны социальной стратификации и мобильности, а также социологический опрос, проведенный ИСЭРТ РАН во II квартале 2013 года среди населения регионов СЗФО. Выборочная совокупность – 5000 человек в десяти регионах Северо-Западного федерального округа (Архангельская, Вологодская, Калининградская, Ленинградская, Мурманская, Новгородская, Псковская области, Республики Карелия и Коми, г. Санкт-Петербург). Объем выборки по каждому региону составляет не менее 400 респондентов, что позволяет с высокой степенью достоверности (ошибка выборки не более 5% при вероятности 95%) судить о ситуации в отдельно взятом регионе и осуществлять межрегиональные сопоставления. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения региона.

Высокая степень неоднородности регионального социокультурного пространства, социально-экономической дифференциации территорий, разность «скоростей» их развития, стандартов и стилей жизни населения, противоречивость внутрирегионального развития (развитой урбанизированный центр – деградирующая сельская периферия) обуславливают наличие существенных особенностей социокультурных изменений в условиях модернизации. Более полный и глубокий учет социокультурных факторов развития/деградации регио-

нального социума, особенно в переходные периоды, даст возможность научно обоснованного подхода к формированию антикризисных мероприятий и реализации эффективной социальной политики.

Гипотеза исследования состоит в совокупности положений, в соответствии с которыми стратификация в обществе все более обуславливается социокультурными факторами. Социокультурная модернизация сопряжена с усилением социальной мобильности населения.

Это согласуется с основными постулатами современных теорий социального и пространственного развития. В частности Н.И. Лапин указывает, что в постиндустриальных обществах, начиная с информационного, социальное постепенно замещается социокультурным.

Эмпирический этап исследования предвзял анализ теоретических и методологических основ изучения социальной стратификации и социальной мобильности населения. Подробно изучен понятийный аппарат и методологические подходы к анализу исследуемых явлений и процессов.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ И СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ

1.1. Теории социальной стратификации

Социальное расслоение и стратификация относятся к основным проблемам социологии. На всех этапах развития человеческого общества имело место неравенство людей по различным критериям. Еще в 370 г. до н. э. в своем труде «Государство»² Платон писал: «любой город, каким бы малым он ни был, фактически разделен на две половины: одна для бедных, другая для богатых, и они враждуют между собой». В законах Ману³, датируемых примерно 200 г. до н.э., описано сотворение мира, в котором социальное неравенство считается ниспосланным богами для всеобщего блага. Основоположник учения о социальной мобильности П.А. Сорокин, рассматривая структурирование социального пространства, писал, что положение человека или социального явления в нем

² Платон. Государство. [Текст] / Платон. Перевод Егунова А.И. // Собрание сочинений в четырех томах. М., 1994. Т.3.

³ Olivelle P. Manu's Code of Law: A Critical Edition and Translation of the Mānava-Dharmaśāstra. – Oxford: Oxford University Press, 2005.

определяется их отношением к другим людям и другим социальным явлениям, взятым за «точки отсчета»⁴.

Вопросы стратификации общества затронуты в теориях таких классиков, как А. Смит, О. Конт, Г. Спенсер, К. Маркс, М. Вебер, П. Сорокин, и более современных работ Ч. Миллза, Г. Брейвермана, А. Турена, Р. Дарендорфа, П. Бурдьё, И. Валлерстайна⁵, а также в новейших исследованиях теорий стратификации⁶.

Социальная стратификация, по мнению составителей Оксфордского словаря социологии,⁷ начинается «с веберовского разграничения более традиционных обществ, основывающихся на статусах, и поляризованных, но более размытых обществ, имеющих в своей основе классы, где экономическая дифференциация имеет первостепенное значение и носит более безличностный характер».

Термин «стратификация» был заимствован из геологии и происходит от латинского «stratum» — слой. У различных авторов понятие «страта» нередко заменяется иными понятиями: «класс», «сословие». По нашему мнению, под стратой следует понимать большую группу людей, отличающуюся по своему положению в социальной иерархии общества.

В основе определения стратификации лежит еще одно понятие – социальная дифференциация, то есть процесс коллективного творения и признания

⁴ Сорокин П. Социальная стратификация и мобильность [Текст] // П. Сорокин. – Человек. Цивилизация. Общество. (Серия «Мыслители XX века»). – М., 1992. – 302-373.

⁵ Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations, London., 1776; Письмо К. Маркса И. Вейдемейеру от 5 марта 1852 г. [Текст] // Маркс К. и Энгельс Ф. – Соч., 2 изд., т. 28. – С. 427.; Вебер М. Основные понятия стратификации [Текст] / М. Вебер // Социс. – 1994. – №5. – С. 147-156; Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. [Текст] / П.Сорокин / под общ. ред. А.Ю. Согомонова; пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.; Braverman H. Labour and Monopoly Capital: The Degradation of Work in the Twentieth Century. New York, 1974; Mills C.W. White Collar: New American Middle Class. New York: Oxford University Press, 1951; Touraine A. Le Retour de l'acteur. Essai de sociologie. М.: Le Monde scientifique, 1998; Dahrendorf R. The Modern Social Conflict. University of California Press: Berkeley and Los Angeles, 1988; Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире [Текст]. – СПб: «Университетская книга», Wallerstein I. World-Systems Analysis. A. Giddens and J. H. Turner (eds). Social Theory Today Cambridge: Polity Press, 1987. – pp. 309-324.

⁶ Полякова Н. XX век в социологических теориях общества [Текст]. – М.: Логос, 2004. – 384 с.; Добренъков В.И., Кравченко А.И. Фундаментальная социология [Текст]: в 15 т.: Т.5: Социальная структура. – М.: ИНФРА-М, 2004 – 1120 с.; Осипов Г.В. Социология и общество. Социологический анализ российской смуты [Текст]. – М.: Норма, 2007. – 848 с.

⁷ Oxford Concise Dictionary of Sociology / Marshall G. (ed.). Oxford, N.Y.: Oxford University Press: 1996. P. 246-247.

либо наделения различными характеристиками некоторых людей⁸. Способы организации неравенства (дифференциации) лежат в основе двух основных подходов в объяснении социальной стратификации: «классового» и «статусного», а также некоторых других, из них вытекающих (например, ресурсный подход⁹). Наиболее распространенными теориями социальной стратификации являются марксизм, функционализм, неомарксизм, веберизм и неовеберизм.

Долгое время в науке заметное положение занимала стратификационная теория К. Маркса, где критериями стратификации являлись факт обладания человеком собственностью и уровень его доходов¹⁰. Социальная структура общества состояла фактически из двух уровней: класс собственников (рабовладельцы, феодалы, буржуазия) и класс, лишенный собственности (рабы, пролетарии) или имеющий очень ограниченные права на собственность (крестьяне). Однако уже в конце XIX века стала очевидной узость такого подхода.

Теория функционализма развивалась параллельно марксизму и получила большое распространение в 40 – 60-х гг. XX века в американской социологии (Т. Парсонс, К. Девис, У. Мур¹¹). Классы в функционализме отождествляются со статусно-престижными профессиональными группами, а роль классовой борьбы играет конкуренция за более престижные места в непрерывной статусной шкале, в результате которой достигается «функциональность всего организма». В частности, Т. Парсонс обозначил три группы стратификационных показателей:

– прирожденные: пол, врожденные способности, этническая принадлежность, родственные связи;

– ролевые характеристики, определяемые набором ролей, которые индивид выполняет в обществе (образование, профессия, должность и т.д.);

⁸ Lundberg G., Schrag C., Larsen O. Stratification: Shared Possibilities and Responsibility // Sociology. NY, 1954. 32

P.

⁹ Тихонова Н. Е. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях [Текст] / Н.Е. Тихонова // Социс – №9. – 2006. – С. 28-40.

¹⁰ Бухаров А.С. Концепции деятельности в социологии К. Маркса и М. Вебера [Текст] / А.С. Бухаров. – М.: «Канон+», 2002. – С. 120.

¹¹ Парсонс Т. Система современных обществ [Текст] / Т. Парсонс. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 270 с.; Девис К., Мур У. Некоторые принципы стратификации [Текст] / К. Девис, У. Мур // Структурно-функциональный анализ в современной социологии. Вып. 1. — М.: ИКСИ АН СССР, 1968.

– объем «обладания» материальными и духовными ценностями.

Продолжая функционалистскую традицию, У. Уорнер¹² предпринял попытку разработать общую социологическую теорию символизма, в которой экономический фактор приобрел другое значение. Он предложил модель с шестью классами или статусными группами и предпринял попытку разработать стандартный индекс статусных характеристик (Standard Index of Status Characteristics), в котором учитывались образование, место жительства, доход и происхождение. На данной классификации основывалось большинство эмпирических исследований, проводимых в США.

Критики теории функционализма (в частности идей Т. Парсонса) среди недостатков выделяли абстрактный уровень понятий и игнорирование классового характера господствующей политической власти.

Теория стратификации М. Вебера расширяет число критериев, определяющих принадлежность к той или иной страте: добавляются такие критерии, как социальный престиж и принадлежность к определенным политическим кругам. Под престижем подразумевалось приобретение индивидом от рождения или благодаря личным качествам такого социального статуса, который позволял бы ему занять определенное место в социальной иерархии. Также среди признаков дифференциации социального пространства Вебер выделял гражданство, род занятий, национальность, религиозную принадлежность и т. д.¹³

Социальная структура по Веберу определяется как «способ, каким социальные почести распределяются в сообществе между типичными группами, участвующими в таком распределении». В классово-статусной структуре общества М. Вебер обозначил следующие основные страты: класс собственников, средний класс, социальный класс.

Продолжая идеи М. Вебера, неовеберианец Дж. Голдторп за основу своей концепции принял трудовые отношения в индустриальных обществах и статус

¹² Warner, W. Lloyd. *Social Class in America: A Manual of Procedure for the Measurement of Social Status*: Science Research Associates: Chicago, 1949.

¹³ Вебер М. Основные понятия стратификации [Текст] / М. Вебер // Социс. – 1994. – № 5. – С. 147-156; Weber M. *The Development of Caste // Class, Status, and Power* / Ed. by R. Bendix, S. M. Lipset. London, 1967. P. 28–36.

занятости индивидов¹⁴. При изучении процессов социальной мобильности в Англии второй половины XX века Дж. Голдторп и Р. Эриксон предложили два классовообразующих критерия: трудовую ситуацию (престиж и автономию) и рыночную ситуацию (жизненные и экономические шансы)¹⁵.

Подход к изучению социальной стратификации одного из наиболее современных неомарксистов Э.О. Райта является альтернативой взглядам Дж. Голдторпа (*табл. 1*). Позиция Райта заключается в том, что главное разделение людей на социальные классы в современных обществах по-прежнему заключается в неравенстве доступа к средствам производства¹⁶. Однако, в отличие от К. Маркса, Райт в качестве причин стратификации выделяет также различия в степени владения организационными и квалификационными активами и степень автономности труда.

Таблица 1. Основные современные теоретические взгляды на природу социальной стратификации

Течение	Источник классовых различий	Основные классы	Характер отношений	Ключевые проблемы анализа
Неовеберианцы (Голдторп)	рыночные отношения вообще, и на рынке труда в частности	собственники, рабочий класс (дифференцированный по уровню квалификации), средний класс (сервис-класс и промежуточный класс)	внутри- и межклассовая конкуренция	сегментация жизненных шансов, социальная мобильность
Неомарксисты (Райт)	отношения по поводу производства	буржуазия, рабочий класс, прочие классы (мелкая буржуазия, новый средний класс)	социальный конфликт вследствие эксплуатации	классовая борьба, эксплуатация, пролетаризация общества
Источник: Ястребов, Г.А. Характер социально-экономической дифференциации населения: сравнительный анализ России и Европы [Текст] / Г.А. Ястребов // Мир России. – 2010. – № 3. – С. 57-89.				

¹⁴ Erikson R. The Constant Flux: A study of Class Mobility in industrial societies / R. Erikson, J. Goldthorpe / – Oxford: Clarendon Press, 1992. P. 21.

¹⁵ Goldthorpe, J., and McKnight, Abigail “The Economic Basis of Social Class. In: Mobility and Inequality: Frontiers of Research from Sociology and Economics / Eds. S.L.Morgan, D.B.Grusky, G.S.Fields. Stanford, Stanford University Press: 2006. – P. 109-136.

¹⁶ Wright E.O. The comparative project on class structure and class consciousness / The Comparative Project on Class Structure and Class Consciousness, Technical Paper Series, № 1. Madison, Wis.: University of Wisconsin Press, 1982.

Против традиционного классового анализа выступили сторонники ресурсного подхода (Э. Соренсен¹⁷, К. Уиден, Д. Груски¹⁸), которые в качестве основания стратификации выделили объем и структуру ресурсов индивидов. В современном обществе все большее значение приобретают новые виды ресурсов, «вытекающие из характера социализации особенностей поведения, общего уровня культуры, рассматривавшиеся ранее только как следствие экономического статуса, а также физиологического (здоровье, возраст, пол), символического, личностного и других ресурсов»¹⁹. В начале 2000-х в среде социологов произошел спор, причиной которого стала модель социальных классов на основе профессиональных ассоциаций (*occupational groupings*), предложенная Уиденом и Груски²⁰. Они предположили, что именно на этом уровне возможен охват реальных различий в образе жизни, ресурсном обеспечении и поведении, которые являются функцией локальных профессиональных субкультур. Но эта идея была воспринята довольно скептически представителями неоклассических направлений (Дж. Голдторп, Э.О. Райт и др.), так как, по их мнению, при таком подходе теряется взгляд на общество как некую целостность²¹.

Впервые полное теоретическое обоснование теории социальной стратификации дал П. Сорокин, представивший ее в виде социального пространства, в котором расстояния по вертикали и горизонтали не равны²². П. Сорокин использовал многомерную модель стратификации, основанную на трех базисных компонентах: экономике, политике и профессиональной деятельности. Однако он выделял и такие характеристики, которые не являются основными, например, возраст, культура и речь. При этом сущность стратификации заключается

¹⁷ Sorensen A. Toward a sounder basis for class analysis / A. Sorensen // *American Journal of Sociology*. – 2000. – Vol. 105. – No 6. – P. 1523–1558.

¹⁸ Grusky D. Decomposition Without Death: A Research Agenda For New Classis Analysis / D. Grusky, K. Weeden // *Acta Sociologica*. – 2001. – № 44(3). – P. 203–218.

¹⁹ Тихонова Н.Е. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях [Текст] / Н.Е. Тихонова // *Социс*. – 2006. – №9. – С. 33.

²⁰ Grusky D. Decomposition Without Death: A Research Agenda For New Classis Analysis / D. Grusky, K. Weeden // *Acta Sociologica*. – 2001. – № 44(3). – P. 203–218.

²¹ Goldthorpe J.H. Occupational Sociology, Yes: Class Analysis, No: Comment on Grusky and Weeden's Research Agenda // *Acta Sociologica*. – 2002. – Volume 45. – No. 3. – September 2002.

²² Сорокин П. Социальная стратификация и мобильность [Текст] // П. Сорокин. – *Человек. Цивилизация. Общество*. (Серия «Мыслители XX века»). – М., 1992. – 302-373.

«в неравномерном распределении прав и привилегий, ответственности и обязанности, наличии или отсутствии социальных ценностей, власти и влияния среди членов того или иного сообщества». Позиция П. Сорокина совпадает с теорией Вебера в следующем: индивидуум, занимающий определенную позицию в экономическом плане общества высшего слоя, одновременно относится к высшим политическим и профессиональным слоям, а низшие слои в иерархии, как правило, лишены гражданских прав.

Белорусские социологи определяют стратификационную систему как «структурированное социальное неравенство, условия, при которых социальные группы имеют неравный доступ к таким социальным благам, как деньги, власть, престиж, образование, информация, профессиональная карьера, самореализация»²³. Но в данном определении, по мнению О.А. Кармадонова, смешаны «доступ к социальным благам» – показатель положения группы в объективной социальной иерархии по признакам власти и дохода – и субъективный элемент «престижа». А так как престиж не является «социальным благом» в том смысле, в каком им являются образование, информация, деньги, и пр., сам по себе он ничего не приносит²⁴.

Существует два типа систем стратификации: открытые и закрытые. В соответствие с устоявшейся точкой зрения термины «открытое общество» и «закрытое общество» первым в научный оборот ввел Анри Бергсон²⁵. Впоследствии данные понятия получили развитие в работах австрийского философа Карла Поппера²⁶. Система стратификации открытого типа представляет собой социальную структуру, члены которой могут относительно легко менять свой статус. Структуру, члены которой с большим трудом могут изменить свой статус, называют закрытой системой стратификации. Примером закрытой системы стратификации может служить кастовая организация Индии (она функционировала до 1900 года).

²³ Социология: Энциклопедия / Сост. А. А. Грицанов и др. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://voluntary.ru/dictionary/568> (дата обращения: 08.01.2010).

²⁴ Кармадонов О.А. Социальная стратификация в дискурсивно-символическом аспекте [Текст] / О.А. Кармадонов // Социс. – №6. – 2010. – С. 3.

²⁵ Bergson A.H. Les deux sources de la morale et de la religion. Paris, 1932, p.333.

²⁶ Popper K. R. The Open Society and Its Enemies, v. 1—2. London, Routledge, 1945.

Исторический подход к моделированию стратификационной структуры общества был предложен английским социологом Э. Гидденсом, который выделил четыре основные системы стратификации: рабство, касты, сословия и классы. Наиболее выраженной формой неравенства является рабство, при котором часть индивидов принадлежит другим как их собственность. Понятие «каста» происходит из португальского языка и означает «чистый род». Под ним подразумеваются группы людей, соблюдающие ритуальную чистоту. Сословия были частью европейского феодализма, но существовали и во многих других традиционных обществах. Феодальные сословия включали страты с различными обязанностями и правами. В Европе сословия включали аристократию и дворянство. Классовые системы имеют отличия по следующим признакам:

1. Классы не создаются на основе правовых и религиозных норм; членство в них не основывается на наследственном положении и обычаях. Классовые системы более подвижны, нежели другие системы стратификации, и границы между классами никогда не бывают ясно очерченными.

2. Принадлежность индивида к классу должна быть «достигнута» им самим, а не просто быть «данной» от рождения, как в других типах систем стратификации.

3. Классы зависят от экономических различий между группами людей, связанных с неравенством во владении и контроле над материальными ресурсами.

4. В других типах стратификационных систем неравенство выражено прежде всего на уровне межличностных отношений, касающихся обязанностей между слугой и господином, рабом и хозяином, представителями высшей и низшей каст. Классовые системы, наоборот, осуществляют в основном связи внеличного характера²⁷.

²⁷ Гидденс Э. Стратификация и классовая структура [Текст] / Э.Гидденс // Социс. – 1992. – № 9. – С. 112-124.

В современной российской социологии получила признание этакратическая (государственно-властная) модель стратификационной структуры общества. О.И. Шкаратан различает девять типов стратификационных систем²⁸ (табл. 2).

Таблица 2. Типы стратификационных систем по О.И. Шкаратану

Тип системы	Основа дифференциации	Способ детерминации различий
Физико-генетическая	Пол, возраст, физические данные	Физическое принуждение, обычай
Рабовладельческая	Права гражданства и собственности	Военное принуждение, кабальное право
Кастовая	Религиозное и этническое разделение труда	Религиозный ритуал, этническая замкнутость
Сословная	Обязанности перед государством	Правовое оформление
Этакратическая	Ранги во властной иерархии	Военно-политическое господство
Социально-профессиональная	Род занятий и квалификация	Образовательные сертификаты
Классовая	Размеры доходов и собственности	Рыночный обмен
Культурно-символическая	Сакральное знание	Религиозное, научное и идеологическое манипулирование
Культурно-нормативная	Нормы поведения, стили жизни	Моральное регулирование, подражание

Однако все девять типов стратификационных систем – не более чем «идеальные типы». Любое реальное общество является их сложным смешением.

Согласно Т. И. Заславской²⁹, российское общество состоит из четырех социальных слоев:

– верхний слой включает реально правящий слой, выступающий в роли основного субъекта реформ. К нему относятся элитные и субэлитные группы, занимающие наиболее важные позиции в системе государственного управления, в экономических и силовых структурах;

– средний слой является прототипом среднего класса в западном понимании этого термина. На настоящий момент этот слой слишком малочислен и не может служить гарантом социальной стабильности. Это мелкие предпринима-

²⁸ Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация [Текст]: уч. пос. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 318 с.

²⁹ Заславская Т. И. Социальная структура современного российского общества [Текст] / Т.И. Заславская // Общественные науки и современность. – 1997. – № 2. – С. – 23.

тели, менеджеры средних и небольших предприятий, среднее звено бюрократии, старшие офицеры, наиболее квалифицированные и дееспособные специалисты и рабочие;

– базовый социальный слой охватывает более 2/3 российского общества. К базовому слою относится основная часть интеллигенции (специалистов), полунинтеллигенция (помощники специалистов), технический персонал, работники массовых профессий торговли и сервиса, большая часть крестьянства;

– нижний слой характеризуют низкий личный и семейный доход, низкий уровень образования, занятие неквалифицированным трудом или отсутствие постоянной работы;

– социальное дно изолировано от социальных институтов большого общества и включено в специфические криминальные и полукриминальные институты. Представителями социального дна являются преступники и полупреступные элементы – воры, торговцы наркотиками, наемные убийцы, а также опустившиеся люди – алкоголики, наркоманы, проститутки, бомжи и т.д.

Несколько иную модель стратификационной системы современного российского общества предлагает Н.М. Римашевская:

– «общероссийские элитные группы», обладающие крупной собственностью и средствами властного влияния на федеральном уровне;

– «региональные и корпоративные элиты», обладающие значительной собственностью и влиянием на уровне регионов и секторов экономики;

– «верхний средний класс», имеющий собственность и доходы, обеспечивающие западные стандарты поведения и притязания на повышение социального статуса;

– «динамичный средний класс», проявляющий социальную активность и имеющий доходы, обеспечивающие среднероссийские и более высокие стандарты потребления;

– «аутсайдеры», характеризующиеся низкой социальной активностью, невысоким уровнем доходов и ориентацией на легальные способы их получения;

– «маргиналы», отличающиеся низкой степенью социальной адаптации, незначительными доходами и неустойчивостью социально-экономического положения;

– «криминальные элементы», проявляющие высокую социальную активность, но противоречащую моральным и правовым нормам общества³⁰.

Данный подход основан на «степени адаптированности людей к новым экономическим и социальным реалиям» и не противоречит традиционному, так как объединяет главные критерии социальной стратификации.

Стабильность общества связана с профилем социальной стратификации (структурой общества), чрезмерное вытягивание которого чревато серьезными социальными катаклизмами. Данный процесс имеет и обратную сторону, описанную П. Сорокиным. Уплотнение профиля стратификации не должно быть чрезмерным, сводящим на нет сам принцип социальной иерархии, так как неравенство является важным источником социального развития. Еще Г. Зиммель³¹ отметил, что стабильность иерархической структуры общества зависит от удельного веса и роли среднего слоя или класса. Занимая промежуточное положение, средний класс выполняет своеобразную связующую роль между двумя полюсами социальной иерархии, снижая их противостояние.

Т. И. Заславская выделяет четыре основных признака среднего класса:

1) занимают промежуточное положение в социальной структуре общества и выполняют роль посредника между верхами и низами;

2) экономическая независимость, уверенность в будущем и заинтересованность в сохранении социального порядка и стабильности общества;

3) высокая квалификация и социальная активность, способствующие прогрессивному развитию общества;

³⁰ Римашевская Н.М. Россия: социальная доктрина переходного периода [Текст] / Н.М. Римашевская, И. Е. Дискин. – 1995. – с. 27-28.

³¹ G.Simmel. Über sociale Differenzierung. Soziologische und psychologische Untersuchungen, Leipzig, Duncker & Humblot, 1890.

4) основные носители общественных интересов, национальной культуры, составляющие большинство населения и распространяющие образы собственной культуры на другие социальные слои³².

В настоящее время во всех развитых странах доля среднего класса составляет примерно 55 – 60%³³. В России, по разным оценкам, численность среднего класса колеблется от 3% («идеальный средний класс») до 30%, а то и 60% («перспективный средний класс»)³⁴.

Современное общество, которое в своем развитии устремлено в будущее, относят к индустриальным (массовым), сохраняющим в себе многие черты архаических стратификационных обществ. Страты в современном обществе, в отличие от архаичных, не отделены друг от друга непроницаемыми перегородками – между ними существуют перемещения, поэтому в жизни современного общества огромную роль играет явление социальной мобильности.

1.2. Явление социальной мобильности

Теория социальной стратификации тесно связана с учением о социальной мобильности. Общество представляет собой динамично развивающуюся систему, так как индивиды и образуемые ими группы имеют цель занять более высокое социальное положение либо существующие условия заставляют занять более низкое.

Основоположителем теории социальной мобильности считается П. Сорокин. Под социальной мобильностью он понимал «любой переход индивида или социального объекта (ценности), то есть всего того, что создано или модифицировано человеческой деятельностью, из одной социальной позиции в другую³⁵».

Западная социология при изучении социальной мобильности сосредоточилась на исследовании переходов, перемещений из одних социальных слоев в

³² Заславская Т.И. К вопросу о «среднем классе» российского общества [Текст] / Т.И. Заславская, Р.Г. Громова // Мир России. – 1998. – № 4. – С. 3-22.

³³ Голенкова З.Т. Средние слои в современной России [Текст] / З.Т. Голенкова, Е.Д. Игитханян // Социс. – 1998. – № 7. – С.44.

³⁴ Аврамова Е.М. Средний класс эпохи Путина [Текст] / Е.М. Аврамова // Общественные науки и современность. – 2008. – № 1. – С. 28–36.

³⁵ Сорокин П.А. Социальная мобильность, ее формы и флуктуации [Текст] / Кравченко А.И. Социология: Хрестоматия для вузов. М. : Академический проект; Екатеринбург : Деловая книга, 2002. – С. 647.

другие. Поэтому теории социальной мобильности тесно связаны с теориями социальной стратификации, поскольку в последних выделяются критерии деления общества на социальные слои (страты).

Существует значительное число трудов отечественных и зарубежных исследователей, посвященных сущности и процессам социальной мобильности в обществе. К ним относятся К. Маркс³⁶, Э. Дюркгейм³⁷, изучавшие проблемы социальной дифференциации и социальной стратификации, П. Сорокин³⁸, М. Вебер³⁹ и др. Значительный вклад в изучение социальной мобильности внесли функционалисты Т. Парсонс⁴⁰, Р. Мертон⁴¹, а также П. Штомпка⁴², который рассматривал процессы социальных изменений и осуществил анализ отдельных характеристик социальных структур.

На первом этапе исследования проблем социальной мобильности носят историко-социологический характер с использованием относительно простых статистических методов.

В 1949 году Отделение социальных исследований Лондонской школы экономики предложило долгосрочную программу изучения социального отбора и дифференциации в послевоенной Великобритании, под эгидой которой под руководством Д. Гласса было проведено исследование «Социальная мобильность в Великобритании». Оно было сосредоточено на анализе социального статуса или социального престижа, а не социального класса в его классическом понимании. В центре внимания находилась также социальная мобильность, процессы саморекрутирования индивидов в определенные социальные группы⁴³. Результаты показали связь между статусом отцов и сыновей: она наиболее заметна, когда отцы принадлежат к категории квалифицированных работников

³⁶ Маркс К. Анкета для рабочих. [Текст] // Маркс К., Энгельс Ф. – Соч., т. 1. – С. 233; Маркс К. Тезисы о Фейербахе [Текст]. // К. Маркс. – Соч., т.3.

³⁷ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии [Текст] // Э. Дюркгейм. – М., 1991; Дюркгейм Э. Ценностные и реальные суждения [Текст] / Э. Дюркгейм // Социс. – 1991. – № 4. – С. 106-114.

³⁸ Человек. Цивилизация. Общество [Текст] / Питирим Сорокин; [Общ. ред., сост. А.Ю. Согомонова]. — М. : Политиздат, 1992. — С. 373.

³⁹ Вебер М. Избранное. Образ общества [Текст] // М. Вебер. М.: Юрист, 1994. – 704 с.

⁴⁰ Parsons T. The Concept of Society: The Components and Their Interrelations. In: T. Parsons. Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives. – New Jersey, Prentice-Hall, 1966.

⁴¹ Merton R.K. Social Theory and Social Structure. New York : Free Press, 1949. – 423 p.

⁴² Sztonmka P. The Sociology of Social Change. — Oxford and Cambridge: Blackwell, 1993. – 348 p.

⁴³ Social Mobility in Britain / Ed. by D.V. Glass. L.: Routledge & Kegan Paul, 1954.

физического труда или к категории высшего административного или профессионального персонала.

С.М. Липсет и Р. Бендикс⁴⁴ рассматривали социальную мобильность в зависимости от деления на слои индустриального общества по уровню дохода и по месту в иерархии престижа. Они также полагали, что социальная мобильность необходима для обеспечения стабильности современного индустриального общества, поскольку открытый доступ к позициям элиты позволяет способным людям покидать низшие социальные уровни.

Второй этап изучения социальной мобильности относится к 60 – 70 гг. XX века и характеризуется трудами, в которых к основным критериям мобильности относят образование и профессию. С начала 70-х годов появляются работы П.М. Блау, И. Блумена, Д. Гудмана, О.Д. Данкена, Д. Треймана⁴⁵ и др. Они анализируют изменения в образовательной и профессиональной межпоколенной мобильности с целью выявления того, насколько «открыты» определенные социальные группы и слои. Данкен и Блау на основе исследования «Occupational Changes in a Generation» (1962) констатировали, что на протяжении нескольких десятков лет связь между профессиональным статусом и образованием отца и достижениями индивида в сфере образования была постоянной.

Д. Трейман⁴⁶ высказал предположение об уменьшении роли назначаемых факторов и росте роли индивидуальных достижений в определении социального статуса и привел причины, по которым назначение на профессиональный пост должно базироваться на критерии формальных заслуг. Модели стратификации в современных обществах, по Трейману, организованы вокруг правила достижений и заслуг с тенденцией размыва барьеров наследования и подвижек в социальном пространстве⁴⁷.

⁴⁴ Lipset M., Bendix R. Social Mobility in Industrial Society. Berkeley and Los Angeles, 1959. – P. 13.

⁴⁵ Blau P. M., Duncan O. D. American occupational structure - New York, 1967; Treiman D. Occupational Prestige in Comparative Perspective. New York: Academic Press, 1977.

⁴⁶ Treiman D.J. Industrialization and social stratification / E. O. Laumann (ed.). – Social Stratification: Research and Theory for the 1970s. Indianapolis. – 1970. – pp. 207-34.

⁴⁷ Доманьский Х. Появление в Польше меритократии [Текст] // Социс. – 2002. – N 6. – С.37.

Третья волна изучения социальной мобильности в 80-х гг. представлена такими исследователями, как Л. Джонс, Дж. Голдторп, Р. Эриксон, Д.Л. Фитерман, Р.М. Хаузер⁴⁸, которые использовали построение логлинейной модели профессионального продвижения. Дж. Голдторп совместно с Р. Эриксоном⁴⁹ разработали проект «Сравнительный анализ социальной мобильности в индустриальных странах» (CASMIN), направленный на изучение сходства и различия характера мобильности в странах Западной и Восточной Европы. Они также собрали в единый банк данных большое количество работ по изучению мобильности. Основные выводы Голдторпа и Эриксона можно обобщить в следующих положениях:

- уровни абсолютной мобильности во второй половине двадцатого века оказались выше, чем предполагалось;

- наряду с «близкой» мобильностью существует заметная «дальняя мобильность» от рабочего класса к высшему классу;

- состав высшего и промежуточного классов более изменчив, чем предполагалось ранее.

Если в зарубежной науке изучение социальной мобильности проводилось достаточно широко, то в СССР до 60-х гг. исследования социальной мобильности фактически не велись. Вместо данного термина использовались такие понятия, как «социальная подвижность», «социальное движение», «социальные перемещения».

Изучение социальной мобильности в советский период было направлено на утверждение идеалов социалистического общества как идущего по верному пути исчезновения социального неравенства и классовых различий. М.Н. Руткевич и Ф.Р. Филиппов были одними из первых, кто рассматривал проблему социальной мобильности. Они отметили, что социальные перемещения в СССР превращаются в одну из форм постепенного стирания различий, а вертикальная

⁴⁸ Featherman D., Hauser R. M. Opportunity and Change. – New York Academic Press, 1978; Featherman D., Jones F. I., Hauser R. M. Assumptions of Social Mobility Research in the US the Case of Occupational Status // Social Science Research. – 1975. – №4. – P 329-360.

⁴⁹ Erikson R., Goldthorpe J. The Constant Flux. – Oxford: Clarendon Press, 1992. – P. 1-27.

градация существует постольку, поскольку еще имеется неравенство по степени сложности труда⁵⁰.

В 70-80-е годы изучаются методологические, методические и организационные проблемы социальной структуры в динамике, а также проводятся исследования тенденций и направленности социальной мобильности различных групп и слоев населения. Изучение трудовой мобильности и ее влияний на общенациональную структуру рабочих мест нашло отражение в работах Т.И. Заславской, Р.В. Рывкиной, А.А. Сухова, С.А. Кугеля и др.⁵¹. Широкое развитие получили исследования внутри- и межпоколенной мобильности и их факторов, а также социальной мобильности молодежи, что отражено в трудах М.Х. Титма, А.В. Кирха, А.А. Матулениса, Д.Л. Константиновского, М.Н. Руткевича и др.⁵².

В исследованиях социально-трудовой сферы в постсоветский период, основанных на мониторингах, проводится анализ социальной и профессиональной мобильности различных категорий населения. Изучение социальной мобильности проводилось Е.М. Авраамовой, Л.А. Беляевой, Т.Ю. Богомоловой, М.Г. Бурлуцкой, З.Т. Голенковой, Р.Г. Громовой, Е.Д. Игитханяном, В.И. Ильиным, И.В. Мостовой, М.Н. Реутовой, Н.М. Римашевской, В.С. Тапилиной, Н.Е. Тихоновой, О.И. Шкартаном и др.

В основе теорий конца XX – начала XXI вв. лежит социально-экономическая и социально-профессиональная мобильность, причем в большинстве случаев рассматриваются внутривозрастные перемещения в трансформирующемся обществе.

⁵⁰ Руткевич М.Н., Филиппов Ф.Р. Социальные перемещения [Текст] // М.Н. Руткевич, Ф.Р. Филиппов. М.: «Мысль», 1970. – 253 с.

⁵¹ Методологические проблемы социологического исследования мобильности трудовых ресурсов [Текст] / отв. ред.: Т. И. Заславская и Р. В. Рывкина. – М.: Наука, 1974. – 317 с.; Сухов А.А. Трудовая мобильность при социализме [Текст]. – М.: Экономика, 1981. – 120 с.; Кугель С.А. Профессиональная мобильность в науке [Текст]. – М.: Мысль, 1983. – 256 с.

⁵² Титма М.Х., Саар Э.А. Молодое поколение [Текст]. – М.: Мысль, 1986. – 255 с.; Кирх А.В. Опыт измерения межгенерационной мобильности молодежи [Текст] // Социс. – 1984. – №4. – С.108-110; Матуленис А.А. Включение молодежи в социальную структуру [Текст]. Вильнюс: Минтис, 1983. – 208 с.; Константиновский Д.Л. Динамика профессиональных ориентаций молодежи Сибири: опыт социологического исследования [Текст]. Новосибирск: Наука, 1977. – 173 с.; Руткевич М.Н. Изменения в социальном составе и профессиональной ориентации студенчества в СССР [Текст] // Советская социология. Т. 11. М., 1982.

Под руководством Е.М. Авраамовой был проведен анализ процессов вертикальной мобильности, протекающих в российском обществе в 2000-е годы. В исследовании рассматривается, каковы особенности становления институциональной среды, как происходит накопление и реализация ресурсов вертикальной мобильности⁵³.

В работе Т.Ю. Богомоловой, В.С. Тапилиной, П.С. Ростовцева мобильность по доходам рассматривается как механизм трансформации неравенства в распределении доходов. Также описывается методика исследования связи между изменениями в доходах и изменением неравенства в их распределении в России⁵⁴.

Под руководством З.Т. Голенковой была проведена программа «Социальное расслоение и социальная мобильность», в ходе которой были оценены объективное состояние социальной структуры, масштабы и направленность изменений, произошедших в обществе за годы реформ, изучены основные направления и виды социальной мобильности как фактора изменения контуров социальной стратификации российского общества⁵⁵.

Механизмы социальной мобильности в условиях формирования новой социальной структуры России и качественные ее изменения описаны Н.Е. Тихоновой. Она подробно проанализировала воздействие внешних и личностных факторов, а также социально-психологических характеристик на статусные позиции индивидов⁵⁶.

По мнению О.И. Шкаратана, социальная мобильность является формой социального воспроизводства. Под социальным воспроизводством им понимается «латентный процесс, образующий сердцевину преобразований в стратификационных системах – социального воспроизводства (воспроизводства социальных отношений и индивидов)», отражающий «как действие универсальных

⁵³ Вертикальная мобильность российского общества: 2000-е годы. Коллективная монография. Под ред. д.э.н. проф. Авраамовой Е.М. – М.: М-Студио, 2008. – 168 с.

⁵⁴ Богомолова Т.Ю. Роль мобильности по доходам в изменении неравенства в распределении доходов: уч.-мет. пособие [Текст] / Т.Ю. Богомолова, В.С. Тапилина, П.С. Ростовцев // НГУ. – Новосибирск, 2001. – 75 с.

⁵⁵ Социальное расслоение и социальная мобильность / [Голенкова З. Т., Витюк В. В., Черных А. И. и др.]; Отв. ред. З. Т. Голенкова; Рос. акад. наук, Ин-т социологии. – М.: Наука, 1999. – 189 с.

⁵⁶ Тихонова Н.Е. Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике [Текст]. – М.: РОССПЭН, 1999. – 320 с.

законов социального развития, так и специфические черты развития конкретных социальных организмов (государств, регионов), национальные традиции, выраженные в ценностях и нормах межгрупповых взаимодействий и связей». О.И. Шкаратан и Г.А. Ястребов пришли к выводу, что не теория социальной мобильности, а теория социального воспроизводства «притязает на подлинное раскрытие процессов развития социальных отношений, социальной структуры в существующих обществах»⁵⁷.

Существует два основных типа социальной мобильности: горизонтальная и вертикальная (рис. 1). Под горизонтальной социальной мобильностью (перемещением), по П. Сорокину, подразумевается переход индивида или социального объекта из одной социальной группы в другую, расположенную на одном и том же уровне⁵⁸. Например, из одного гражданства в другое, из одной семьи в другую при разводе или при повторном браке, с одной фабрики на другую, при этом профессиональный статус не претерпевает изменений.

Рис. 1. Типы социальной мобильности (по П. Сорокину)

⁵⁷ Шкаратан О.И., Ястребов Г.А. Социально-профессиональная структура и ее воспроизводство в современной России. Предварительные итоги представительного опроса экономически активного населения России 2006 г.: Препринт WP7/2007/02. – М.: ГУ ВШЭ, 2007. – С. 9-10.

⁵⁸ Человек. Цивилизация. Общество [Текст] / Питирим Сорокин; [Общ. ред., сост. А.Ю. Согомонова]. — М.: Политиздат, 1992. — С. 373.

Существует несколько видов горизонтальной мобильности. Одним из них является географическая мобильность, то есть перемещение с одного места жительства на другое при сохранении прежнего статуса. Если к перемене места добавляется перемена статуса, то географическая мобильность превращается в миграцию. Урбанизация – второй тип горизонтальной мобильности – представляет собой регулярное перемещение населения из деревень в города и (более редко) в обратном направлении.

Третий вид горизонтальной мобильности, характеризующий освоение пустующих и малонаселенных территорий, называется колонизацией. Четвертая разновидность – это бегство или изгнание, вызванное чрезвычайными обстоятельствами (стихийными бедствиями, религиозными гонениями, войнами и революциями и т.д.)⁵⁹.

Вертикальную социальную мобильность характеризуют те отношения, которые возникают при перемещении индивида или социального объекта из одного социального пласта в другой. В зависимости от направления перемещения существует два типа вертикальной мобильности: восходящая (переход человека к более высокому классовому положению) и нисходящая (социальный подъем и социальный спуск).

В соответствии с природой стратификации существуют нисходящие и восходящие течения экономической, политической и профессиональной мобильности⁶⁰.

Политическая мобильность определяется как перемещения людей, социальных групп, организаций, институтов в политической иерархии. Среди основных работ по изучению данного вида мобильности можно выделить труды У. Бека, М. Фишера, Р. Хаузера, Д. Физермана и др.⁶¹. П. Сорокин, исследуя динамику колебаний политической стратификации разных обществ в ходе исто-

⁵⁹ А.И. Кравченко. Социология: Общий курс: уч. пос. для вузов [Текст]:. – М.: ПЕРСЭ; Логос, 2002. – С.80.

⁶⁰ Там же. – С. 373-374.

⁶¹ U. Beck. World Risk Society // Polity Press, Cambridge – 2009; Фишер М. Капиталистический реализм [Текст]. – «Ультракультура 2.0», 2010. – 144 с.; R. Hauser, D. Featherman. The Process of Stratification: Trends and Analyses // Academic Press, New York. – 2009.

рии человечества, отметил, что людям трудно ожидать закономерного развития общества от одних устойчивых форм к другим.

Экономическая мобильность и роль дохода как фактора мобильности изучались такими учеными, как М. Липсет, Р. Бендикс, Э. Джексон, Р.В. Рывкина, Т.И. Заславская, Н.М. Римашевская и др.⁶² В работах российских социологов и экономистов анализировались процессы изменения социальной структуры российского общества при переходе к рыночному хозяйственному укладу (З.Т. Голенкова, М.С. Комаров⁶³), экономическая стратификация и экономическая мобильность населения, масштабы и интенсивность процессов трансформации социально-экономической структуры общества (Т.Ю. Богомолова, В.С. Тапилина⁶⁴).

Межпоколенная (межгенерационная) мобильность представляет собой изменение статуса детей по сравнению со статусом родителей. В западной социологии большое внимание уделялось анализу факторов и проблеме наследования неравенства в поколениях. Рост мобильности в рамках двух поколений в США зафиксировали исследования, проведенные Э. Джексоном и Г. Крокеттом⁶⁵. В СССР О.И. Шкаратан и В.О. Рукавишников провели сравнительный анализ структурных моделей межпоколенной динамики социального положения отцов и сыновей в обществах, отличающихся социальным устройством и типом культуры⁶⁶. Различные аспекты межпоколенной мобильности также встречаются в работах А.В. Кирха⁶⁷, а в историческом аспекте – у А. Пиренна

⁶² M. Lipset, R. Bendix. *Social Mobility in Industrial Society*. Berkeley and Los Angeles, 1959; Jackson E.F., Crockett H.J. *Occupational mobility in the USA. A point estimate and trend comparison// American sociological review*. N.Y., 1964. Vol.29. No. 1. P. 5-15; Заславская Т.И., Рывкина Р.В. Социология экономической жизни. Очерки теории [Текст]. Новосибирск, 1991; Римашевская Н.М. Экономическая стратификация населения России [Текст] / Общество и экономика. – 2002. – № 12. – С. 6-14.

⁶³ Голенкова З.Т. Тенденции изменения социальной структуры российского общества в период реформ [Текст] / З.Т. Голенкова // Общество и экономика. 2002. – № 12. – С. 15-24; Комаров М.С. Социальная стратификация и социальная структура [Текст] / М.С. Комаров // Социс. – 1992. – № 7. – С. 62-72.

⁶⁴ Богомолова Т.Ю. Экономическая стратификация населения России в 90-е годы [Текст] / Т.Ю. Богомолова, В.С. Тапилина // Социс. – 2001. – № 6. – С. 32-43.

⁶⁵ Jackson E.F., Crockett H.J. *Occupational mobility in the USA. A point estimate and trend comparison // American sociological review*. – N.Y., 1964. – Vol.29. – № 1. – P. 5-15.

⁶⁶ Шкаратан О. И. Социальная структура населения советского города [Текст] / О.И. Шкаратан, В.О. Рукавишников // Социс. – 1974. – № 2. – С. 44–48.

⁶⁷ Социальная мобильность городского населения [Текст]: под ред. Кирха А. – Таллин, Академия наук Эстонской ССР, 1985. – 150 с.

(«капиталистами не делаются по наследству – это не переходит от отца к сыну») ⁶⁸ и Л. Февра (концепция смены капиталистических династий) ⁶⁹.

Внутрипоколенная мобильность (интрагенерационная мобильность, социальная карьера) проявляется там, где один и тот же индивид, вне сравнения с отцом, на протяжении жизни несколько раз меняет социальные позиции. Это направление мобильности изучено очень слабо, и, главным образом, о перемещениях внутри поколений кратко сообщается в трудах по межпоколенной мобильности.

Понятие карьерной мобильности было концептуализировано Д. Сьюпером, Д. Т. Холлом, Дж. Холлендом, Э. Шейном ⁷⁰. Они также предложили подходы к ее анализу и методики к исследованию. Г.Е. Зборовский, В.А. Мансуров, М.Г. Солнышкина ⁷¹ рассматривают карьерную мобильность в соответствии со спецификой современного российского общества, проявляющейся в социально-экономических противоречиях профессиональной деятельности, особенностях современного рынка труда.

Основы изучения профессиональной мобильности на базе функционального подхода были заложены в работах П. Сорокина, Э. Дюркгейма, М. Вебера. В работах А. Шюца, М. Шелера ⁷² дается феноменологическая интерпретация этой категории. Профессиональная мобильность и социальная стратификация советского общества рассматривалась в работах Т.И. Заславской, Р.В. Рывкиной, В.Г. Подмаркова ⁷³.

⁶⁸ Pirenne H. The Stages in the Social History of Capitalism / H. Pirenne // The American Historical Review. – Vol. 19. – №. 3. – 1914. – P. 494-515.

⁶⁹ Febvre L. Combats pour l'histoire. Paris, Armand Colin. – 1953. – 456 p.

⁷⁰ Super L.T. Et al Vocational Development: A Framework of Research. – N.Y. – 1957. – 391 p.; Hall D.T. A theoretical model of career subidentity development in organizational settings // Organisational Behavior and Human Performance. – 1971. – №6. – P.50-76; 27; Holland J. H. Induction: Processes of Inference, Learning, and Discovery / J. H. Holland, K. J. Holyoak, R. E. Nisbett, P Thagard. – Cambridge, MA: MIT Press, 1986; Schein E. Career Anchors, Discovering your Real Values. – Oxford: Pfeiffer, 1966.

⁷¹ Зборовский Г.Е. Орлов Г.П. Социология [Текст]. – М. : Наука, 1995. – 288 с.; Социальная динамика и трансформация профессиональных групп в современном обществе [Текст] / Под ред. В.А. Мансурова. – М. : Изд-во Института социологии РАН, 2007. – 290 с.; Солнышкина М.Г. Профессиональные стратегии личности [Текст]: монография / М.Г. Солнышкина. – М. : Информационно-внедренческий центр Маркетинг, 2006. – 120 с.

⁷² Шюц А. Избранное: мир, светящийся смыслом [Текст]. Пер. с нем. и англ.: В. Г. Николаев и др.; общ. и науч. ред. Н. М. Смирнова. – М : РОССПЭН, 2004. – 1056 с.; Шелер М. Избранные произведения [Текст] / Пер. с нем.; сост., науч. ред. А. В Денежкина. – М.: Гнозис, 1994. – 490 с.

⁷³ Заславская Т.И., Рывкина Р.В. Социология экономической жизни. Очерки теории [Текст]. – Новосибирск, 1991. – 442 с.; Подмарков В.Г. Социальные проблемы организации труда [Текст]. – М.: Мысль, 1969. – 161 с.

Также различают индивидуальную мобильность, если перемещение происходит у индивида независимо от других, и групповую мобильность, если перемещения происходят коллективно. Например, после социальной революции старый господствующий класс уступает свои позиции новому господствующему классу. К. Маркс выделил три вида групповой мобильности: обуржуазивание, пролетаризацию и пауперизацию. Обуржуазивание – инфильтрация рабочих в высший класс, является примером восходящей групповой мобильности. Пролетаризация характеризовалась процессом разорения мелкой буржуазии и переходом ее в ряды рабочего класса. Пауперизм – явление массовой бедности, когда в результате потери трудоспособности или увольнения пролетариат пополняет ряды безработных⁷⁴. Оба последних относятся к нисходящей групповой мобильности.

На основании организованности выделяют стихийную (свободное перемещение людей из одной сферы труда в другую без определенных гарантий) и управляемую (организованную) мобильность (набор рабочей силы через создание условий для получения образования и квалификации). Еще один вид социальной мобильности – структурная мобильность – вызвана изменениями в структуре народного хозяйства и происходит помимо воли и сознания отдельных индивидов.

Как показывает история, не существует полностью закрытых обществ, и между стратами существуют каналы мобильности, через которые индивиды могут перемещаться по социальной лестнице вверх или вниз. Под каналами социальной мобильности (или каналами вертикальной циркуляции, по П. Сорокину) понимаются действующие в обществе социальные институты, обеспечивающие перемещение по социальной лестнице (система образования, армия, церковь, различные политические, профессиональные, экономические организации и семья).

Среди каналов социальной мобильности П. Сорокин выделяет армию, которая всегда играла роль социальной лестницы, благодаря которой люди из

⁷⁴ Маркс К. Капитал [Текст] // Маркс К., Энгельс Ф. – Собр. соч. М., 1955. – Т. 23.

низших классов могли занять место в самом верху иерархической структуры. Однако армия функционирует в качестве канала социальной мобильности в большей степени в военное время, когда присутствуют крупные человеческие потери. По мнению П. Сорокина, образование играет большую роль в расширении среднего класса за счет низших классов и даже «аристократизации общества». Церковь как канал социальной циркуляции выполняет эту функцию только тогда, считает П. Сорокин, когда возрастает ее социальная значимость.

П. Сорокин прослеживает роль и значение богатства для социальной мобильности в истории общества, начиная от первобытных времен. Уже в большинстве примитивных племен богатство давало руководящее положение лицам, владеющим им. П. Сорокин отмечал, что пути истории различны, а итог всегда один – накопление богатства и в результате этого высокое общественное положение⁷⁵.

Среди каналов мобильности называется и семья. Путем женитьбы, замужества, развода и нового брака одни люди делают карьеру, другие ее разрушают. В современных обществах «выгодный» брак может помочь в достижении богатства и высокого социального положения⁷⁶.

Причины, позволяющие индивидам перемещаться между социальными группами, называются факторами социальной мобильности. Среди них выделяют:

- уровень развития экономики (например, в периоды экономических депрессий количество высокостатусных позиций сокращается, а низкостатусных – расширяется, поэтому доминирует нисходящая мобильность и наоборот);
- исторический тип стратификации (общества закрытого типа ограничивают социальную мобильность, а общества открытого типа поощряют социальную мобильность);

⁷⁵ Человек. Цивилизация. Общество / Питирим Сорокин; [Общ. ред., сост. и предисл., с. 5-24, А.Ю. Согомонова]. — М.: Политиздат, 1992. — С. 312-373.

⁷⁶ Там же. — С. 373.

– демографические факторы, такие как пол, возраст, уровень рождаемости, смертности, брачности, разводимости (например, молодые люди и мужчины более мобильны, чем пожилые и женщины);

– место жительства (например, выяснилось, что сельская молодежь, переселившаяся в город, достигает более высокого положения по сравнению со своими отцами, чем коренные горожане по сравнению со своими);

– миграционные процессы (иммигранты, приезжающие в страну из других стран, занимают нижние позиции в социальной структуре, вытесняя коренных жителей);

– социальный статус семьи (представители высшего класса и профессионалы чаще наследуют род занятий своих родителей);

– уровень образования (чем выше уровень образования, тем больше шансов продвинуться вверх по социальной лестнице);

– национальность (представители титульной нации легче продвигаются по социальной лестнице, чем представители малочисленных народов);

– физические и умственные способности;

– личностные качества (высокий уровень мотивации, инициативность, честолюбие, коммуникабельность и др.).

В настоящее время проблема социальной мобильности очень актуальна, так как повсеместно можно наблюдать процессы перехода из одного социального слоя в другой. В связи с этим встает вопрос об измерении данного явления.

1.3. Методологические аспекты изучения социальной стратификации и социальной мобильности

Методы изучения социальной структуры и стратификации достаточно разнообразны. Место индивида в структуре социальной стратификации может определяться тремя способами:

– объективный (на основе измерения индексов социальных позиций личности);

– субъективный (на основе мнения других об индексах социальных позиций конкретной личности);

– самооценочный (определяется на основе собственного мнения о принадлежности к определенному социальному слою).

Одним из самых распространенных методов является самоклассификация. Например, на основе ответов на вопрос «Если использовать какое-то название для определения собственного социального класса, то, как Вы думаете, Вы принадлежите к низшему, среднему или высшему классу?». Подход, в котором устанавливаются критерии класса (профессия, доход образование, власть и др.), а затем наблюдается, как они распределены, называется методом объективных критериев. Репутационный метод – подход, при котором респондентов просят классифицировать окружающих их людей по категориям и высказать свое собственное впечатление о системе стратификации, существующей в их сообществе⁷⁷.

Современные системы социальной стратификации основываются на теориях К. Маркса и М. Вебера, основными из которых являются:

- система социальной стратификации Дж. Голдторпа;
- шкала престижа Д. Траймана;
- международная стандартная классификация профессий;
- кембриджская шкала социального взаимодействия и стратификации;
- система социальной стратификации Э. Райта⁷⁸.

Система стратификации Голдторпа появилась в 70-х гг. XX века и претерпела некоторые изменения вплоть до 2000-х гг. Она соединила в себе идеи как неомарксизма, так и веберизма. В основе ее лежат отношения в сфере занятости в индустриальных обществах. При этом выделяются две модели:

– классовая, при которой социальное положение индивида сравнивается с его позицией на рынке труда;

⁷⁷ Иконникова Н. Современные концепции социальной структуры и социальной стратификации [Текст] / Н. Иконникова // Личность. Культура. Общество. Избранные статьи: 2000 г. Т. 2 вып. 3 (4).

⁷⁸ Каира Ю.В. Сравнение современных международных систем социальной стратификации [Текст] / Ю.В. Каира, О.В. Бобровский // Образование и общество. – 2011. – №6(71). – С.58.

– социальная иерархия, при которой индивид сам определяет свое расположение в многомерном пространстве.

Система состоит из одиннадцати социально-классовых категорий, сводящихся к более укрупненным: семи, пяти и трем классам. Голдторп же предпочитает семиклассовый вариант. Шкала такого рода выглядит следующим образом:

Служебные (service) классы:

I. «Профессионалы», администраторы и государственные чиновники высшего уровня, менеджеры крупных учреждений и компаний, крупные собственники.

II. «Профессионалы», администраторы и государственные чиновники низшего уровня, менеджеры малого бизнеса и промышленных предприятий, кураторы служащих, занятых умственным трудом.

Промежуточные классы:

IIIa. Служащие, занятые рутинным умственным трудом в области управления и коммерции.

IIIb. Лица, занятые индивидуальной трудовой деятельностью в сфере услуг.

IVa. Мелкие собственники, ремесленники, имеющие наемных работников.

IVb. Мелкие собственники, ремесленники, не имеющие наемных работников.

V. Фермеры и мелкие арендаторы и другие самозанятые в сельскохозяйственном производстве.

VI. Квалифицированные работники: технические специалисты без высшего образования, кураторы работников физического труда.

VIIa. Мало- и неквалифицированные работники физического характера труда (не занятые в сельском хозяйстве).

VIIb. Сельскохозяйственные рабочие и другие рабочие, занятые в сельскохозяйственном производстве⁷⁹.

⁷⁹ Erikson R. Intergenerational class mobility in three Western European societies: England, France and Sweden / Erikson R., Goldthorpe J.H., Portocarero L. // *British Journal of Sociology*. – 1979. – №30. – P. 415–451.

Эта система широко распространена в современных исследованиях и носит название EGP-схемы (по начальным буквам фамилий – Erikson R., Goldthorp J., Portocarero L.).

К чикагской школе стратификации относится шкала престижа Траймана, берущая истоки из структурного функционализма и, в частности, из идей Т. Парсонса и Э. Дюркгейма, основанная на рейтинге профессий. Профессии по-разному вознаграждаются, как материально, так и символически, и поэтому одни занятия более престижны, нежели другие⁸⁰. Модель Д. Траймана основана на шести утверждениях:

1. Все сложные современные общества организованы и функционируют ради максимизации эффективности.

2. Функция максимизации эффективности достигается за счет схожего разделения труда, которое воспроизводит схожие профессиональные роли.

3. Разделение труда порождает социальную стратификацию на основе различий в уровне контроля над недостающими, невостребованными общественными ресурсами.

4. Различия в контроле над общественными ресурсами порождают различия во властных полномочиях.

5. Различия во властных полномочиях приводят к различиям в привилегиях для отдельных членов общества.

6. Власть и привилегии высоко ценятся во всех обществах, следовательно, профессиональные позиции, подразумевающие большие властные полномочия и привилегии, связаны с высоким положением в рейтинге престижности, который является универсальным.

Международная стандартная классификация профессий (ISCO-88) соответствует подходу МОТ. В ее основе лежат требования к уровню должностей, а также навыки, необходимые для соответствия отдельно взятой должности. Часто используется вариант, включающий четыре уровня профессиональных

⁸⁰ Treiman D.J. Occupational Prestige in Comparative Perspective. New York: Academic Press. – 1977. – P. 5.

навыков, каждый из которых характеризуется квалификацией, присвоенной при получении образования:

- 1 уровень – начальное образование (около 5 лет);
- 2 уровень – общее образование (5 – 7 лет);
- 3 уровень – высшее образование (3 – 4 года);
- 4 уровень – высшее образование (3 – 6 лет).

В обобщенном виде ISCO выглядит следующим образом (табл. 3).

Таблица 3. **Международная стандартная классификация профессий**

Код	Укрупненная группа	Уровень профессиональных навыков
1	Законодатели, высшие должностные лица и высшее руководство	–
2	Профессионалы	4
3	Узкие специалисты	3
4	Мелкие служащие	2
5	Рядовые работники сферы торговли и обслуживания	2
6	Квалифицированные рабочие в сельском хозяйстве и рыбном промысле	2
7	Ремесленники и продавцы их изделий	2
8	Рабочие заводов, сборщики и операторы технических установок	2
9	Неквалифицированные работники	1
10	Служащие Вооруженных сил	–

Кембриджская шкала социального взаимодействия и стратификации (CAMSIS) основывается на взаимодействии индивида с обществом с помощью социально созданных сетей. Модель базируется на том, что ресурсы распределяются неравномерно в соответствии с социально регулируемыи взаимоотношениями внутри отдельных сетей. Поэтому социальная стратификация является функцией неравномерного распределения ресурсов в соответствии со сложившейся системой взаимоотношений внутри социальных, политических и экономических сетей⁸¹.

⁸¹ Stewart A. The Stability of Structural Inequality / A. Stewart, R.M. Blackburn // Sociological Review. – 1975. – №23. – P. 481-508; Каира Ю.В. Основные современные модели социальной стратификации [Текст] / Ю.В. Каира // Социологический альманах «Стратификационная модель современного общества»: Материалы III Орловских социологических чтений 21 октября 2011 г. / Сост. А.А. Алексеенко, Н.П. Старых. – Орел: Изд-во ОРАГС, 2011. – С. 15-19.

Система стратификации Э. Райта основывается на идеях К. Маркса, но включает и ряд положений теории М. Вебера. Согласно модели Райта, существует три вида контроля над экономическими ресурсами, которые и лежат в основе существующих классов:

- контроль над инвестициями (финансовым капиталом);
- контроль над физическими средствами производства;
- контроль над рабочей силой и властью.

Также Райт выделяет три вида эксплуатации – эксплуатации, основанные, на собственности на средства производства, на организационной иерархии и на владении квалификационными дипломами (credentials).

Райт приходит к выводу, что существует четыре оси для выделения классов: владение средствами производства, количество рабочих (подчиненных), обладание дефицитными умениями (квалификацией), обладание властью⁸². Собственники средств производства делятся на категории, отражающие масштаб собственности. Наемные работники отличаются уровнем профессиональных навыков и размером капитала (рис. 2).

Собственники	Наемные работники			управленческий капитал +	
Буржуазия	Неквалифицированные менеджеры	Узкоквалифицированные специалисты без руководящих полномочий	Менеджеры-эксперты		+
Мелкие работодатели	Неквалифицированные линейные руководители	Узкоквалифицированные линейные руководители	Линейные руководители-эксперты		
Мелкая буржуазия	Пролетариат	Узкоквалифицированные работники	Эксперты без руководящих полномочий		
	-	капитал навыков/ квалификация	+		

Рис. 2. Система стратификации Э.Райта

В методике академика Т.И. Заславской для эмпирической идентификации социальных групп использовались следующие статусные переменные: уровень образования, самооценка квалификации, основное занятие, основной род деятельности, отрасль занятости, сектор экономики по форме собственности, раз-

⁸² Ковалиско Н. Многомерный анализ социальной стратификации современного украинского общества (региональный аспект) / Н. Ковалиско, Р. Савчинский // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2007. – №3. – С.8.

мер предприятия (организации, фирмы), профессионально-должностная группа (по содержанию выполняемой работы и по оценке самих респондентов), а также уровень личных и семейных доходов в оценке, элиминирующей влияние инфляции. Идентификация групп осуществлялась методом итераций. Сначала каждая группа выделялась по теоретически обоснованным признакам. Затем строился «статусный портрет» группы по набору переменных, позволяющему проверить, все ли включенные в нее респонденты соответствуют социальной сущности группы. При обнаружении ошибочно включенных последние переводились в другие группы, сущностным качествам которых они отвечали. После этого строился статусный портрет группы в уточненных границах, а затем процедура повторялась до тех пор, пока группа не становилась достаточно однородной по своим главным статусным признакам.

Разные социальные группы идентифицировались с помощью разных наборов признаков, поэтому при независимом определении границ они накладывались бы друг на друга. Чтобы не допустить этого, была установлена иерархия статусных признаков. Первый приоритет отдавался участию респондентов в предпринимательской деятельности, второй – выполнению управленческих функций и профессиональной работе в сфере бизнеса⁸³.

Наличие в стране значительной части населения, относящейся к маргиналам, свидетельствует о незавершенности в российском обществе процесса формирования классовой структуры, так как многие показатели, по которым выделяется данная группа (уровень доходов, профессиональные позиции и т.д.), не всегда соотносятся между собой, что характерно для западных сообществ. Но четкая идентификация более чем 75% экономически активного населения страны позволяет говорить о применимости классовой модели для российского общества⁸⁴.

⁸³ Заславская Т.И. Социальная структура современного российского общества [Текст] / Т.И. Заславская // Общественные науки и современность. – 1997. – № 2. – С. 11-12.

⁸⁴ Российская повседневность в условиях кризиса / под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. – М.: Альфа-М, 2009. – 272 с.

Социологические исследования показывают, что элита индустриальных обществ составляет 1 – 3%, средние слои – 70 – 75, нижние слои – 20 – 25% (рис. 3).

Рис. 3. Социальная структура индустриального общества

С середины XX века в наиболее развитых капиталистических странах обозначился переход к постиндустриальному обществу и соответствующей социальной структуре. Социальная структура постиндустриального общества представляет собой ромб или усеченный ромб в отличие от треугольника, пирамиды социальной структуры индустриального общества. Изменения социальной структуры происходят за счет резкого увеличения среднего класса, его большей дифференциации и значительного уменьшения численности нижних слоев в процессе сокращения ручного труда⁸⁵ (рис. 4).

Рис. 4. Социальная структура постиндустриального общества

Измерение социальной структуры общества также проводят с помощью основных характеристик социальной мобильности: интенсивности и всеобщности вертикальной мобильности. Интенсивность социальной мобильности рассматривается как вертикальная социальная дистанция или количество слоев –

⁸⁵ Исаев Б. А. Социология. Краткий курс. – ООО «Питер Пресс», Санкт-Петербург. – 2010. – 224 с.

экономических, профессиональных или политических – которые индивид проходит в своем восходящем или нисходящем движении за определенный период времени. Под всеобщностью вертикальной мобильности П. Сорокин понимает индивидов, изменивших свое социальное положение в вертикальном направлении за определенный промежуток времени. Абсолютное количество таких индивидов дает абсолютную всеобщность вертикальной мобильности в структуре населения страны, а отношение таких индивидов ко всему населению – относительную всеобщность вертикальной мобильности. Объединив интенсивность и относительную всеобщность вертикальной мобильности в определенной социальной сфере (например, в экономике), можно получить, по мнению П. Сорокина, совокупный показатель вертикальной экономической мобильности того или иного общества⁸⁶.

Обзор основных методов, применяемых западной социологией в измерении социальной мобильности (конструирование шкалы мобильности, выбор метода обработки данных, проблемы интерпретации данных), предложила М.Г. Бурлуцкая, но в своей работе она остановилась на представлении классических подходов, не выходя на цели их адаптации к специфическому социокультурному контексту⁸⁷.

Попытку разработать методологические основания для измерения социальной мобильности предпринял В.Ф. Анурин. Он положил в основу теорию П. Сорокина, согласно которой в социальном пространстве существуют три основных измерения – экономическое, политическое и профессиональное, и выделил в каждом из них базовые показатели, которые в дальнейшем могут использоваться в эмпирических исследованиях. В экономическом подпространстве В.Ф. Анурин вычленяет доход, отношение к собственности, роль в организации труда; в политическом – ранг государственной иерархии, партийную

⁸⁶ Сорокин П.А. Система социологии. т.2. – М. :1993. – с.591.

⁸⁷ Бурлуцкая М. Г. Проблемы измерения социальной мобильности [Текст] / М.Г. Бурлуцкая // Рубеж. – 1998. – № 12. – С. 144–157.

принадлежность, ранг партийной иерархии; в профессиональном – образование, квалификацию, ранг профессии⁸⁸.

Более простой эмпирической моделью измерения социальной мобильности является подход М.Н. Реутовой, который использовался для изучения направления и интенсивности межпоколенной мобильности молодежи. Однако она рассматривает исключительно межпоколенные социальные перемещения, где анализируются различия в социальном статусе по гендерным линиям: «отцы – сыновья», «матери – дочери». В результате были разработаны четыре показателя, характеризующие основные направления межпоколенной мобильности:

1) общая интенсивность (степень отклонения статуса детей от статуса родителей);

2) интенсивность восходящей межпоколенной мобильности, где вычисляется соотношение молодых людей, получивших более высокий профессиональный или образовательный статус по сравнению со статусом родителей;

3) интенсивность нисходящей межпоколенной мобильности (более низкий статус);

4) нулевая интенсивность, характеризующая воспроизводство социального статуса родителей или приобретение молодыми людьми социальных статусов, условно адекватных родительским⁸⁹.

Для анализа межпоколенной мобильности часто используют таблицы мобильности, т.е. двумерные таблицы, в которых строкам и столбцам отвечают одни и те же переменные с одинаковыми градациями, характеризующие те или иные статусные показатели респондентов. Частоты показывают изменение рассматриваемых аспектов социальной мобильности, например, число индивидов, перешедших из одной категории в другую за какой-то промежуток времени, либо количество семей, в которых отец имеет статус, соответствующий строке,

⁸⁸ Анурин В.Ф. Проблема эмпирического измерения социальной стратификации и социальной мобильности [Текст] / В.Ф. Анурин // Социс. – 1993. – № 4. – С. 87–96.

⁸⁹ Реутова М.Н. Направления и интенсивность межпоколенной мобильности молодежи [Текст] / М.Н. Реутова // Социс. – 2004. – № 6. – С. 139–142.

а сын – столбцу⁹⁰. В общем виде таблица мобильности выглядит следующим образом (*табл. 4*). Ячейки таблицы n_{11} , n_{22} , n_{ij} и т.д. (т.е. по диагонали) представляют стабильные группы, т.е. группы, где социальный статус наследуется. Остальные ячейки представляют различные виды мобильности от отца к сыну.

Таблица 4. **Таблица мобильности**

Социальный статус отцов	Социальный статус сыновей				Всего
	1	2..	...j...k	...k	
1	n_{11}	n_{12}	n_{1j}	n_{1k}	n_{1*}
2	n_{21}	n_{22}	n_{2j}	n_{2k}	n_{2*}
i	n_{i1}	n_{i2}	n_{ij}	n_{ik}	n_{i*}
k	n_{k1}	n_{k2}	n_{ki}	n_{kk}	n_{k*}
	n_{*1}	n_{*2}	n_{*j}	n_{*k}	N

М.Ф. Черныш в своих исследованиях рассматривает связь различных типов перемещений человека по социальной лестнице с изменением его общих мировоззренческих установок. Анализируя потоки социальной мобильности в 1985 – 1993 гг., он выделяет две явно мобильные группы – нисходящую и восходящую – и рассматривает мировоззренческие изменения в этих группах⁹¹.

Существует проблема разработки шкалы мобильности, которая сочетала бы основные показатели социального статуса (доход, профессия, образование и т.д.) и позволяла бы распределить респондентов в пространстве социальных позиций. В целом при формировании шкалы мобильности необходимо решить две задачи:

- сведение к единой шкале различных показателей социального статуса;
- обеспечение возможности количественного измерения мобильности.

В исследованиях социальной мобильности применяются два вида шкалирования.

Первый вариант – используются качественные переменные (принадлежность к профессиональной или статусной группе, где границы групп определяются довольно приблизительно).

Типичный пример такой шкалы:

1. Профессионалы.

⁹⁰ Трофимов Д.А. Логлинейный анализ таблиц мобильности: обзор основных моделей [Текст] / Д.А. Трофимов // Социология: 4М. – 2008. – №26. – С. 120.

⁹¹ Черныш М.Ф. Социальная мобильность и массовое сознание [Текст] / М.Ф. Черныш // Социс. – 1995. – № 1. – С. 137.

2. Менеджеры.
3. Клерки.
4. Квалифицированные рабочие.
5. Среднеквалифицированные рабочие.
6. Обслуживающий персонал и неквалифицированные рабочие.
7. Животноводы и фермеры.
8. Работники ферм⁹².

Во втором подходе в качестве делений шкалы используются классовые группы, которые конструируются не только на основе характеристик трудовой деятельности, но и с учетом положения групп в системе социальных отношений. Пример исследования мобильности с применением подобной шкалы – исследование социальной мобильности в Великобритании, проведенное Дж. Голдторпом и его коллегами⁹³.

Современные социологи предлагают измерять социальную мобильность с помощью двух систем показателей. В первой системе единицей счета выступает индивид, во второй – статус.

Система 1. Объем мобильности – это число индивидов, которые переместились по социальной лестнице в вертикальном направлении за определенный промежуток времени. Если объем исчисляется количеством переместившихся индивидов, то он называется абсолютным, а если отношением этого количества ко всему населению, то – относительным. Совокупный объем определяет количество перемещений по всем стратам общества, а дифференцированный – по отдельным стратам. Масштаб социальной мобильности определяется как процентная доля тех, кто сменил, в сравнении с отцами, свой социальный статус.

Система 2. Социальная мобильность понимается как изменение индивидом (группой) одного статуса на другой, расположенный по вертикали или горизонтали. Объем мобильности – это количество людей, переменявших один статус на другой вниз, вверх или по горизонтали. Диапазон мобильности, ха-

⁹² Girod R. Process of Status Allocation Men and Women / R. Girod, C. Petroff, P. Weiss // Social Mobility in Comparative Perspective. Warsaw. The Polish academy of sciences press, 1978.

⁹³ Godthorpe J.H. Social Mobility and Class Structure in Modern Britain. Oxford: Clarendon Press, 1987.

рактирующей данное общество, зависит от того, какое количество различных статусов в нем существует. Чем больше статусов, тем больше у человека возможностей переместиться из одного статуса в другой. Дистанцией мобильности называется количество ступенек, на которые удалось подняться или пришлось опуститься индивиду. Нормальной дистанцией считается перемещение на одну – две ступеньки вверх или вниз. Ненормальная дистанция – неожиданный взлет на вершину социальной лестницы или падение к ее основанию.

Единицей дистанции мобильности является шаг перемещений. Для описания шага социальных перемещений используется понятие статуса: перемещение из низшего в высший статус – восходящая мобильность; перемещение из высшего в низший статус – нисходящая мобильность⁹⁴.

Интенсивность социальных перемещений рассчитывается с помощью системы индексов, которые могут рассчитываться двумя способами:

1. Путем соотношения коэффициентов по отдельным группам к общим коэффициентам перемещений.

2. Отношение соответствующей доли каждой группы в общей численности лиц, осуществляющих перемещения, к соответствующей доле данной группы в населении.

В свою очередь групповые коэффициенты интенсивности перемещений рассчитываются по формуле:

$$K_{m_i} = \frac{C_i}{\sum N_i},$$

где N_i – общая численность людей в i -той группе;

C_i – сальдо социальных перемещений.

$$C_i = P_i - U_i,$$

где P_i – прибытие в i -тую группу;

U_i – выбытие из i -той группы.

Среднее число случаев изменения социальной принадлежности на одного человека:

⁹⁴ Добреньков В., Кравченко А. Социология: В 3 тт. Т. 2: Социальная структура и стратификация. – 2001. – С. 238.

$$K_0 = \frac{M}{S_0},$$

где M – общее число случаев изменения социальной принадлежности в изучаемой совокупности лиц;

S_0 – общая численность лиц в изучаемой совокупности.

При наличии данных обследований может исчисляться индекс

$$I_{k_0} = \frac{K_0}{K_0^0},$$

когда сравниваются показатели K .

Коэффициент интенсивности социальных перемещений по совокупности лиц, менявших социальную принадлежность:

$$K_m = \frac{M}{S_m},$$

где S_m – число лиц, менявших (хотя бы раз) в течение рассматриваемого периода социальную принадлежность.

Коэффициент устойчивости социальной принадлежности, то есть доля лиц, не менявших социальную принадлежность:

$$K_y = \frac{S_a - S_m}{S_a}.$$

Рассмотренные показатели связаны между собой следующим образом:

$$K_a = K_m(1 - K_y)^{95}.$$

Основным вопросом, по которому можно произвести расчет общего коэффициента мобильности и вытекающих из него показателей, является вопрос «Отметьте изменения, произошедшие с Вашим социальным положением в обществе».

Для измерения социальной мобильности по данному вопросу возможно применение системы следующих показателей⁹⁶:

⁹⁵ Кучмаева О.В., Егорова Е.А., Иванова Т.А. Социальная статистика: Учебно-практическое пособие / Московский государственный университет экономики, статистики и информатики. – М.: МЭСИ, 2003. – 130 с.

⁹⁶ Буланова М.А. Социальная мобильность работающей молодежи региона: социологический анализ [Текст] / М.А. Буланова // Власть и управление на Востоке России. – 2011. – №3. – С. 205-212.

1. Общий коэффициент мобильности равен отношению числа лиц, совершивших переходы к общей численности совокупности:

$$Q_0 = \Pi_0 / N_0 * 100\%.$$

2. Показатель восходящей мобильности равен доле лиц, совершающих переходы с повышением социального статуса:

$$V_p = \sum \sum N_{ij} / N_0; (i < j).$$

3. Показатель нисходящей мобильности равен доле лиц, совершивших переходы с понижением социального статуса:

$$V_n = \sum \sum N_{ij} / N_0; (i > j).$$

4. Показатель структурной (вертикальной) мобильности равен разности между показателями восходящей и нисходящей мобильности:

$$C_v = V_p - V_n.$$

5. Коэффициент обменной мобильности равен разности между общим коэффициентом мобильности и коэффициентом структурной (вертикальной) мобильности:

$$P_0 = Q_0 - C_v.$$

6. Коэффициент соотношения между восходящей и нисходящей мобильностью:

$$Q_s = V_p / V_n.$$

Данные показатели образуют систему показателей социальной мобильности и позволяют составлять развернутую характеристику данного социального процесса.

Согласно методике Л.А. Беляевой, для изучения структуры российского общества, кроме уровня дохода, нужно учитывать такие критерии, как управление людьми и образование. Каждый из этих критериев обладает сильными социально дифференцирующими свойствами, а при их сочетании достигается эффект разделения населения на социальные слои, различающиеся местом в общественной иерархии⁹⁷. Применение кластерного анализа методом К-

⁹⁷ Беляева Л.А. Материальная дифференциация и социальная стратификация в России и регионах // Опыт подготовки социокультурных портретов регионов России: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции, Курск, 25–28 сентября 2007 г. / под ред. Е.А. Когай. – Курск: Курск. гос. ун-т, 2007. – С. 38.

средних, исключая итерации, на основе вышеперечисленных критериев ведет к выделению пяти кластеров – социальных слоев. «Высокостатусные» имеют высшее образование, 5 – 10 подчиненных, являются «зажиточными». «Эксперты» имеют высшее образование, являются «обеспеченными», подчиненных не имеют. «Реалисты» имеют среднее специальное образование, являются «обеспеченными», подчиненных не имеют. «Бедные руководители» имеют среднее специальное образование, подчиненных в количестве 10 – 50 человек, являются «необеспеченными». «Низкостатусные» имеют незаконченное среднее образование, являются «бедными», подчиненных не имеют⁹⁸.

В выделенных группах (на основании анализа социального положения респондентов и их родителей, путем расчета вышеприведенных коэффициентов мобильности) возможно измерение межпоколенной социальной мобильности. Межпоколенная мобильность является самой важной формой социальной мобильности, так как ее масштаб свидетельствует о том, до какой степени (в том или другом обществе) неравенство переходит от одного поколения к другому.

Внутрипоколенная мобильность (социальная карьера) представляет собой изменение социальных позиций индивида на протяжении жизни вне сравнения с родителями, то есть в пределах одного поколения. Наиболее типичными видами внутрипоколенной социальной мобильности являются: образовательная, профессиональная, карьерная⁹⁹. Для измерения интенсивности и направленности возможно использование представленной выше системы показателей.

Таким образом, не существует единого подхода к изучению и измерению социальной стратификации и социальной мобильности. Каждый из представленных методов имеет свои достоинства и во многом схожие недостатки. В проведенном исследовании будут использованы: система стратификации ЕGP Л.А. Беляевой, основные характеристики мобильности по П. Сорокину, данные государственной статистики, позволяющие охарактеризовать отдельные сторо-

⁹⁸ Беляева Л.А. Россия и Европа: структура населения и социальное неравенство [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://wciom.ru/fileadmin/Monitoring/97/3_97_2010_Belyaeva.pdf

⁹⁹ Blau P.M., Duncan O.D. the American occupational structure. N.Y.: John Wiley and Sons, 1967. Ch. 5; Шкаратан О.И., В.И. Ильин. Социальная стратификация России и Восточной Европы: сравнительный анализ. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006; Super D.E. et al. Vocational Development: A Framework of Research. – New York, 1957; Зборовский Г.Е. Образ жизни классов и социальных групп советского общества: сходство и различия М. Знание, 1987.

ны социальной стратификации и мобильности, а также социологический опрос, проведенный ИСЭРТ РАН во II квартале 2013 года среди населения регионов СЗФО. Выборочная совокупность – 5000 человек в десяти регионах Северо-Западного федерального округа (Архангельская, Вологодская, Калининградская, Ленинградская, Мурманская, Новгородская, Псковская области, Республики Карелия и Коми, г. Санкт-Петербург). Объем выборки по каждому региону составляет не менее 400 респондентов, что позволяет с высокой степенью достоверности (ошибка выборки не более 5% при вероятности 95%) судить о ситуации в отдельно взятом регионе и осуществлять межрегиональные сопоставления. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения региона.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ СЗФО

Прежде чем приступить к анализу социальной стратификации и мобильности населения, дадим краткую характеристику территории. Северо-Западный федеральный округ (далее – СЗФО) располагается на севере и северо-западе европейской части России и включает в себя 11 регионов: республики Карелию и Коми, Архангельскую, Вологодскую, Мурманскую, Ленинградскую, Новгородскую, Псковскую, Калининградскую области, Ненецкий автономный округ, город Санкт-Петербург. Административным центром округа является город федерального значения Санкт-Петербург.

Площадь региона составляет 1687 тыс. кв. км (9,8% территории России; *табл. 5*). СЗФО занимает выгодное географическое положение (граничит с Финляндией, Норвегией, Польшей, Эстонией, Латвией, Литвой, Беларусью, а также имеет выход в Балтийское, Белое, Баренцево, Карское моря), что является конкурентным преимуществом округа.

Таблица 5. Основные характеристики субъектов СЗФО в 2012 году

Регион	Площадь территории, тыс. кв. км	Численность населения, чел. на 1 янв. 2013 г.	Плотность населения, чел./кв. м	Плотность автомобильных дорог с твердым покрытием, км дорог/1000 кв. км территории
Республика Карелия	180,5	636 932	3,5	37
Республика Коми	416,8	880 639	2,6	14
Архангельская область	589,9	1 202 295	2,1	18
Вологодская область	144,5	1 196 196	8,8	81
Калининградская область	15,1	954 773	63,1	439
Ленинградская область	83,9	1 751 135	20,9	135
Мурманская область	144,9	780 401	5,4	19
Новгородская область	54,5	625 855	11,5	175
Псковская область	55,4	661 507	11,9	200
г. Санкт-Петербург	1,4	5 028 000	3594	2273
СЗФО	1687,0	13 717 733	8,1	54
Справочно по РФ	17098,2	143 347 059	8,4	213

На территории СЗФО проживает 13717,7 тыс. человек. Регион характеризуется высокими показателями урбанизации – более 80%, при этом значительная часть сконцентрирована в агломерации г. Санкт-Петербурга. Для округа характерен высокий уровень дифференциации в развитии инфраструктуры и освоенности территории. Средняя плотность населения в округе – 8,6 человека на 1 кв. километр. Плотность населения Архангельской области, Республики Коми и Республики Карелия самая низкая в европейской части России, что во многом типично для северных районов. Для Северо-Западного федерального округа характерен наибольший разброс среди всех федеральных округов по показателю густоты автомобильных дорог. Плотность дорог в Калининградской области составляет 439 км на кв. км, а в Республике Коми – 14, таким образом, разница между этими регионами равна 425.

Население округа, как и по России в целом, сокращается (табл. 6). На 2012 год коэффициент естественной убыли населения составил -1,6, что является одним из самых низких значений среди федеральных округов. Однако с 2000 по 2012 гг. демографическая ситуация в СЗФО постепенно улучшается. Еще в 2010 году на всех территориях региона отмечалась убыль населения, а в 2012 году Мурманская область, республика Коми и г. Санкт-Петербург преодолели отрицательную отметку естественного прироста, что произошло в основном за

счет снижения показателей смертности. Вызывает беспокойство ситуация в Ленинградской, Новгородской и Псковской областях, где смертность превышает рождаемость в 1,5 – 1,7 раза.

Таблица 6. Коэффициенты естественного прироста/убыли населения СЗФО, на 1000 человек населения в 2000 – 2012 гг.

Регион	2000	2005	2007	2008	2009	2010	2011	2012	Место в РФ*
Республика Карелия	-7,5	-8,2	-5,5	-5,3	-4,2	-4,1	-2,7	-2,8	52
Республика Коми	-3,2	-4,1	-0,8	-0,6	-0,4	-0,2	0,7	1,8	24
Архангельская область	-7,1	-6,3	-2,9	-2,7	-2,0	-2,0	-1,6	-0,7	46
Вологодская область	-7,1	-8,3	-4,4	-4,4	-3,8	-4,2	-2,8	-1,1	51
Калининградская область	-7,4	-9,2	-4,5	-4,0	-3,1	-2,8	-1,5	-0,8	44
Ленинградская область	-12,1	-12,5	-9,5	-8,9	-7,5	-7,0	-6,1	-5,7	73
Мурманская область	-2,9	-3,6	-1,4	-1,3	-1,2	-0,2	0,0	0,5	29
Новгородская область	-12,4	-13,2	-9,4	-10,3	-9,2	-8,7	-6,9	-6,0	79
Псковская область	-14,7	-15,7	-11,2	-11,7	-10,6	-10,7	-8,9	-8,5	82
г. Санкт-Петербург	-9,5	-7,4	-5,1	-4,1	-2,7	-2,0	-0,9	0,1	37
СЗФО	-8,6	-8,4	-5,4	-4,9	-3,9	-3,5	-2,5	-1,6	7
РФ	-6,7	-5,9	-3,3	-2,5	-1,8	-1,7	-0,9	0,0	-

* По данным за 2011 год.
Источники: Данные Росстата; расчеты ИСЭРТ РАН.

***

Основной целью социально-экономической политики государства в настоящее время является устойчивое человеческое развитие в результате накопления человеческого капитала, качество которого способствует повышению темпов экономического роста в стране¹⁰⁰.

Формирование качественного человеческого капитала составляет основу совершенствования социальной структуры общества, перехода одного социального слоя в другой (социальной мобильности). Процессы воспроизводства социального неравенства и человеческого капитала взаимосвязаны, так как инвестиции в различные составляющие человеческого капитала влияют на характер социальной стратификации. В итоге происходит перестройка социальной структуры общества, закрепление новых характеристик, способностей и видов деятельности.

¹⁰⁰ См.: Выступление В.В. Путина на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2008/02/159528.shtml>

Основным статистическим индикатором материальной стратификации является децильный коэффициент (коэффициент фондов), показывающий разрыв в уровне дохода 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения. Данный показатель является одной из основных характеристик состояния национальной безопасности в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года¹⁰¹. В развитых европейских странах децильный коэффициент равен 6 – 9, в США – 15¹⁰². В СССР значение данного показателя варьировалось от 3,5 до 4,5¹⁰³, в Российской Федерации с 1991 года он постоянно возрастал. Наиболее существенный разрыв в уровне доходов наблюдается в г. Санкт-Петербурге, что закономерно для второй столицы страны, и Республике Коми, что характерно для добывающих регионов. Некоторая стабилизация данного показателя в последние годы, по мнению экспертов, объясняется действиями властей по увеличению расходов на социальные выплаты: рост пенсий и социальных пособий способствовал уменьшению группы низкообеспеченных граждан¹⁰⁴.

Таблица 18. Децильный коэффициент неравенства доходов в РФ за 2002 – 2012 гг.

Территория	2000	2005	2008	2010	2011	2012
Республика Карелия	7,9	9,2	10,4	10,7	10,6	11,5
Республика Коми	14,5	17,3	17,5	17,3	16,5	16,7
Архангельская область	8,5	11,0	12,3	12,6	12,5	13,1
Вологодская область	8,0	11,2	12,4	11,7	11,4	11,9
Калининградская область	8,1	9,1	11,7	12,1	12,1	13,1
Ленинградская область	6,1	10,0	12,0	12,3	12,4	12,6
Мурманская область	11,6	11,6	13,6	13,7	13,2	13,6
Новгородская область	9,8	10,5	13,8	14,5	14,5	14,8
Псковская область	7,5	9,6	12,0	11,9	11,5	12,1
г. Санкт-Петербург	9,4	17,5	18,3	19,8	19,4	19,4
СЗФО	9,1	12,1	14,3	14,2	13,9	13,9
Справочно: РФ*	13,9	15,2	16,9	16,5	16,2	16,4

*Справочно: РФ, 1991 год – 4,5.

Источник: Регионы России. 2001 – 2012 [Текст]: стат. сб. / Росстат. – 2001 – 2012. – С. 182.

Связь между коэффициентом Джини и коэффициентом фондов, отражающими степень неравенства доходов, близка к функциональной. С 2000 по

¹⁰¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. №537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года». С. 27.

¹⁰² Equity and Development: World Development Report 2006. № 4. The World Bank and Oxford University Press, 2006.

¹⁰³ Основные показатели социально-экономического развития СССР. М. : 1989. – С.34.

¹⁰⁴ Бедные сокращают разрыв с богатыми. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gazeta.spb.ru/657073-0/>

2012 г. дифференциация доходов населения СЗФО, выражаемая коэффициентом Джини, усиливалась. Прирост данного показателя варьируется в пределах от 5 до 39% (в целом по СЗФО – 19%). Особенно высокие темпы углубления неравенства по доходам отмечались в Ленинградской области, г. Санкт-Петербурге и Псковской области (39, 30 и 22% соответственно). Однако выше среднероссийского значения индекс Джини наблюдается в г. Санкт-Петербурге и Республике Коми (как и по коэффициенту фондов).

Таблица 19. Коэффициент Джини в регионах СЗФО в 2000 – 2012 гг*.

Регион	2000	2005	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2012, % к 2000
г. Санкт-Петербург	0,341	0,432	0,442	0,432	0,441	0,446	0,442	0,442	129,6
Республика Коми	0,402	0,429	0,435	0,431	0,424	0,423	0,42	0,421	104,7
Новгородская область	0,347	0,363	0,377	0,396	0,402	0,403	0,402	0,406	117,0
Мурманская область	0,371	0,377	0,394	0,397	0,398	0,394	0,39	0,393	105,9
Архангельская область	0,326	0,369	0,375	0,383	0,387	0,384	0,381	0,388	119,0
Калининградская область	0,319	0,343	0,383	0,375	0,378	0,379	0,377	0,388	121,6
Ленинградская область	0,276	0,352	0,379	0,379	0,373	0,38	0,38	0,383	138,8
Псковская область	0,308	0,345	0,366	0,377	0,374	0,375	0,37	0,377	122,4
Вологодская область	0,318	0,364	0,386	0,382	0,37	0,373	0,369	0,375	117,9
Республика Карелия	0,316	0,349	0,361	0,363	0,363	0,361	0,358	0,37	117,0
СЗФО	0,332	0,372	0,39	0,392	0,391	0,392	0,389	0,394	118,7
РФ	0,395	0,409	0,422	0,421	0,421	0,421	0,417	0,42	106,3
*Ранжировано по коэффициенту Джини 2012 года. Источник: Регионы России. 2001 – 2012 [Текст]: стат. сб. / Росстат. – 2001 – 2012. – С. 182.									

Еще одним критерием материальной дифференциации является субъективная самооценка. Большинству населения СЗФО «денег достаточно для покупки большинства товаров» (50 – 60%; табл. 20). За период 2005 – 2013 гг. практически повсеместно снизился удельный вес «обеспеченного» населения, за исключением Республики Коми и Архангельской области, где сохраняется один из самых высоких уровней среднедушевого дохода населения в округе.

Серьезно повлиял на социальную структуру населения финансово-экономический кризис, который нивелировал благоприятные изменения в субъективной самооценке материального положения, отмечавшиеся до 2008 года. В итоге социальная структура населения СЗФО в 2009 году приблизилась к таковой вида 2005 года, однако уже в 2010 году произошел возврат к докризисному варианту 2008 года. В настоящее время отмечается сдвиг в сторону увеличения удельного веса категории необеспеченных (2010 г. – 29%, 2013 г. – 40%). Пред-

ставительство данной группы населения на 16 – 20% увеличилось в Новгородской, Архангельской, Калининградской областях; в Псковской области, Республике Карелия и г. Санкт-Петербурге – на 10 – 12%, что, возможно, связано с увеличением просроченной суммарной задолженности по заработной плате в данных регионах¹⁰⁵ и более высокими темпами роста неравенства по доходам.

Таблица 20. **Какая из приведенных ниже оценок наиболее точно характеризует Ваши денежные доходы?** (в % от числа опрошенных)

Регион	«Денег достаточно для покупки большинства товаров»					«Денег хватает в лучшем случае на еду»				
	2005	2008	2009	2010	2013	2005	2008	2009	2010	2013
Республика Коми	55,7	70,2	53,1	63,6	63,2	44,3	29,8	47,0	36,5	36,7
Вологодская область	58,5	65,5	59,2	64,2	53,5	41,5	34,5	40,8	35,9	40,3
Мурманская область	60,8	72,0	64,5	64,8	55,9	39,3	28,0	35,6	35,3	42,4
Калининградская область	50,1	72,1	40,3	66,4	49,7	50,0	27,9	59,8	33,6	50,3
Псковская область	–	64,4	48,3	69,1	47,1	–	35,6	51,6	30,9	43,1
Республика Карелия	64,8	73,1	64,0	71,8	60,8	35,2	26,9	36,0	28,2	38,4
Ленинградская область	61,6	70,1	72,0	73,5	63,8	38,3	29,9	28,0	26,4	30,9
Новгородская область	–	61,0	50,7	73,8	53,6	–	39,0	49,3	26,3	46,3
г. Санкт-Петербург	69,5	79,0	59,4	79,9	64,6	30,4	21,0	40,5	20,1	31,7
Архангельская область	58,2	66,4	71,7	63,5	61,3	41,8	33,6	28,2	18,3	35,8
Среднее по СЗФО	60,2	69,4	58,3	70,9	57,4	40,1	30,6	41,7	29,2	39,6

Источник: Мониторинг общественного мнения о политической и экономической ситуации в регионах Северо-Западного федерального округа, 2005 – 2013 гг. Выборочная совокупность – 5000 человек в десяти регионах СЗФО (Архангельская, Вологодская, Калининградская, Ленинградская, Мурманская, Новгородская, Псковская области, Республики Карелия и Коми, г. Санкт-Петербург). Объем выборки по каждому региону составляет не менее 400 респондентов, что позволяет с высокой степенью достоверности (ошибка выборки не более 5% при вероятности 95%) судить о ситуации в отдельно взятом регионе и осуществлять межрегиональные сопоставления.

Если основные социальные характеристики в разрезе территорий СЗФО в отношении материальной самоидентификации слабо дифференцированы, то уровень фактического среднемесячного дохода в одной и той же группе в различных субъектах существенно отличается (табл. 21).

Так, уровень благосостояния категории «бедных и нищих» г. Санкт-Петербурга в среднем равен 21 тыс. рублей, что практически соответствует доходу «зажиточных и богатых» в Вологодской области и выше, чем доход «зажиточных и богатых» Калининградской, Новгородской, Псковской областей – 15 – 17 тыс. рублей. Таким образом, разброс по данному показателю в группе «бедных и нищих» составляет 2,7 раза, в группе «необеспеченных» – 2,1 раза, в категории «обеспеченных» – 2,2 раза, среди «зажиточных и богатых» – 2,4 раза.

¹⁰⁵ Данные Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/>

Таблица 21. **Уровень среднемесячного фактического дохода в группах населения с различным материальным положением, рублей**

Регион	Среднемесячный фактический доход на одного члена семьи			
	Бедные нищие ¹⁰⁶	Необеспеченные ¹⁰⁷	Обеспеченные ¹⁰⁸	Зажиточные, богатые ¹⁰⁹
Республика Коми	10224	11617	14442	19322
Вологодская область	9596	10656	13560	22842
Мурманская область	13731	18707	25573	33811
Калининградская область	8004	10586	14099	17894
Псковская область	8173	9098	11919	15004
Республика Карелия	11613	14038	18009	26022
Ленинградская область	11445	15064	19110	31084
Новгородская область	8918	10519	13937	17539
г. Санкт-Петербург	21262	16848	23946	35743
Архангельская область	11334	15627	17191	24481
Среднее по СЗФО	10779	12301	16299	24577

Рассмотрим социальный портрет различных групп населения СЗФО в зависимости от самооценки материального положения за 2013 год.

Среди категории «бедных и нищих» (тех, кому денег не хватает или у кого на повседневные затраты уходит вся зарплата), а также «необеспеченных» (кому на повседневные затраты хватает, но покупка одежды затруднительна) преобладают женщины среднего и пенсионного возраста, проживающие в городе, имеющие средний доход около 10 – 12 тысяч рублей.

Группа «обеспеченных» (средств в основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг) представлена жителями СЗФО в возрасте 30 – 60 лет, работающими в промышленности, связи, торговле, имеющими высшее образование и доход в пределах 16 тысяч рублей.

Слой «зажиточных и богатых» (которые практически ни в чем себе не отказывают или которым на все хватает, но затруднено приобретение квартиры, дачи) преимущественно состоит из мужчин среднего возраста (30 – 60 лет), работающих в промышленности или являющихся госслужащими, имеющих высшее образование и доход порядка 25 тысяч рублей.

Еще одним способом стратификации населения является самоидентификация (отнесение человеком себя к тому или иному социальному слою). Чтобы выяснить социальную принадлежность жителей региона, в ходе опроса им бы-

¹⁰⁶ Варианты ответа «Денег не хватает на повседневные затраты» и «На повседневные затраты уходит вся зарплата»

¹⁰⁷ Вариант ответа «На повседневные затраты хватает, но покупка одежды затруднительна»

¹⁰⁸ Вариант ответа «В основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг»

¹⁰⁹ Варианты ответа «Почти на все хватает, но затруднено приобретение квартиры, дачи» и «Практически ни в чем себе не отказываем»

ло предложено определить, к какому слою они отнесли бы себя в своем городе/селе; в регионе; в масштабах страны.

Большинство опрошенных среди населения регионов СЗФО (59%) относит себя к среднему слою. Причем в масштабе «город/село – регион – страна» происходит снижение данного показателя и увеличение значений, характеризующих идентификацию населения с низшими слоями общества. Это может говорить о социально-экономических проблемах на уровне региона и муниципалитетов (низкой заработной плате, низком уровне экономической активности и т.д.). Наиболее представительный средний слой отмечен в Республике Коми (70%) и Республике Карелия (67%), наименее – в Мурманской области (52%). В Вологодской области размер среднего слоя примерно равен среднеокружному значению – 56 – 58%. Верхние социальные слои наиболее широко представлены в Ленинградской области и г. Санкт-Петербурге (15 – 22%).

Таблица 24. **Распределение ответов на вопрос «К каким социальным слоям Вы относите себя в своем городе (селе)?» (в %)**

Регион	Верхний слой	Слой выше среднего	Средний слой	Слой ниже среднего	Нижний слой	Затрудняюсь ответить
Республика Карелия	0,8	6,8	66,6	19,1	3,0	3,8
Республика Коми	0,5	5,9	70,1	16,3	3,7	3,5
Архангельская область	0,8	9,5	60,0	13,5	3,0	13,3
Вологодская область	0,7	7,3	55,8	20,1	6,1	10,1
Калининградская область	0,5	8,0	57,3	23,5	6,5	4,3
Ленинградская область	6,0	15,7	55,6	14,5	3,5	4,7
Мурманская область	2,5	10,8	51,2	19,6	6,1	9,8
Новгородская область	1,0	5,8	58,5	22,0	6,0	6,8
Псковская область	2,0	11,0	54,8	16,3	9,8	6,3
г. Санкт-Петербург	2,5	12,7	58,4	14,2	2,7	9,5
Среднее по СЗФО	1,7	9,4	58,8	17,9	5,0	7,2

Социальное неравенство отражает социальная стратификация, учитывающая, кроме материального благополучия, ряд других факторов. Для выявления социальной стратификации применен кластерный анализ методом К-средних, за исключением итерации, с учетом трех критериев – материальный уровень жизни, власть¹¹⁰ и образование¹¹¹.

¹¹⁰ Под властью в данном случае понимается наличие или отсутствие подчиненных и их количество.

«Высокостатусные» имеют высшее образование, 5 – 10 подчиненных, являются «зажиточными». «Эксперты» имеют высшее образование, являются «обеспеченными», подчиненных не имеют. «Реалисты» имеют среднее специальное образование, являются «обеспеченными», подчиненных не имеют. «Бедные руководители» имеют среднее специальное образование, подчиненных в количестве 10 – 50 человек, относятся к «необеспеченным» (поэтому и «бедные»). «Низкостатусные» имеют незаконченное среднее образование, являются «бедными», подчиненных не имеют¹¹².

Итак, верхний (пятый) кластер – «высокостатусные» – в среднем по СЗФО имеет достаточно узкий круг представителей (10%; табл. 23). Наиболее четко выделяется Ленинградская область, где наполняемость данного слоя в два раза превышает среднеокружной показатель, что связано с более активным развитием малого и среднего предпринимательства, чем в других районах. Эти люди относят себя к верхнему слою в пределах своего населенного пункта и к слою выше среднего в масштабах региона и страны. Средний возраст по СЗФО составляет 42 года, средний доход на 1 члена семьи – порядка 29 тыс. рублей, в основном население данной группы проживает в крупных городах.

Четвертый кластер – «бедные руководители» – еще менее наполнен, чем предыдущий (4%), и особых территориальных различий в его численности не отмечается. В уровне образования его участники уступают верхнему кластеру, имея среднее специальное образование. Сами себя относят к среднему слою в рамках своего населенного пункта и региона, в масштабах страны называют слой ниже среднего. Как правило, это руководители низшего и среднего звена в сельском хозяйстве, акционерном обществе, на госпредприятии, предприниматели. По характеристикам они схожи с высшим кластером «высокостатусных» (больше мужчин, средний возраст 42 года, состоящие в браке). Примечательно,

¹¹¹ Беляева Л. А. Материальная дифференциация и социальная стратификация в России и регионах [Текст] / Л. А. Беляева // Опыт подготовки социокультурных портретов регионов России: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Курск, 25-28 сентября 2007 г./Под ред. Е.А. Когай. – Курск: изд-во Курск. гос. ун-та, 2007. – С. 38

¹¹² Беляева Л.А. Россия и Европа: структура населения и социальное неравенство [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://wciom.ru/fileadmin/Monitoring/97/3_97_2010_Belyaeva.pdf

что население данной категории относит себя к группе «необеспеченных», хотя средний доход на 1 человека в семье составляет порядка 18,5 тыс. рублей, что говорит о более высоком уровне потребительских запросов.

Третий кластер – «эксперты» – объединяет примерно треть населения СЗФО (33%). Наиболее представительна данная страта в Республике Карелия и г. Санкт-Петербурге (41 и 46% соответственно). Так же, как и «руководители», они относят себя к среднему слою в пределах своего населенного пункта и региона, а в масштабах страны – к слою ниже среднего. В основном это врачи, преподаватели, работники культуры, юристы, а также высококвалифицированные рабочие. В этом кластере число женщин почти в полтора раза больше, чем мужчин, в основном это люди, средний возраст которых составляет 41 год, проживающие в городе, имеющие доход около 17 тыс. рублей в среднем на 1 члена семьи.

Второй кластер – «реалисты» – вмещает в себя около трети жителей округа и значительно дифференцирован по регионам: от 45% в Республике Коми до 19% в Ленинградской области. Так же, как «эксперты», представители этого кластера не имеют подчиненных и уступают им в уровне образования (среднее специальное), несмотря на то, что доходы являются достаточными, чтобы отнести их к группе «обеспеченных» (в среднем 15 тыс. рублей), средний возраст их – 44 года. Как правило, это рабочие в промышленности, на транспорте и связи, а также работники сферы быта, услуг и торговли. В этом кластере мужчин немного больше, чем женщин. Обычно «реалисты» проживают в деревнях и селах и позиционируют себя как верхний слой. Однако большинству «реалистов» сложно соотносить себя с каким-либо из социальных слоев.

Нижний кластер – «низкостатусные» – объединяет 24% жителей СЗФО. Наиболее представлен в Псковской области, где составляет треть населения, что обусловлено одним из наиболее низких уровней дохода в регионе. Приближенные значения имеют и Вологодская, Калининградская и Новгородская области (27 – 29%). Данная группа включает людей, получивших среднее общее образование, не имеющих подчиненных, средний возраст – 46 лет. Это рабочие

в промышленности, на транспорте, в сельском хозяйстве, пенсионеры, которые по доходам относятся к страте «бедных» и идентифицируют себя с нижним социальным слоем.

Таблица 23. Социальная стратификация населения СЗФО, 2013 год
(по результатам кластерного анализа)

Регион	Высокостатусные	Эксперты	Реалисты	Бедные руководители	Низкостатусные
Республика Карелия	9	41,2	26,4	3,3	20,1
Республика Коми	7,2	24,2	44,7	3,7	20,2
Архангельская область	8,5	32	35	3,5	21
Вологодская область	7,3	30,3	30,7	2,9	28,9
Калининградская область	6	28	36,8	1,8	27,5
Ленинградская область	20,4	38,4	19,2	5,5	16,5
Мурманская область	10,8	32,8	27,9	3,4	25
Новгородская область	8,8	27	34,5	3,3	26,5
Псковская область	9	29,8	23,3	4,8	33,3
г. Санкт-Петербург	10,7	45,6	22,7	4,5	16,5
Среднее по СЗФО	9,8	32,9	30,1	3,7	23,6

При сопоставлении данных, полученных в ходе исследования социальной стратификации населения СЗФО разными способами, очевидно, что наполняемость слоев существенно отличается: ширина нижнего слоя увеличивается от модели 1 к модели 3 и достигает наибольшего значения при учете покупательной способности, образования, власти (24%). Та же ситуация характерна для слоев, занимающих верхние позиции. Обратная тенденция наблюдается в отношении слоя «ниже среднего», который последовательно сокращается.

Таблица 25. Три варианта социальной структуры населения СЗФО

Слой населения	1*	2**	3***
Верхний	1,7	3,6	9,8
Выше среднего	9,4	18,1	32,9
Средний	58,8	35,7	30,1
Ниже среднего	17,9	13,9	3,7
Нижний	5,0	8,1	23,6
* Самоидентификация населения с социальным слоем (табл. 24)			
** Самооценка материального положения (табл. 20)			
*** Социальные страты по результатам кластеризации (табл. 23).			

Наиболее представительный средний слой образуется на основе самоидентификации (59%), в результате самооценки материального положения данный слой сужается до 36%, а при учете трех признаков уменьшается до 30%.

Люди с высшим образованием в основном относят себя к среднему слою. Как подтвердило исследование, существует прямая зависимость между слоевой идентификацией и властным ресурсом. Чем больше подчиненных, тем выше слоевая идентификация. Интерпретация социальной структуры на основе социальных классов, выделенных в соответствии со схемой EGP. В соответствии с данной классификацией можно отметить, что в регионе примерно равное соотношение «белых» и «синих воротничков» (38,6 и 35,4% соответственно). При этом доля первых сопоставима с долей аналогичной группы в развитых странах Запада (30% в Великобритании; 39% в Дании¹¹³), однако для развитых стран характерна более низкая численность рабочего класса (в Великобритании – 32%, в Норвегии и Швеции – 28 – 29%).

Удельный вес населения, относящегося к «мелкой буржуазии», весьма невысок (порядка 2 – 3%). Наиболее широко данный класс представлен в Псковской и Ленинградской областях (8,3 и 5,7 % соответственно), что естественно, так как в этих регионах велика доля населения, занятого в сельском хозяйстве. Численность «серых воротничков» относительно невелика и составляет около 9%.

В СЗФО глубина верхнего слоя по различным версиям стратификации колеблется в пределах 2 – 10% (по общепринятым меркам 5 – 7%). Это наиболее образованные люди, имеющие властные полномочия и высокий уровень дохода.

Средний слой населения варьируется 30 – 59%. Последняя цифра является завышенной, так как была сформирована на основе субъективной самооценки жителями своего социального статуса, а представления большинства граждан о среднем классе (слое) достаточно размыты. В России численность данной

¹¹³ По данным Европейского социального исследования 2010 г.

страты находится в пределах 3 – 30% («идеальный средний класс») до 60% («перспективный средний класс»¹¹⁴).

Низший слой населения СЗФО в зависимости от методики составляет 5 – 24% (по мнению Н.Е. Тихоновой, порядка 16%¹¹⁵).

Таблица 26. Социальные классы в регионах СЗФО по схеме EGP, 2013 год

Территория	Высший класс	Промежуточный класс			Рабочий класс		
	1а	2а	2б	2в	3а	3б	3в
Республика Карелия	15,3	33,9	10,6	0,8	2,3	19,6	5,5
Республика Коми	11,6	21,7	5,9	1,2	3,5	29,4	7,2
Архангельская область	13,3	17,8	9,8	0,8	3,5	31,5	4,8
Вологодская область	9,5	21,0	8,1	2,8	4,2	33,2	10,9
Калининградская область	8,8	33,5	7,5	1,8	3,0	18,3	3,8
Ленинградская область	19,2	21,4	12,2	5,7	1,2	24,2	7,0
Мурманская область	18,6	25,0	10,0	1,5	3,4	26,5	5,1
Новгородская область	13,5	22,5	8,5	4,8	3,0	29,8	3,8
Псковская область	16,5	16,5	11,3	8,3	2,0	22,3	8,5
г. Санкт-Петербург	19,5	26,9	7,5	1,5	2,0	28,2	6,7
СЗФО	14,6	24,0	9,1	2,9	2,8	26,3	6,3

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ СЗФО

В настоящее время возрастает актуальность изучения уровня модернизации экономики, но в большинстве случаев предлагается проведение институциональной модернизации, а модернизации пространства уделяется не так много внимания. Н.В. Зубаревич в работе «Регионы России: неравенство, кризис, модернизация» называет рост мобильности населения одним из трех важнейших векторов модернизации пространства, отмечая при этом, что этот вектор воспринимается как основной не только экспертами, но и властями¹¹⁶, что в свою очередь ставит вопрос об актуальности данного направления исследований.

¹¹⁴ Аврамова Е.М. Средний класс эпохи Путина [Текст] / Е.М. Аврамова // Общественные науки и современность. – 2008. – №1. – С. 28-36.

¹¹⁵ Тихонова Н.Е. Низший класс в социальной структуре российского общества[Текст] / Н.Е. Тихонова // Социологические исследования. – 2011. – №5. – С. 29.

¹¹⁶ Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация[Текст]. – М.: Независимый институт социальной политики, 2010. – С. 155.

К проявлениям горизонтальной социальной мобильности традиционно относят миграцию. Самые высокие значения миграционного прироста характерны для населения г. Санкт-Петербурга (2012 год – 74 тыс. чел.; табл. 27) и Ленинградской области (2012 год – 27 тыс. чел.) как наиболее привлекательных территорий с точки зрения занятости. Резкий скачок значений миграционного прироста с 2011 года объясняется изменением порядка статистического учета (стали фиксироваться граждане, пребывающие на территории региона в течение 9 месяцев и более, а не зарегистрированные по месту жительства на 12 месяцев и более, как ранее). По мнению экспертов, это осуществлено с целью «демонстрации того, что население России не сокращается или сокращается совсем понемногу¹¹⁷». Тем не менее, даже корректировка методики учета не помогла изменить ситуацию в северных регионах СЗФО. Миграционная убыль отмечается в Республике Коми, Архангельской, Мурманской областях и отчасти в республике Карелия, что связано с меньшей комфортностью для проживания, а также с сезонной занятостью. На остальной территории округа в период 2000 – 2009 гг. наблюдался положительный миграционный прирост, однако в первые пять лет (2000 – 2004 гг.) в среднем он происходил более активно, чем в последующие годы. В период финансово-экономического кризиса отмечался спад миграционной активности, последствия которого видны и в настоящее время.

Таблица 27. **Миграционный прирост населения в регионах СЗФО** (человек)

Территория	Среднее за 2000 – 2004 гг.	Среднее за 2005 – 2009 гг.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Республика Карелия	940	645	-1 031	-1 147	-975
Республика Коми	-6 122	-6 698	-8 630	-10 033	-10 786
Архангельская область	-5 193	-5 209	-7 956	-9 437	-10 244
Вологодская область	535	422	-194	566	-1 053
Калининградская область	4 124	3 960	3 307	6 428	8 702
Ленинградская область	12 792	12 375	8 549	25 807	27 163
Мурманская область	-7 557	-6 623	-6 713	-6 072	-7 925
Новгородская область	636	521	-387	1 466	-234
Псковская область	523	12	-2 124	1 580	238

¹¹⁷ Карачурина Л. Миграционные процессы [Текст] / Л. Карачурина // Экономико-политическая ситуация в России в Сентябре 2012 г. – Научный вестник ИЭП им. Гайдара.ру. – 2012. – №9. – С. 55-59.

г. Санкт-Петербург	8 700	15 680	36 797	58 632	74 092
СЗФО	29 749	26 195	21 618	67 880	78 981
РФ	99 169	142 206	158 078	318 680	294 930
Источник: Данные Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/					

Профессиональная мобильность. На протяжении 1990 – 2012 гг. отраслевая структура занятого населения России в целом и СЗФО в частности претерпевала определенные трансформации, связанные с изменениями в социально-экономическом развитии государства. Это, прежде всего, проявилось в снижении доли населения, занятого в отраслях материального производства.

Чтобы выявить изменения, произошедшие в социально-профессиональной структуре, жителям Северо-Западного федерального округа были заданы вопросы: «Кем Вы и Ваши родители работали в начале своей трудовой деятельности?» и «Кем Вы и Ваши родители работаете сегодня?».

Высокая мобильность прослеживается у руководителей в сельском хозяйстве и военнослужащих (77 и 74% сменили работу). Средняя профессиональная мобильность наблюдается у руководителей госпредприятий (36%) и инженерно-технических работников, госслужащих, среднего управленческого персонала (28%). Низкая мобильность отмечается у рабочих, работников сферы торговли и услуг, бухгалтеров и экономистов, юристов (по 17 – 18%), но самая низкая мобильность характерна для врачей, преподавателей, работников культуры (16%).

Профессиональная мобильность родителей вологжан уступает мобильности детей, за исключением рабочих, среди которых мобильность в поколении отцов в два раза выше, чем в поколении детей (36 и 17% соответственно).

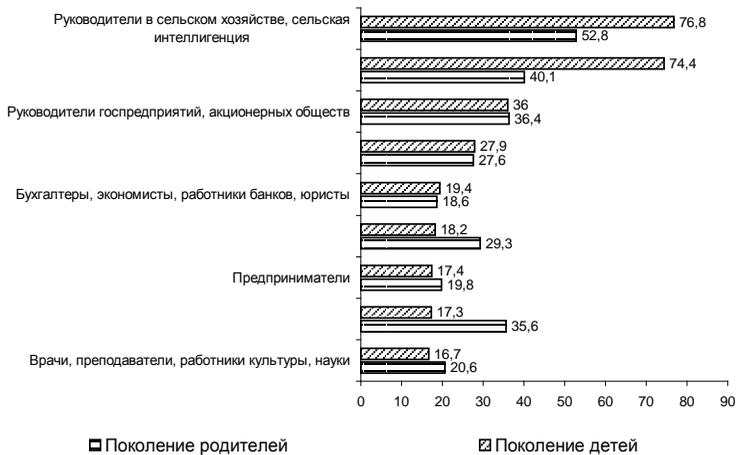

Рисунок 7. Удельный вес населения СЗФО, сменившего работу в течение трудовой деятельности, в разрезе поколений, %

Для измерения вертикальной социальной мобильности использовались следующие показатели: общий коэффициент мобильности, коэффициент восходящей мобильности, коэффициент нисходящей мобильности, коэффициент структурной (вертикальной) мобильности, коэффициент обменной мобильности, коэффициент соотношения между восходящей и нисходящей мобильностью.

Степень мобильности считается одним из главных показателей открытости социальной системы и ее демократического характера. В трансформирующихся обществах показатель мобильности, как восходящей, так и нисходящей, может быть выше.

Общий коэффициент мобильности (отражающий относительную интенсивность мобильности) рассчитывался как отношение числа лиц, совершивших переходы, к общей численности совокупности:

$$Q_0 = \frac{\Pi_0}{N_0} * 100\%.$$

Анализ общей мобильности в Северо-Западном федеральном округе за последние 5 – 10 лет позволяет отметить следующее: в среднем по округу данный показатель составляет порядка 40% (рис. 8). Наиболее мобильным за по-

следнее десятилетие оказалось население Ленинградской области, Республики Карелия и г. Санкт-Петербурга (48, 46 и 45% соответственно).

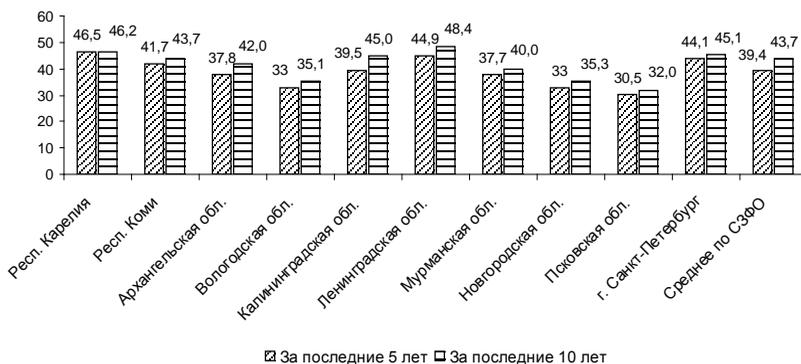

Рисунок 8. **Общие коэффициенты мобильности населения регионов Северо-Западного федерального округа, %**

В среднем по округу данный показатель составляет порядка 40%. Наиболее мобильным за последнее десятилетие оказалось население Ленинградской области, Республики Карелия и г. Санкт-Петербурга (48, 46 и 45% соответственно). Также стоит отметить, что за период с 2008 по 2013 гг. возросла мобильность жителей Калининградской и Архангельской областей (на 5%). Мобильное население Вологодской области составляет порядка 33 – 35% ,что в среднем на 5 – 10% ниже, чем в большинстве регионов СЗФО.

Условно регионы СЗФО по степени мобильности можно разделить на три группы:

1. Регионы с более высоким уровнем социальной мобильности (более 40%): Республики Коми и Карелия, Ленинградская и Калининградская области, г. Санкт-Петербург. В основном это приграничные территории, дополнительным фактором является территориальная близость г. Санкт-Петербурга как центра деловой и финансовой активности Северо-Запада, т.н. агломерационный эффект.

2. Регионы со средним уровнем социальной мобильности (в пределах среднего по СЗФО – 37 – 39%): Мурманская, Архангельская области. Для данных территорий в основном характерна социальная восходящая мобильность трудоспособного населения, приезжающего на постоянную или временную работу.

3. Регионы с более низким уровнем социальной мобильности (менее 37%): Псковская, Вологодская и Новгородская области. В этих регионах наиболее ярко проявилось влияние кризиса 2008 года. В Псковской области было зафиксировано одно из самых значительных падений объемов производства, Вологодская область как регион металлургической специализации также одной из первых испытала на себе спад производства, с трудом выходит из кризисной ямы и Новгородская область, производящая минеральные удобрения на экспорт¹¹⁸. При кризисных явлениях мобильность населения снижается: население скорее боится перемен, чем стремится их использовать для повышения уровня жизни.

Показатели восходящей мобильности демонстрируют, сколько лиц совершило переходы с повышением социального статуса:

В среднем около 30% населения СЗФО повысили свой социальный статус за последние 5 лет. Больше всего переходов на высшие ступеньки социальной лестницы совершили жители Ленинградской области и г. Санкт-Петербурга (40 и 39% соответственно), что объясняется агломерационным эффектом. Менее мобильны в данном виде мобильности оказались калининградцы (21%), новгородцы (24%), псковичи и вологжане (по 25%).

¹¹⁸ Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. – М.: Независимый институт социальной политики, 2010. – С. 34.

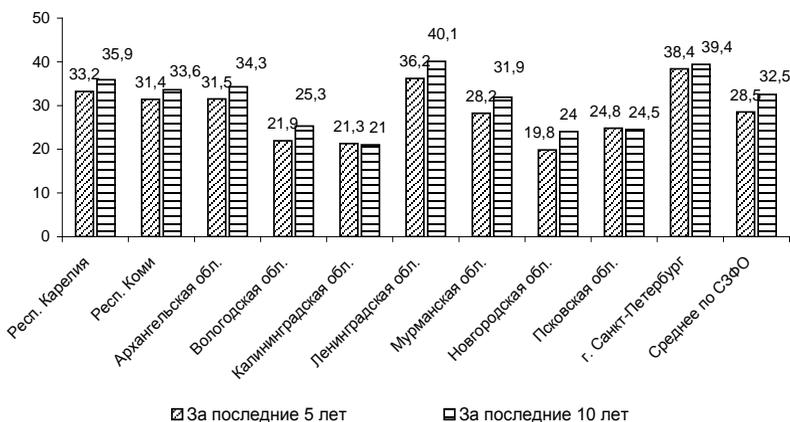

Рисунок 12. Коэффициенты восходящей мобильности населения регионов Северо-Западного федерального округа, %

Нисходящая мобильность определяется долей лиц, совершивших переходы с понижением социального статуса. Показатели нисходящей мобильности в целом в 2 – 3 раза ниже коэффициентов восходящей мобильности. И если в большинстве регионов СЗФО за последние 5 лет отмечается снижение коэффициента нисходящей мобильности или незначительное повышение, то калининградцы в 1,3 раза стали реже совершать перемещения с понижением своего социального статуса. Нисходящая мобильность вологжан не выбивается из общей картины макрорегиона и составляет около 11%.

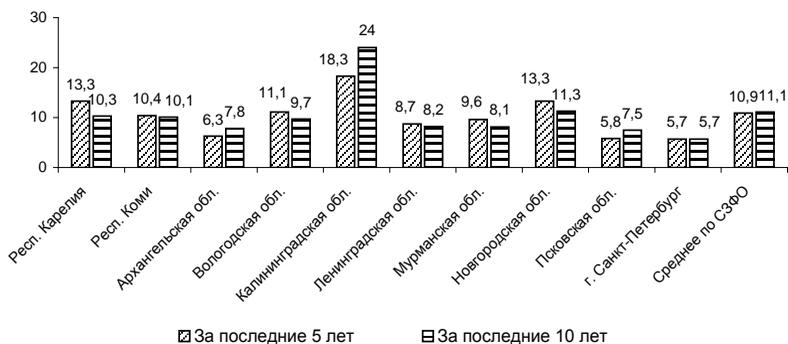

Рисунок 13. Коэффициенты нисходящей мобильности населения регионов Северо-Западного федерального округа, %

Под сальдо мобильности (коэффициентом структурной мобильности) понимают разность между показателями восходящей и нисходящей мобильности.

В целом по регионам СЗФО преобладает положительное сальдо мобильности, исключение составляет Калининградская область, где за последнее десятилетие наблюдается отрицательное сальдо (-3%).

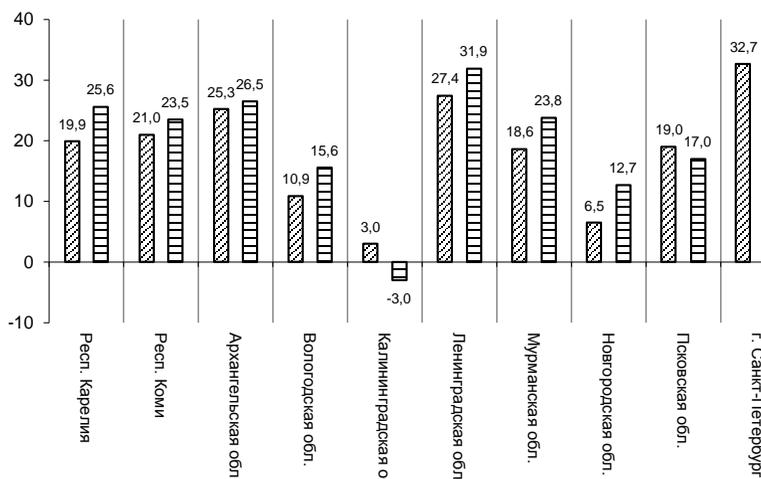

Рисунок 18. Сальдо мобильности населения Северо-Западного федерального округа, %

Наиболее высокие показатели демонстрируют г. Санкт-Петербург и Ленинградская область (34 и 32% соответственно), так как возможности восходящей мобильности в крупных населенных пунктах выше, чем в небольших городах и сельских территориях. Сальдо мобильности населения Вологодской области имеет одно из наиболее низких значений (11 – 16%), причем за последние 5 лет снизилось на 5%, что произошло за счет уменьшения интенсивности потоков восходящей мобильности.

«Зажиточные и богатые» включают в себя жителей, которые практически ни в чем себе не отказывают или которым почти на все хватает, но недоступно приобретение квартиры, дачи. «Обеспеченным» своих доходов в основном хва-

тает, но для покупки дорогостоящих предметов им приходится брать в долг. У «бедных и нищих» на повседневные затраты уходит вся зарплата и приходится занимать деньги.

Из таблицы видно, что интенсивность мобильности зажиточных и богатых жителей СЗФО ввиду более широких возможностей значительно превышает данный показатель других категорий населения. Восходящие социальные перемещения интенсивнее всего происходят в группе наиболее обеспеченных (44%). Самый низкий коэффициент восходящей мобильности в группе бедных и нищих, в основном, из-за низкой обеспеченности ресурсами, составляет 16%.

Показатель обменной мобильности демонстрирует степень открытости группы – чем он меньше, тем более закрытая группа, доступ в нее затруднен¹¹⁹. Данный показатель в группах наиболее обеспеченных жителей минимален, что говорит о том, что эти группы достаточно труднодоступны для перехода. Показатель обменной мобильности у бедных составляет 77% и говорит об открытости группы.

Коэффициент иммобильности (степень стабильности группы) показывает долю населения, оставшуюся на социальных позициях пятилетней давности, и косвенно также демонстрирует открытость групп к перемещениям. Чем он выше, тем более закрытой является группа: в данном случае это категории наименее обеспеченных жителей.

Таким образом, в целом мобильность населения Северо-Западного федерального округа достигает 30 – 40%. Потоки восходящей мобильности преобладают над нисходящими. Это свидетельствует о росте материального положения и в целом благосостояния населения. Кроме того, это подтверждает поступательное развитие социально-экономических систем и «открытость» социальных слоев, характерную для развивающихся социальных систем.

¹¹⁹ Буланова М.А. Социальная мобильность работающей молодежи региона: социологический анализ [Текст] / М.А. Буланова // Власть и управление на Востоке России. – 2011. – №3. – С. 205-212.

ВЗАИМОСВЯЗЬ СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ И МОБИЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ С УРОВНЕМ МОДЕРНИЗИРОВАННОСТИ РЕГИОНОВ СЗФО

В Докладе о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2011 год.¹²⁰ отмечается, что модернизационный период сопровождается увеличением благосостояния, происходящим за счет роста доходов вследствие повышения экономической активности населения, увеличения производительности труда и социальных трансфертов. С другой стороны, изменения на рынке труда порождают новые факторы социальной дифференциации и приводят к росту неравенства населения.

Основным индикатором социального неравенства является коэффициент фондов. Результаты анализа показали, что существует зависимость между уровнем модернизации и величиной неравенства (*рис. 23*): чем выше уровень модернизации в регионе, тем выше степень неравенства населения по доходам.

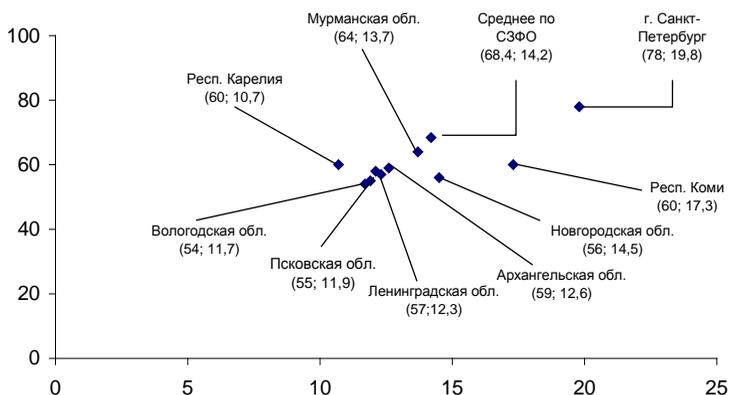

Рис. 23. Взаимосвязь уровня модернизированности территории и коэффициента фондов

Полученные выводы были подтверждены математическими расчетами: между значениями коэффициента фондов и уровнем интегрированной модернизации существует прямая сильная связь ($r = 0,739$, $r^2 = 0,546$); была проведена

¹²⁰ Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2011 г. Модернизация и развития человеческого потенциала / под ред. А.А. Лузана и С.Н. Бобылева; ПРООН в РФ. М.: Дизайн-проект «Самолет», 2011.

группировка регионов по уровню модернизации экономики и степени социально-экономического неравенства населения¹²¹ (табл. 39).

Таблица 39. Группировка субъектов СЗФО по уровню модернизации экономики и степени социально-экономического неравенства населения

Индекс модернизации	Коэффициент фондов		
	Низкий	Средний	Высокий
Низкий	Псковская область Вологодская область	-	-
Средний	Республика Карелия	Калининградская область Архангельская область Ленинградская область Новгородская область	Республика Коми
Высокий	-	Мурманская область	г. Санкт-Петербург

По результатам группировки можно отметить, что в Республике Коми наблюдается наиболее сильное несоответствие уровня модернизации и степени неравенства территории, то есть повышение благосостояния и увеличение степени неравенства здесь происходит более активно, чем в других регионах. Отставание роста благосостояния населения от активности модернизационных процессов наиболее сильно проявляется в Мурманской области. Достаточно высокие показатели модернизации и степени дифференциации населения наблюдаются в Санкт-Петербурге, отличающемся развитым финансовым сектором, и в регионах с ярко выраженной добывающей промышленностью (Ленинградская область). Таким образом, чем выше уровень модернизованности территории, тем выше уровень доходов и степень расслоения населения.

Взаимосвязь этих показателей говорит о неоднородности и несбалансированности экономического пространства региона, что выражается в дифференциации между субъектами СЗФО и в неравномерном их развитии. Для российской действительности важен подход с позиций качества экономического пространства, сохранения целостности в условиях исключительной региональной неоднородности¹²². Однако, как отмечает Н.В. Зубаревич, модернизация неизбежно будет сопровождаться усилением региональных различий¹²³. Поэто-

¹²¹ Гулин К.А., Шабунова А.А., Костылева Л.В. Социально-экономическое неравенство территорий по уровню и источникам формирования доходов населения: отчет о НИР Вологда, 2012. – 155 с.

¹²² Гранберг А.Г. Пространственный аспект стратегии развития России // Стратегическое управление: регион, город, предприятие. М.: Экономика, 2004.

¹²³ Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. – М.: Независимый институт социальной политики, 2010. – С. 154.

му для стабилизации экономического пространства и перехода на путь устойчивого развития необходимо сохранять различия в региональном развитии на умеренном уровне (с помощью адекватной бюджетной политики, формирования эффективной пространственной структуры экономики страны при соблюдении баланса интересов всех регионов, повышения инвестиционной привлекательности и т.д.).

Взаимосвязь социальной мобильности и уровня модернизированности территории. Как отмечали Л. А. Гордон и А. К. Назимов, «...существенное влияние на социальные процессы оказывают комплексы технико-технологических перемен, меняющие сам технологический тип производства и означающие переход от одной стадии технического прогресса к другой»¹²⁴. То есть изменения в профессиональной структуре населения, уровень квалификации и профессиональная подготовка индивидов есть следствие сдвигов в технологических укладах, сопровождающихся перемещением индивидов из одних профессиональных групп в другие, изменением наполняемости этих групп, исчезновением ряда групп и появлением новых. Однако данное воздействие нельзя назвать непосредственным. В ходе исследования эволюции социально-классовой структуры общества С. Ю. Солодовников пришел к выводу, что технологические нововведения предопределяют «изменение социальных групп и отношений между ними не непосредственно, а преломившись через определенные социально-экономические отношения»¹²⁵. При 1 – 4 технологических укладах процессы индустриализации повлекли за собой и изменения в социальной структуре общества: если в начале XX века преобладали рабочие, имевшие низкую квалификацию, то затем вследствие автоматизации производства экономикой стали востребованы высококвалифицированные рабочие. С расширением сферы обслуживания и управления требовалось все больше служащих, менеджеров.

Как считает С.Ю. Глазьев, новый шестой технологический уклад открывает для России возможности технологического рывка и опережающего роста

¹²⁴ Гордон Л. А., Назимов А. К. Рабочий класс СССР: тенденции и перспективы социально-экономического развития. – М.: Наука, 1985. – С. 91.

¹²⁵ Солодовников С. Ю. Институциональные матрицы: сущность, персонафикация и ее генезис (политико-экономические очерки) / С. Ю. Солодовников. – Мн.: ИООО «Право и экономика», 2006. – С. 480.

на гребне новой длинной волны экономического роста¹²⁶. При этом основополагающими факторами служат своевременное создание заделов для формирования ядра шестого ТУ и опережающая модернизация его стержневых отраслей: электронной промышленности, программного обеспечения, информационных технологий, нанотехнологий, геномной инженерии. Для данных сфер потребуются высококвалифицированные специалисты, владеющие инновационными навыками в общественной жизни, поскольку «навыки критического мышления и оперативного принятия конкретных решений по разработке и внедрению новых и высоких технологий в реальный сектор экономики — необходимое условие формирования специалиста нового типа, сочетающего в себе высокий уровень образования, профессиональной компетенции, деловых и духовно-нравственных качеств¹²⁷». Таким образом, при становлении нового высокотехнологичного уклада ожидаются модификация социального облика общественных групп, а также трансформация трудовых отношений и профессиональной структуры¹²⁸.

Ориентация мировой экономики на инновационный путь развития приводит к тому, что все более значимую роль играют высококвалифицированные специалисты, способные нестандартно подходить к решению различного рода проблем. Исходя из этого, особое значение в качестве социального лифта для населения приобретает уровень образования, так как зачастую он является единственной возможностью для людей с низким социальным положением и уровнем доходов повысить свой социальный статус и закрепиться в статусном слое.

Для изучения социальной мобильности в группах людей с различным материальным положением и покупательной способностью все население было

¹²⁶ Глазьев С.Ю. Возможности и ограничения технико-экономического развития России в условиях структурных изменений в мировой экономике. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://spkurdyumov.narod.ru/glaziev.htm>

¹²⁷ Философия и идеология хозяйствования современной Беларуси: теоретические основы и механизмы реализации / П. Г. Никитенко [и др.]; Ин-т экономики НАН Беларуси. Минск: Беларус. наука, 2009. – С. 193.

¹²⁸ Наумович О. Высокотехнологичный уклад как социально-экономический феномен / О. Наумович // Журнал международного права и международных отношений. – 2010. – № 2. – С. 86.

объединено в четыре группы: зажиточные и богатые, обеспеченные, малообеспеченные, бедные и нищие.

«Зажиточные и богатые» включают в себя жителей, которые практически ни в чем себе не отказывают или которым почти на все хватает, но недоступно приобретение квартиры, дачи. «Обеспеченным» своих доходов в основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов им приходится брать в долг. У «бедных и нищих» на повседневные затраты уходит вся зарплата и приходится занимать деньги.

Из *таблицы 40* видно, что интенсивность мобильности зажиточных и богатых жителей СЗФО ввиду более широких возможностей значительно превышает данный показатель других категорий населения. Восходящие социальные перемещения интенсивнее всего происходят в группе наиболее обеспеченных (44%). Самый низкий коэффициент восходящей мобильности в группе бедных и нищих, в основном, из-за низкой обеспеченности ресурсами, составляет 16%.

Таблица 40. **Интенсивность социальной мобильности населения СЗФО в зависимости от материального положения (за последние 5 лет), % от числа опрошенных**¹²⁹

Показатель мобильности	Группа населения		
	Зажиточные и богатые	Обеспеченные	Бедные и нищие
Общий коэффициент мобильности, Q_0	46,7	35,4	36,9
Показатель восходящей мобильности, V_p	43,8	26,0	16,2
Показатель нисходящей мобильности, V_N	2,9	9,4	56,1
Показатель структурной (вертикальной) мобильности, C_v	41,0	16,6	-39,9
Коэффициент соотношения восходящей и нисходящей мобильности, Q_s	15,33	2,77	0,29
Показатель обменной мобильности, P_0	5,7	-5,6	76,8
Коэффициент иммобильности	53,3	64,6	63,1

Коэффициенты нисходящей социальной мобильности имеют обратную тенденцию: чем выше доходы населения, тем ниже показатель нисходящей мобильности. Нисходящая мобильность в группе бедных составляет 56%. Показа-

¹²⁹ Подробное описание методологии рассмотрено на С. 42-43.

тель обменной мобильности показывает степень открытости группы: чем он меньше, тем более закрытая группа, доступ в нее затруднен¹³⁰. Данный показатель в группах наиболее обеспеченных жителей минимален, что говорит о том, что эти группы достаточно труднодоступны для перехода. Показатель обменной мобильности у бедных составляет 77% и говорит об открытости группы.

Коэффициент иммобильности (степень стабильности группы) показывает долю населения, оставшуюся на социальных позициях пятилетней давности, и косвенно также демонстрирует открытость групп к перемещениям. Чем он выше, тем более закрытой является группа: в данном случае это категории наименее обеспеченных жителей.

Степень мобильности считается одним из главных показателей открытости социальной системы и ее демократического характера. В трансформирующихся странах показатель мобильности, как восходящей, так и нисходящей, может быть выше, что характерно для России и, в частности, для Северо-Западного федерального округа (рис. 24).

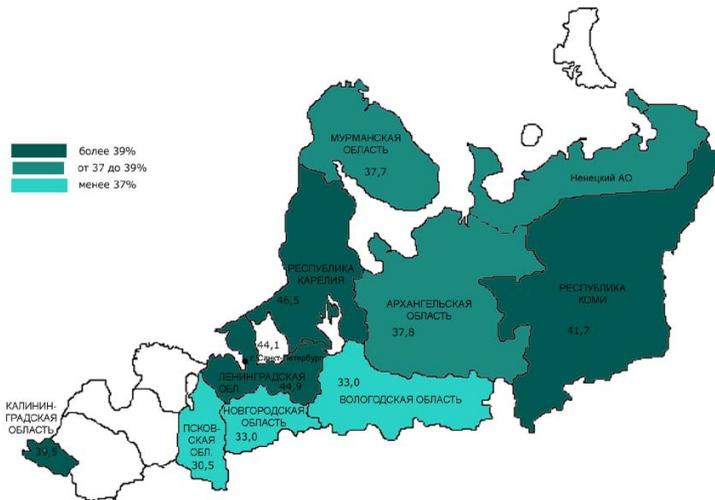

Рис. 24. Общий коэффициент социальной мобильности жителей Северо-Западного федерального округа, %

¹³⁰ Буланова М.А. Социальная мобильность работающей молодежи региона: социологический анализ [Текст] / М.А. Буланова // Власть и управление на Востоке России. – 2011. – №3. – С. 205-212.

Однако в разрезе территорий СЗФО наблюдаются некоторые различия. Условно регионы можно разделить на три группы:

1. Регионы с более высоким уровнем социальной мобильности (более 40%): Республики Коми и Карелия, Ленинградская и Калининградская области, г. Санкт-Петербург. В основном это приграничные территории с более высокими возможностями для улучшения социального положения. К тому же дополнительным фактором является территориальная близость г. Санкт-Петербурга как центра деловой и финансовой активности Северо-Запада, т.н. агломерационный эффект.

2. Регионы со средним уровнем социальной мобильности (в пределах среднего по СЗФО – 37 – 39%): Мурманская, Архангельская области. Для данных территорий в основном характерна социальная восходящая мобильность трудоспособного населения, приезжающего на постоянную или временную работу.

3. Регионы с более низким уровнем социальной мобильности (менее 37%): Псковская, Вологодская и Новгородская области. В этих регионах наиболее ярко проявилось влияние кризиса 2008 года. В Псковской области было зафиксировано одно из самых крупных падений объемов производства, Вологодская область как регион металлургической специализации также одной из первых испытала на себе спад производства, с трудом выходит из кризисной ямы и Новгородская область, производящая минеральные удобрения на экспорт¹³¹. При кризисных явлениях мобильность населения снижается: население скорее боится перемен, чем стремится их использовать для повышения уровня жизни.

При сравнении показателей социальной мобильности с уровнем модернизованности¹³² территорий СЗФО (рис. 22) наблюдается следующая зависимость: чем выше уровень модернизованности, тем выше уровень мобильности населения (рис. 25).

¹³¹ Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. – М.: Независимый институт социальной политики, 2010. – С. 34.

¹³² Рассчитан сотрудниками ИСЭРТ РАН с использованием Информационно-аналитической системы мониторинга параметров модернизации регионов России (ИС «Модернизация», патент №2012661285, 2012 г.), в соответствии с методологическими разработками ЦИСИ Института философии РАН.

Субъекты СЗФО, проходящие фазу зрелости первичной модернизации, находящиеся на уровне модернизированности ниже среднего, имеют уровень мобильности ниже, чем в других регионах (Псковская, Вологодская и Новгородская области).

Регионы, имеющие средний уровень модернизации, соответственно имеют более высокие показатели социальной мобильности (Мурманская, Архангельская, Ленинградская области, Республики Карелия и Коми).

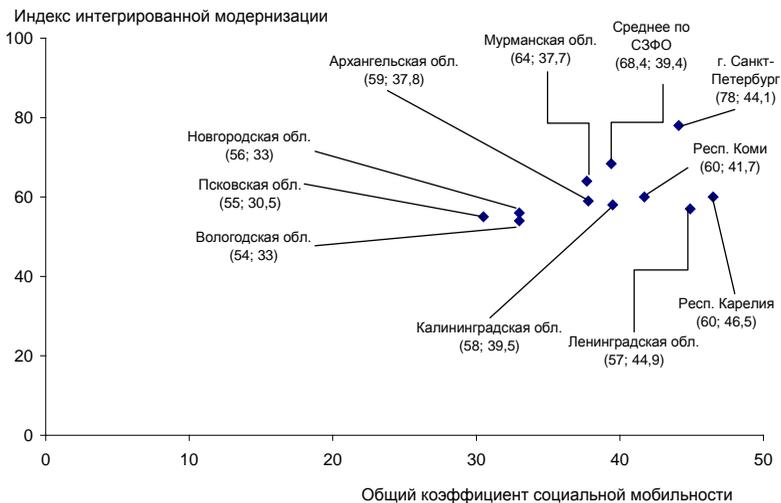

Рис. 25. Зависимость уровня социальной мобильности от уровня модернизированности территории

По результатам исследования ИСЭРТ РАН 100%-ного уровня реализации первичной модернизации достиг только г. Санкт-Петербург. Подобное отличие обеспечивается за счет высокого индекса инновации в знаниях, который от 3 до 12 раз превышает показатели в других территориях. Соответственно и уровень социальной мобильности в Санкт-Петербурге и близлежащих регионах выше, чем в других субъектах СЗФО.

В регионах с высокой степенью модернизированности возможности восходящей мобильности выше, о чем свидетельствуют более высокие значения коэффициента восходящей мобильности (рис. 26).

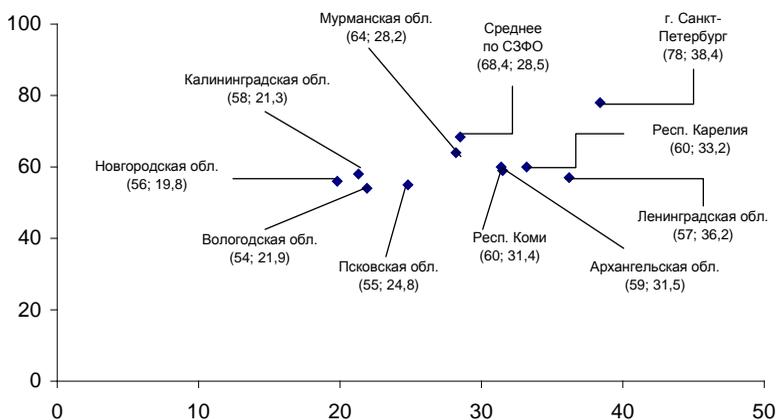

Рис. 26. Зависимость уровня восходящей социальной мобильности от уровня модернизованности территории

Важнейшим фактором мобильности становятся издержки смены профессии: если они ниже ожидаемого дохода на новом месте, то человек готов резко изменить свою жизнь, а если нет – предпочтет продолжить свою карьеру на старом месте¹³³.

Экономисты Всемирного банка Э. Артурк, Д. Ледерман и Г. Порто для оценки величины таких издержек ввели специальный коэффициент мобильности – цену смены профессии (он показывает, сколько «стоит» перейти из одной сферы деятельности в другую, если заставит безработица) – и сравнили по этому параметру 22 развитые и 25 развивающихся стран (рис. 27). Среди основных выводов можно выделить следующие:

1. Чем ниже коэффициент мобильности, тем проще в стране поменять работу.
2. Средний коэффициент мобильности составляет 3,75 (затраты на смену сферы деятельности равны размеру 3,75 средних годовых зарплат в стране).

¹³³ ... о межпрофессиональной мобильности в мире и России. Demoscope Weekly. – № 563 – 564 от 19 августа - 1 сентября 2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0563/gazeta029.php>

3. В развивающихся странах издержки на смену профессии в два раза выше, чем в развитых (коэффициенты мобильности равны 4,93 и 2,41 соответственно).
4. Самым мобильным регионом мира в плане трудовых ресурсов является Северная Америка со средним коэффициентом мобильности 1,65, самым немобильным – Южная Африка (затраты на смену рода деятельности составляют 5,45 средних годовых зарплат).
5. Проще всего сменить работу в США, Сингапуре и Японии, сложнее всего – в Бангладеше, Эфиопии, Азербайджане и Перу.
6. Россия относится к странам с очень высокой ценой мобильности (коэффициент эквивалентен 4,56 среднегодовых зарплат, что является самым высоким коэффициентом мобильности среди стран БРИКС, попавших в выборку¹³⁴).

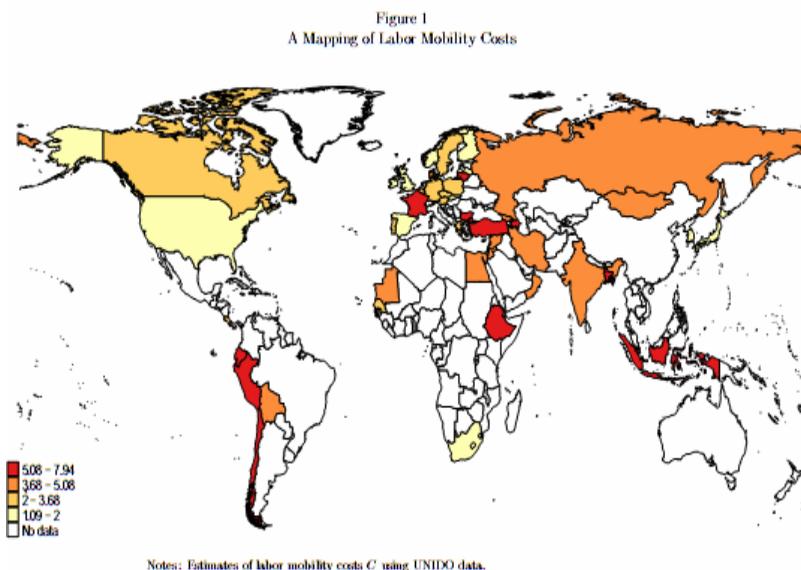

Рис. 27. Цена труда в странах мира по данным Всемирного Банка, 2013 год

¹³⁴ Artuc E., Lederman D., Porto G. A Mapping of Labor Mobility Costs in Developing Countries. Policy Research Working Paper. – 6556. – The World Bank. – August 2013.

По мнению директора Института социальной политики и социально-экономических программ НИУ ВШЭ Сергея Смирнова, высокая трудовая мобильность населения является плюсом для экономики, за исключением тех ситуаций, когда специалист, подготовленный за счет государства, уходит из бюджетной сферы в частную компанию. Однако далеко не все люди готовы поменять профессию. Эксперты замечают, что прочная «привязка» к профессии в России объясняется действующей и поныне советской моделью трудовой миграции («уверенность в завтрашнем дне»), наличием института регистрации, который затрудняет перемещение специалистов по стране, а также отсталой инфраструктурой в регионах, что не способствует переезду людей на новую работу в отдаленную местность¹³⁵.

Итак, можно говорить о том, что социальная мобильность выше в регионах, находящихся на более высоких стадиях модернизации, и может служить катализатором модернизационных процессов. Если человек может без сложностей переехать в другой город, то конкуренция за работников перемещается с уровня города на уровень страны, что увеличивает зарплаты, дает экономике стимул для роста и страхует ее от рисков. Если в одном секторе экономики безработица резко выросла, то люди могут найти себе работу в другой отрасли.

Также можно говорить о том, что уровень модернизованности территории оказывает прямое влияние на процессы социальной мобильности. В частности, это создание новых рабочих мест для трудовой миграции домохозяйств, а не отдельных индивидов, что имеет место в настоящее время. Однако для данного вида мобильности не созданы условия. Н.В. Зубаревич отмечает: «необходимы более высокий уровень доходов населения, ликвидация института регистрации, развитые рынки жилья с низкими барьерами, широкая и гибкая система жилищного кредитования». К тому же необходимо учитывать тот факт,

¹³⁵ Аронов А. Дело всей жизни // Новые Известия. – 12 августа 2013 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.newizv.ru/economics/2013-08-12/187057-delo-vsej-zhizni.html>

что в России очень низкие темпы создания новых, более качественных рабочих мест, в том числе и в крупных городах¹³⁶.

Если тема социального неравенства являлась активно обсуждаемой на государственном уровне на протяжении достаточно длительного периода времени, то дискуссии по проблеме повышения социальной мобильности появились относительно недавно¹³⁷. На социальную мобильность, и, следовательно, на изменение социальной структуры возможно воздействовать с помощью системы социальных институтов (рис. 28).

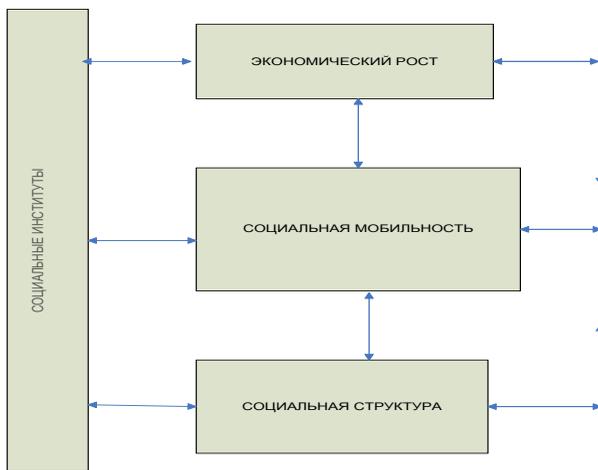

Рис. 28. Схема воздействия на социальную мобильность

В качестве факторов воздействия на социальную мобильность экономический рост и институциональная система рассматривались еще Р. Дарендорфом¹³⁸. Экономический рост повышает жизненные шансы всего населения или отдельных его групп, но это повышение происходит, как правило, неравномер-

¹³⁶ Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. – М.: Независимый институт социальной политики, 2010. – С. 155-156.

¹³⁷ Владимир Путин: мобильность населения – это перемещение трудовой силы по стране [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://club-rg.ru/news/3069>; Замахина Т. Путин объявил меры против безработицы «Мобильность населения» будут лучше стимулировать [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.memo.ru/d/81314.html>; Гавров С. Путин - лидер креативного класса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://finam.info/news/putin---lider-kreativnogo-klassa/>; Шохина Е. Мобильность против кризиса. Дмитрий Медведев призывает россиян стать мобильными и овладеть новыми профессиями [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://expert.ru/2013/09/27/mobilnost-protiv-krizisa/>

¹³⁸ Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. – М.: Издательство Росспэн, 2002. – 289 с.

но – одни группы получают от роста большие выгоды, чем другие¹³⁹. В периоды экономических кризисов мобильность населения снижается, во время активного экономического развития повышается спрос на работников, что стимулирует социальную мобильность, в основном восходящую.

Семья как социальный институт также оказывает влияние на данный процесс. Как известно, молодое население является наиболее мобильным. Следовательно, для расширения категории молодежи в обществе необходимы меры по повышению уровня рождаемости и семейных ценностей.

На рынке труда требуется политика, направленная на регулирование потоков трудовых мигрантов и их адаптации к новым условиям. Как правило, для мигрантов характерен низкоквалифицированный труд, и, таким образом, они занимают низшие социальные позиции, что стимулирует коренное население к продвижению на более высокие ступеньки социальной лестницы.

Система образования является ключевым социальным институтом в управлении процессами социальной мобильности. Чем выше уровень образования человека, тем больше он имеет шансов на восходящую мобильность. Образовательная система должна быть нацелена на воспроизводство творческих, высококвалифицированных кадров, повышение интеллектуального потенциала населения и обеспечение равенства доступа к системе непрерывного образования.

Таким образом, процессы социальной стратификации (в частности, неравенства), социальной мобильности и уровня модернизированности территории взаимозависимы и взаимовлияют друг на друга, и существует объективная необходимость их использования при разработке планов социально-экономического развития регионов в качестве инструментов оценки эффективности социальной политики.

¹³⁹ Черныш М.Ф. Социальные институты и мобильность в трансформирующемся обществе: Монография. – М.: Гардарики, 2005.– С. 31.

Итак, социальная мобильность выше в регионах, находящихся на более высоких стадиях модернизации, и может служить катализатором модернизационных процессов.

На социальную мобильность и, следовательно, на изменение социальной структуры возможно воздействовать с помощью системы социальных институтов, что отражено на схеме.

В качестве факторов воздействия на социальную мобильность экономической рост и институциональная система рассматривались еще Р. Дарендорфом¹⁴⁰. Экономический рост повышает жизненные шансы всего населения или отдельных его групп, но это повышение происходит, как правило, неравномерно – одни группы получают от роста большие выгоды, чем другие¹⁴¹. В периоды экономических кризисов мобильность населения снижается, во время активного экономического развития повышается спрос на работников, что стимулирует социальную мобильность, в основном восходящую.

Таким образом, улучшению социальной структуры и повышению социальной мобильности населения будет способствовать:

- экономическое развитие территорий;
- совершенствование институциональной среды;
- повышение социально-культурной активности и поселенческой идентичности населения;
- обеспечение равенства доступа населения к получению образовательных и иных услуг;
- выявление и поддержка талантливых детей, молодежи в целях формирования будущей интеллектуальной элиты общества;
- снижение социально-экономической дифференциации, удельного веса населения с доходами ниже прожиточного минимума;
- введение прогрессивной шкалы налогообложения;

¹⁴⁰ Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. – М.: Издательство Росспэн, 2002. – 289 с.

¹⁴¹ Черныш М.Ф. Социальные институты и мобильность в трансформирующемся обществе: Монография. – М.: Гардарики, 2005.– С. 31.

– повышение эффективности политики в области социально незащищенных слоев населения, в частности, увеличение пенсий и социальных гарантий для пенсионеров.

ТЕРЕБОВА СВЕТЛАНА ВИКТОРОВНА
зав. отделом инновационной экономики к.э.н.

КУЗЬМИН ИЛЬЯ ВЛАДИМИРОВИЧ
Младший научный сотрудник отдела инновационной экономики

МУХАЧЕВА СВЕТЛАНА ВИТАЛЬЕВНА
Младший научный сотрудник отдела инновационной экономики

**РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ ИННОВАЦИЙ
В ОБЩЕСТВЕННОМ РАЗВИТИИ РЕГИОНОВ**

Научный доклад
на заседании Ученого совета
25 декабря 2013 г.

Вологда
2013

Переход страны к новой экономической системе в 90-е годы сопровождался наличием весьма обширного спектра проблем во всех сферах жизни общества. Несмотря на то, что первый этап становления рыночной экономики пройден, сопровождающие его трудности продолжают существовать. Можно говорить о том, что создан базис для дальнейшего развития страны, которое невозможно без увеличения человеческого капитала, повышения качества жизни населения.

С помощью реального изменения качества жизни граждан Президент РФ В.В. Путин призывает оценивать эффективность выполнения «майских указов»: «...Судить о выполнении указов будем не по бумагам, а по тому, как изменилось качество жизни людей. Выполнять указы придется в сложных макроэкономических условиях, поэтому возрастает значение каждой меры, которая может оказать влияние на стимулирование экономического роста. Это принципиальный вопрос...»¹.

Однако в настоящее время в научной среде нет единого подхода к определению качества жизни, данная категория рассматривается с экономических², социологических³, экологических⁴ и медицинских⁵ позиций, а также существует множество методик его определения, базирующихся на двух методологических подходах: статистическом и субъективном. Однако в самом общем виде качество жизни представляет собой многоаспектную оценку, опирающуюся на степень удовлетворения человеческих потребностей материального, социального и духовного характера.

¹ Путин: судить о выполнении указов будут по качеству жизни людей. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ria.ru/society/20130507/936248390.html#13808516391204&message=resize&relo=login&action=removeClass&value=registration>.

² Калайдин, Е.Н. Развитие методологии количественного представления показателя качества жизни населения и качества трудовой жизни // Теория и практика общественного развития. 2012. № 4. С. 271-273. .

³ Данилова Р.И., Голубева Е.Ю. Социокультурная модель геронтосоциальной работы по повышению качества жизни пожилого населения // Успехи геронтологии. 2007. Т. 20. № 4. С. 123-127; Черкашина, Т.Ю. Субъективное качество жизни населения: интегральная оценка и частные индикаторы // Регион: Экономика и Социология. 2006. № 3. С. 97-111.

⁴ Титаренко Л.Г. Экологически ориентированный образ жизни как составляющая высокого качества жизни населения и устойчивого развития общества // Социологический альманах. 2011. № 2. С. 157-164; Спиридонов С.П. Качество окружающей природной среды как индикатор качества жизни // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 5. С. 73-77; Лига М. Б. Социологический анализ основных направлений эволюции концептуального осмысления понятия и оценки качества жизни во второй половине XX – начале XXI веков : автореф. дис... докт. соц. наук. Барнаул, 2006. 32 с.

⁵ Тимошина, Е.Л., Дугарова, С.Б. Качество жизни: актуальность проблемы и характеристика качества жизни детей с бронхиальной астмой // Бюллетень сибирской медицины, 2009. Т. 8. № 4. С. 105-111; Гурылева М.Э., Визель А.А., Хузиева Л.В. Качество жизни при оценке состояния больных с патологией органов дыхания // Казанский медицинский журнал. 2002. Т. 83. № 4. С. 294-297.

Вместе с тем проблема повышения качества жизни в Российской Федерации обостряется высоким неравенством доходов населения, о степени которого можно судить по значениям децильного коэффициента и коэффициента Джинни⁶ (табл. 1). По данным Федеральной службы государственной статистики в период с 1992 по 2012 гг. коэффициент Джинни⁷ возрос с 0,289 до 0,420⁸, что свидетельствует об увеличении неравенства населения страны по уровню доходов.

Таблица 1. Коэффициент Джинни в Российской Федерации в 1995 – 2012 гг.

Субъект федерации	Год					
	1995	2000	2005	2010	2011	2012
г. Москва	0,611	0,595	0,561	0,505	0,503	0,489
Тюменская область	0,428	0,455	0,456	0,446	0,444	0,445
г. Санкт-Петербург	0,414	0,341	0,432	0,446	0,442	0,442
Ненецкий автономный округ	н.д.	0,412	0,443	0,447	0,442	0,442
Самарская область	0,316	0,421	0,44	0,449	0,442	0,442
Ямало-Ненецкий автономный округ	н.д.	0,433	0,435	0,434	0,432	0,436
...	...	...	...	...	...	...
Вологодская область	0,310	0,318	0,364	0,373	0,369	0,375
...	...	...	...	...	...	...
Республика Карелия	0,284	0,316	0,349	0,361	0,358	0,370
Республика Алтай	0,297	0,338	0,328	0,374	0,369	0,369
Костромская область	0,358	0,329	0,353	0,365	0,361	0,368
Волгоградская область	0,274	0,337	0,376	0,365	0,361	0,367
Тверская область	0,301	0,314	0,334	0,357	0,352	0,366
Российская Федерация	0,387 (1992 г. – 0,289)	0,395	0,409	0,421	0,417	0,420

Примечание: без учета Чеченской Республики.
 Источник: Единая межведомственная информационно-статистическая система. Официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fedstat.ru/indicators/start.do>.
 Для сравнения: значение коэффициента Джинни в 2012 г. в Германии – 0,280, в Индии – 0,330, в Австралии – 0,350, в Республике Молдова – 0,287 и Украине – 0,263, в США – 0,450, в Бразилии – 0,550, ЮАР – 0,630.

⁶ При определении коэффициента Джинни опираются на некий принцип идеального равенства, который предполагает, что 1% населения должен получать 1% совокупного дохода этого общества. Согласно классификации, предложенной для стран ОЭСР, существует следующая шкала степеней неравенства: экономика с очень низкой (коэффициент Джинни равен 20-22%), низкой (24-26%), средней (29- 31%) и высокой степенью неравенства (33-35%).

⁷ Индекс Джинни представляет собой макроэкономический статистический показатель неравномерности распределения доходов в обществе между 10% самого богатого и бедного населения.

⁸ Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gks.ru/>.

Если обратиться к структуре населения по оценке собственных доходов в период с 2000 по 2013 гг.⁹, то можно говорить о том, что группа малообеспеченных составляет более 50% респондентов и имеет тенденцию к увеличению, в то время как следующая по численности группа бедных (23,7%). Однако прослеживается тенденция постепенного снижения величины данной группы и доли «нищих» (с 15,9% в 2000 году до 3,8% в 2013 году), что, несомненно, является положительной тенденцией. В указанный период увеличилась группа «обеспеченных» более чем на 10% (с 4,1% до 14,5%). Доля богатых практически не изменилась (рис. 1).

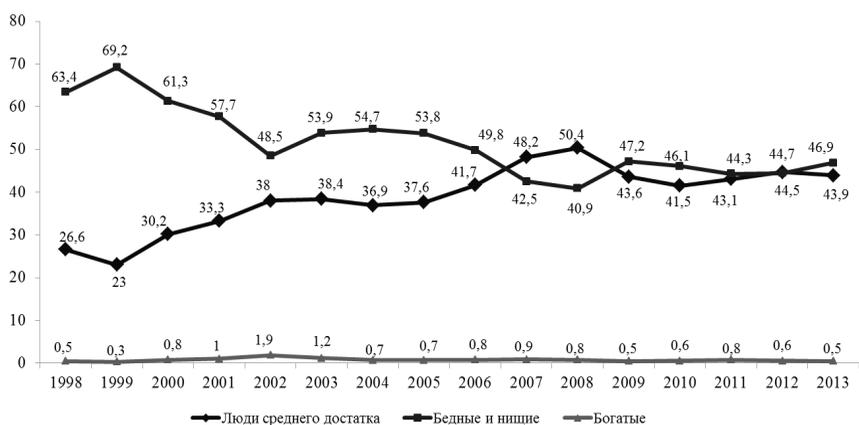

Рис. 1. Ответ жителей Вологодской области на вопрос «К какой категории Вы себя относите?», % от числа опрошенных

Источник: Данные социологических опросов населения Вологодской области ИСЭРТ РАН 2000 – 2013 гг.

Ситуация усугубляется достаточно высоким уровнем безработицы. Так, данный показатель остается на довольно высоком уровне и до сих пор не смог

⁹ Структура сформировалась при ответе на вопрос: «Какая из оценок наиболее точно характеризует Ваши денежные доходы?». Респонденты, указавшие при ответе на вопрос, что «Денег не хватает даже на приобретение продуктов питания, приходится влезать в долги», были причислены к категории «нищие»; ответившие «Денег хватает только на приобретение продуктов питания» – «бедные»; отметившие, что «Денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды, однако более крупные покупки приходится откладывать на потом» – «малообеспеченные», «Покупка большинства товаров длительного пользования (холодильник, телевизор) не вызывает у нас трудностей, однако покупка автомашины сейчас недоступна» – «обеспеченные», а «богатыми» являются те, кто отметил, что «Денег вполне достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать».

вернуться к докризисному периоду (5,9% по России и 4,1% по области)¹⁰ ни в целом по России (6,9%), ни в Вологодской области (7,5% в 2011 году). Безработица – фактор, препятствующий повышению доходов, – усугубляет социальную дифференциацию населения, а значит, и повышает социальную напряженность в обществе. Для сравнения: в 2011 году уровень безработицы в Гонконге составил 3,5%, в Японии – 4,5%, в Австралии – 4,9%, в Нидерландах – 5,1%, в Мексике – 5,2%, в Бразилии – 6,4% (рис. 2).

Не менее острой остается проблема достаточно высокого уровня преступности. Ситуация в правоохранительной сфере характеризуется рядом положительных моментов: пятый год подряд снижается число лиц, совершивших преступления, четвертый – численность лиц, осужденных по приговорам судов, и третий – численность лиц, содержащихся в местах лишения свободы. Однако уровень 1991 года в настоящее время пока не достигнут (рис. 3).

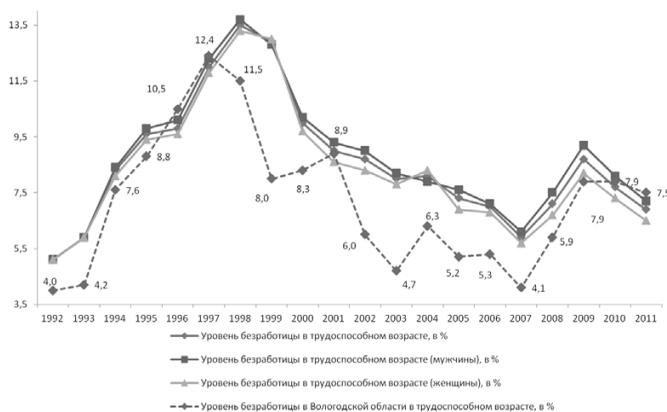

Рис. 2. Уровень безработицы в Российской Федерации по методологии Международной организации труда

Источник: Единая межведомственная информационно-статистическая система. Официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fedstat.ru/indicators/start.do>.

Тем не менее, по данным МВД, в январе – феврале 2013 года от преступных деяний погибло 6,3 тыс. человек, здоровью 8,7 тыс. человек причинен тяж-

¹⁰ Справочно: В СЗФО в 2007 году этот показатель составил 4%, а в 2008 – 2009 гг. возрос до 7% и в настоящее время практически вернулся к до кризисному уровню (5% – в 2011 году).

кий вред. Ущерб от преступлений составил 65,24 млн. рублей, что на 89% больше, чем в 2012 году.

Таким образом, можно заключить, что ситуация с уровнем преступности характеризуется неоднозначными тенденциями: снижения общего числа лиц, совершивших преступления, с одновременным возрастанием ущерба от противозаконных действий. Количество пострадавших также остается на значительно высоком уровне.

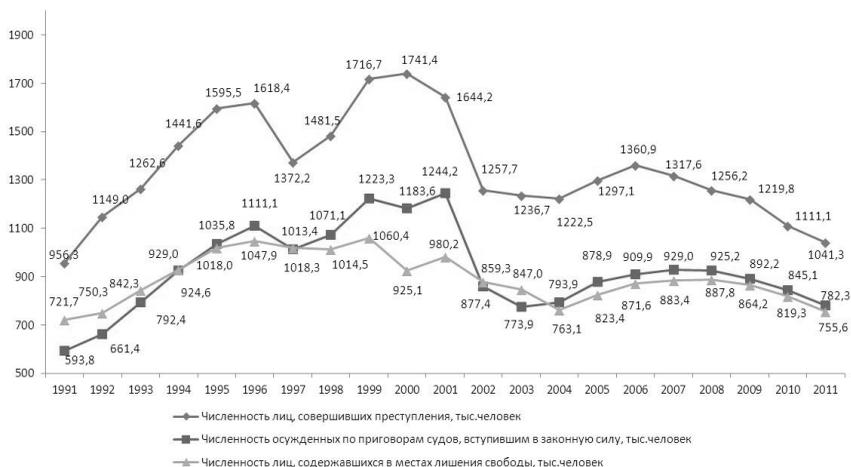

Рис. 3. Показатели преступности в Российской Федерации в 1991 – 2011 гг.

Источник: Единая межведомственная информационно-статистическая система. Официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fedstat.ru/indicators/start.do>.

Заболееваемость населения как в Российской Федерации, так и в Вологодской области устойчиво повышается. Так, за период с 1992 по 2011 гг. она увеличилась на 30% по России и на 43% по области. Заболееваемость в Вологодской области остается выше среднероссийского уровня. Если в 2011 году в России он составил 797 на 1000 человек населения, то в Вологодской области – 881. Вместе с тем по данным Всемирного Банка в 2012 году Россия заняла 106 место по уровню затрат на здравоохранение (3,2% от ВВП), в то время как в Дании

они составили 9,7%, США – 9,5%, Нидерландах – 9,4%, во Франции – 9,3, Германии – 9%.

В современном обществе не менее острыми остаются следующие проблемы:

– Алкоголизм. Так, согласно данным статистики, в России около 2,7 млн. человек больны алкоголизмом. Но это лишь те, кто «стоит на учете». По оценкам экспертов, эта цифра составляет порядка 5 млн., или 3,4% от всего населения¹¹. С начала 90-х гг. душевое потребление алкоголя выросло на четверть, а количество правонарушений, совершаемых пьяными, почти в два раза. В Вологодской области стабильно высоким остается потребление алкоголя: более половины опрошенных его употребляют;

– Табакокурение. Так, если в Америке курят 21% девушек и 23% юношей, то соотношение в Российской Федерации составляет 38% на 62%¹². В Вологодской области, согласно опросам населения, 34% населения курят в настоящее время;

– Наркомания;

– Детская беспризорность.

Это только наиболее острые проблемы современного российского общества. Они крайне негативно сказываются и на экономическом развитии страны, для преодоления данных тенденций необходим поиск новых инновационных путей их решения.

В то же время инновационное развитие нельзя рассматривать только как создание и внедрение новой техники и технологий. Для перехода на инновационный путь развития нужна активная комплексная инновационная политика государства, включающая в качестве важнейшего компонента гуманитарную составляющую – развитие человеческого потенциала на базе высокоразвитых науки, культуры, образования и здравоохранения, такой подход будет способствовать разрешению существующих социально-экономических проблем, тре-

¹¹ Сотов А. Российская молодежь стала больше пить // Российская газета. Официальный сайт. 2012. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/03/11/alkogolism-site.html>

¹² Источник: Гришюк, М. Через полтора года в РФ станут меньше курить // Российская газета. Официальный сайт. 2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/11/20/tabak-site.html>

бующих внедрения инноваций различной направленности (в том числе и социальных).

Вместе с тем инновационная политика, реализуемая в Российской Федерации в настоящее время, имеет преимущественно технико-технологический характер. С экономической точки зрения это объясняется тем, что технические инновации, воплощаемые в материальные объекты, могут быть быстро коммерциализованы и принести прибыль инвестору (государственному или частному). Значительную роль в характере проводимой отечественной инновационной политики играет также необходимость решения задачи сохранения конкурентоспособности России на международных рынках современной наукоемкой продукции (табл. 2).

Такая позиция государства вполне определенно выражена в ряде нормативных актов. Так, «Приоритетные направления развития науки, технологий и техники в Российской Федерации», утвержденные указом Президента Российской Федерации от 7 июля 2011 года № 899, не относят исследования в области социальных и гуманитарных наук к приоритетным направлениям развития науки.

Таблица 2. Государственные приоритеты России в развитии науки и техники

Приоритеты	1996	2004	2011
Безопасность и противодействие терроризму	–	+	+
Индустрия наносистем	–	+	+
Информационно-телекоммуникационные системы	+	+	+
Живые системы	+	+	+
Перспективные виды вооружения, военной и специальной техники	–	+	+
Рациональное природопользование	+	+	+
Транспортные и космические системы	+	–	+
Энергоэффективность, энергосбережение, ядерная энергетика	+	+	+
Фундаментальные исследования	+	–	–
Производственные технологии	+	–	–
Новые материалы и химические технологии	+	–	–
Источник: Программа развития инновационной деятельности Российской академии наук [Текст]. – М., 2013. – 212 с.			

«Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года» (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2011 года № 2227-р), хотя и содержит раздел об инновациях в общественном секторе и социальной сфере, в качестве задачи своей реализации определяет повышение эффективности науки и образования с перераспределением средств с неэффективных направлений к перспективным, а также перевооружение и модернизацию промышленности. Цель инновационной политики, проводимой в общественном секторе и социальной сфере, все равно сводится к внедрению там технических и технологических инноваций. Таким образом, в этом документе достаточно четко обозначена технико-технологическая направленность инновационного развития страны на ближайшую перспективу с акцентом на экономии за счет неэффективных направлений развития научных исследований. А неэффективными с экономической точки зрения являются именно гуманитарные и социальные науки.

Государственная программа «Развитие науки и технологий», утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 декабря 2012 года № 2433-р, к основным целям и задачам государственной политики в области науки и технологий также отнесла создание научно-технологического задела и формирование исследовательского потенциала на исследованиях в таких областях развития экономики, как атомная, авиакосмическая, энергетика, транспорт, строительство, предотвращение чрезвычайных ситуаций и ряд других. Задача проведения исследований в области социальных и гуманитарных наук также не поставлена.

Россия в стремлении преодолеть технологическое отставание от развитых стран не уделяет должного внимания социальным инновациям. Они не преследуют цели получения прибыли и направлены на получение положительных результатов в нематериальной, духовной сфере (в сфере нравственности, культурном и образовательном уровне развития человека, его политической активности, способности к самоорганизации на местном уровне, ответственности за судьбу страны и т.п.). Именно поэтому у этих инноваций в нашей стране еще

долго не будет частных инвесторов. В силу этого, чтобы наша страна не слишком отстала от развитых стран в вопросах развития гуманитарной составляющей инновационной политики, поддержание такой политики должно взять на себя государство.

В странах ОЭСР происходит смещение национальных научных приоритетов в такие области, как (табл. 3):

- окружающая среда и изменение климата;
- природные ресурсы и энергетика;
- живые системы, включая биотехнологии;
- новые материалы и технологии, включая нанотехнологии;
- социальные проблемы и вызовы: старение, здравоохранение, транспорт и урбанизация;
- образование и творчество детей;
- региональное влияние, туризм и культура.

Проблемы имеются и в экономике (низкий уровень инновационной активности, затраты на инновации, кадры и т. д.), но в силу тематики больше рассматриваем социальные проблемы.

Важным, однако не разработанным на сегодняшний день аспектом теоретико-методологических подходов к вопросам повышения качества жизни населения становится освоение социальных инноваций, ведущих к повышению социальной консолидации населения и направленных на сглаживание последствий избыточного неравенства в обществе.

Таблица 3. Научно-технические приоритеты зарубежных стран

Страна	национальная безопасность; национальная оборона	окружающая среда, изменение климата и океаны	природные ресурсы и энергия	продовольственная безопасность	здоровье и науки о жизни (включая биотехнологии)	социальные вызовы (включая пенсионное обеспечение, транспорт, урбанизацию, жилищное обеспечение)	инжиниринг и высокотехнологичные производства	новые материалы / технологии (включая нанотехнологии)	информационно-коммуникационные технологии	образование и творчество детей	региональное влияние, туризм и культура
Австрия	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓

Дания		✓	✓	✓	✓	✓		✓	✓	✓	
Финляндия	✓	✓	✓			✓					
Франция		✓	✓		✓	✓		✓	✓		
Германия	✓	✓	✓		✓	✓	✓	✓	✓		
Италия	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓		✓
Япония		✓	✓	✓	✓	✓			✓	✓	✓
Корея	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓	✓
Нидерланды	✓	✓	✓	✓	✓	✓		✓		✓	
Норвегия		✓	✓	✓	✓	✓		✓	✓	✓	✓
Швеция	✓	✓	✓		✓	✓	✓	✓			✓
Источник: OECD (2010), OECD Science, Technology and Industry Outlook, OECD Publishing, p. http://dx.doi.org/10.1787/sti_outlook-2010-en .											

Необходимым представляется то, что разработке и внедрению социальных инноваций должно предшествовать всестороннее изучение процессов их возникновения и развития, а также грамотное построение стратегии их освоения. Причем сформированная стратегия будет тем надежней, чем более обширный теоретический и практический материал был заложен в ее основу.

Если говорить о теоретических обоснованиях разработки и внедрения социальных инноваций, то необходимо указать на увеличение числа ученых, сторонников мнения, что ориентация исключительно на технологические инновации не позволяет решить наиболее важные проблемы современного общества, порой, напротив, усиливая их. Это вынуждает искать «нетехнологические методы» решения проблем. Результаты международных исследований в области социальных инноваций позволяют заключить, что система взглядов, сформировавшаяся в индустриальном обществе и ориентированная исключительно на аспекты технологий, не в состоянии охватить весь широкий спектр инноваций, необходимых при переходе от индустриального общества к обществу знаний и услуг.

Необходимо отметить, что, говоря об эффекте инновационных решений, исследователи не подразумевают исключительно экономические аспекты. Результаты могут относиться к социальной, экологической, научно-технической

сферам. Важно, что в итоге они приносят выгоды обществу в целом. В то же время путями достижения обсуждаемого эффекта являются не исключительно передовая техника, высокие технологии. Наряду с ними на развитие общества оказывают влияние такие важные процессы, как появление новых способов организации его жизни, новых институтов, способов коммуникации. Технологические и социальные инновации определяются разными областями общественной жизни – наукой, бизнесом, политикой, социальной сферой. Они взаимодействуют и взаимообуславливают возникновение друг друга. Таким образом, и те, и другие являются социально значимыми¹³. В связи с этим весьма актуальным представляется вопрос о влиянии социальных инноваций на социально-экономическое развитие регионов. Более глубокое понимание имеющегося потенциала и выгод, приобретаемых в результате разработки и внедрения социальных инноваций, способно оказать существенную помощь при разработке и реализации региональной политики, содержащей социальные аспекты и направленной на сглаживание последствий избыточного социального неравенства, повышение качества жизни населения.

Следует также отметить, что, хотя теоретические исследования в данной области проводятся научными организациями в ряде стран, сущность явления «социальные инновации», его экономические, иные условия возникновения изучены в недостаточной степени. Авторами теоретических концепций являются, как правило, зарубежные исследователи в области социальных наук. Однако даже в трудах зарубежных ученых неразработанными остаются, в частности, такие вопросы, как различия социальных инноваций, основанных на технологиях, и нетехнологических социальных инноваций; причины, стимулирующие и тормозящие их появление; взаимодействие органов власти и управления, предприятий, общественных организаций, «целевой аудитории» разрабатываемых инициатив для создания успешных социально-инновационных проектов; моде-

¹³ Кузьмин, И.В. Социальные инновации: сущность и влияние на экономическое развитие [Текст] / И.В. Кузьмин // Материалы Межрегиональной научно-практической конференции Социальный капитал как ресурс модернизации в регионе: проблемы формирования и измерения, г. Череповец, 16-17 октября 2012 г. В 2-х т. – Череповец: ЧГУ, 2012. – Т.2. – С. 14-19.

ли освоения социальных инноваций; проведение оценки результативности социальных инноваций (табл. 4).

Таблица 4. Трактовки понятия «социальные инновации»

№	Автор	Трактовка
1.	Копотева И.В., Никула Й.	Социальные инновации – это производство и интеграция новых знаний в форме программ, организационных моделей или определенного набора принципов и других средств, используемых на местном уровне для реагирования на положительные и отрицательные результаты реструктуризации ¹⁴ .
2.	Малгэн Д.	Социальные инновации – новые идеи, работающие в форме воспроизводимых программ или организаций для удовлетворения неотложных неудовлетворенных потребностей и улучшения жизни людей ¹⁵ .
3.	Мамфорд М.	Социальная инновация – генерирование и реализация новых идей о людях и их взаимодействии внутри социальной системы ¹⁶ .
4.	Ховальдт Ю., Шварц М.	Социальные инновации представляют собой новое сочетание или новую форму социальной деятельности в конкретных областях или социальном контексте, осуществляемые конкретными лицами или группой лиц продуманными способами с целью лучшего удовлетворения или соответствия потребностям и проблемам, нежели это возможно на основе существующей практики ¹⁷ .

Энциклопедия социологии дает такую трактовку: социальные инновации – это явления в социальной сфере общества, которых не было на предыдущей стадии его развития и которые возникли естественным образом либо введены по инициативе субъектов управления – государства, церкви и т. д. В первом случае формализация социальных инноваций в виде регламентирующих нововведения документов обычно завершает процесс их интеграции в социальную структуру. Во втором – формальные процедуры, как правило, предшествуют началу реальных инновационных процессов. Естественные, «вызревшие» социальные инновации, выступая закономерным следствием функционирования механизма общественной координации, обеспечивают развитие социальной структуры и взаимную адаптацию ее компонентов. Обоснованность «субъектно-инициативных» социальных инноваций определяется степенью их соответствия действию объективных социально-экономических законов. Органичное

¹⁴ Копотева, И.В. Социальные инновации в изменяющейся сельской среде России / И.В. Копотева, Й. Никула // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – Вологда. – 2008. – №2. – С. 76.

¹⁵ Mulgan, G. Social Innovation: what is it, why it matters, how it can be accelerated / G. Mulgan et al. – London: Young Foundation, 2006.

¹⁶ Mumford, M.D. Social Innovation: Ten Cases from Benjamin Franklin/ M.D. Mumford // Creativity Research Journal. – 2002. – №14(2). – P. 253 – 266.

¹⁷ Howaldt, J. Social Innovation: Concepts, Research Fields and International Trends / J. Howaldt, M. Schwarz. – IMA/ZLW & IfU – RWTH. – Aachen: Aachen University, 2010.

сочетание социальных инноваций обоих типов выступает необходимой предпосылкой общественного прогресса и является ключевой задачей социального управления¹⁸.

Источниками социальных инноваций, как представляется, являются изменения внешней среды, возникающие социальные проблемы, которые невозможно решить с помощью традиционных методов, изменения потребностей общества и его членов. Неразрешенность тех или иных социальных проблем дает импульс к разработке новых средств, норм в социальной сфере. Социальные инновации вносят существенный вклад в развитие общества, его модернизацию, повышение качества жизни населения.

В конечном итоге целью социальных инноваций является развитие общества, всех его сфер – социальной, экономической, политической, духовной.

Можно выделить следующие проявления социальных инноваций:

1. Разрабатываемые стратегии, концепции развития, новые общественные практики и организации, способные в конечном итоге лучше удовлетворить какие-либо общественные потребности – в занятости, здравоохранении, образовании, культуре, т. д. Кроме того, данные инициативы способствуют укреплению гражданского общества.

2. Социальное предпринимательство (предпринимательство не обязательно должно быть инновационным, однако оно может выступать проводником инноваций).

3. Процессы модернизации политики и управления.

Социальные инновации могут иметь место в государственном, коммерческом, некоммерческом, общественном секторах, а также в сферах взаимодействия между ними.

Перспективным направлением исследований являются вопросы создания условий для межсекторного сотрудничества, нацеленного на социальные пре-

¹⁸ Инновации социальные [Электронный ресурс] // Энциклопедия социологии. – Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/~книги/Энциклопедия%20социологии/Инновации%20социальные/>

образования. Социальные инновации приобретают все большую значимость в научно-образовательной среде.

На основе сопоставления социальных инноваций с материально-техническими можно выделить ряд особенностей первых:

1. Источником возникновения социальных инноваций в большинстве случаев является коллективное творчество; материально-технические инновации чаще создаются на основе труда индивидуального.

2. Результат внедрения социальных инноваций не проявляется настолько быстро, не носит такого конкретного характера, каким чаще всего обладают материально-технические инновации.

3. Специфика социальных инноваций, кроме того, заключается в их более четкой обусловленности внешней средой. Здесь можно провести аналогию с существующим в общей теории инноваций подходом, носящим условное название «давление спроса», в соответствии с которым разработку нововведений, распространение инноваций обеспечивает рост спроса. В качестве «спроса» в данном случае выступают возникающие социальные проблемы, которые невозможно решить с помощью традиционных методов.

4. Более широкая потенциальная сфера реализации. В частности, область использования социальной инновации в зависимости от групповых и личностных качеств субъектов, а также целевой аудитории, задействованных в освоении данной инновации, может быть изменена.

Вышеизложенное позволяет заключить, что внедрение социальных инноваций можно разделить на «точечное», предполагающее их освоение на определенном объекте (здесь возможно как разовое внедрение, так и регулярное, в зависимости от целей конкретной инновации), и «пространственное», предполагающее дальнейшее распространение инноваций на многие объекты. Говоря о масштабе социальных инноваций, необходимо также отметить их разный характер: инновации, имеющие значение для решения общечеловеческих проблем; инновации, внедрение которых особенно актуально для отдельных регионов; инновации местного значения. При рассмотрении социальных инноваций

с точки зрения общественной жизни возможно выделить инновации, направленные на развитие социальных институтов, политической сферы, экономической сферы, культурно-духовной сферы.

При разработке социальных инновационных проектов лицам, принимающим решения, необходимо определить их специфические особенности, обусловливаемые адресной сферой реализации, что обеспечивает достижение лучших конечных результатов. Нами была дана классификация социальных инноваций по ряду признаков (табл. 5).

Таблица 5. Классификация социальных инноваций

Классификационный признак	Виды социальных инноваций
По способу разработки	- индивидуальные; - коллективные
По уровню и объему социальных нововведений	- глобального характера, направленные на решение общечеловеческих проблем; - региональные; - локальные, представляющие более узкие интересы регионального и местного значения
По виду эффекта	- целевые; - косвенного воздействия
По способу реализации	- иницируемые органами власти; - иницируемые предприятиями; - на основе государственно-частного партнерства
По сферам общественной жизни	- в социальных структурах и институтах; - политические; - экономические; - инновации в культурно-духовной сфере
По масштабу использования	- единичные социальные инновации, осуществляемые на одном объекте; - диффузные, распространяемые на многие объекты

Говоря о наиболее рациональных способах внедрения социальных инноваций, следует отметить, что модель освоения социальных инноваций, по нашему мнению, должна включать следующие основные стадии.

Первый этап должен включать теоретические аспекты осваиваемого социального инновационного проекта, обоснование целесообразности его освоения, т. е. какие социальные и экономические результаты будут достигнуты. На втором этапе необходимо определить методику оценки социальных послед-

ствий от освоения социального инновационного проекта. Третий этап представляет собой апробацию проекта и оценку последствий социальных инноваций. На четвертом этапе предполагается внести коррективы в используемую модель.

Социальные инновации внедряются преимущественно с помощью социальных инновационных проектов, представляющих собой долгосрочные целевые и социальные инновационные программы. В Вологодской области социально ориентированные инновационные проекты реализуются благодаря усилиям региональных и муниципальных властей при их непосредственном руководстве, в тесном взаимодействии с общественными организациями и индивидами как конечными получателями услуг и представляют собой концентрацию ресурсов общества и власти региона (*рис. 4*). Так, реализуются проекты в сфере образования и социальной защиты (в разрезе долгосрочных целевых программ), а социальные инновационные программы направлены на поддержку социально незащищенных слоев населения.

В целом можно выделить следующие виды социальных инновационных проектов:

- по срокам реализации: краткосрочные (в виде социальных инновационных программ) и долгосрочные (представленные долгосрочными целевыми программами);
- по уровню реализации: региональный уровень (Департамент социальной защиты населения Вологодской области), муниципальный уровень (Администрация города Вологды).

В настоящее время разработка и реализация социальных инновационных программ является одним из эффективных инструментов для сохранения востребованности государственных учреждений, которые должны отвечать как критериям, выдвигаемым на предыдущем этапе своего развития, так и новым социальным реалиям, оперативно реагировать на изменения в социальной сфере.

* – долгосрочные целевые программы

Рис. 4. Реализация социальных инновационных проектов в регионе

Сам принцип внедрения социальных инноваций в виде проектов позволяет планировать достижение за определенный срок конкретного результата от внедрения тех или иных мероприятий. Это согласует действия работников организации для достижения конкретных целей и задач деятельности, тем самым формируется перспектива развития профессиональных качеств работника и самой организации.

Можно выделить следующие преимущества внедрения социальных инноваций в виде проектов:

- конкретизация сроков проведения инновационного мероприятия, преимущественно ориентированного на среднесрочную перспективу, что позволяет за сравнительно небольшой промежуток времени определить наличие эффекта от проекта;

- четкая постановка целей и задач помогает персоналу и руководителю в определении приоритетов работы опорно-экспериментального учреждения;

- оптимизация расходования ограниченных ресурсов (как человеческих, так и материальных) для достижения оптимального или максимизирующего результата;

- унификация форм предоставления идей позволяет быстрее принимать решения об их поддержке или отклонении. Как правило, проект состоит из 9 разделов: предоставление основной информации о проекте, содержание существующей проблемы, определение цели и задач, механизмов реализации, ресурсного обеспечения и целевой аудитории проекта, определение схемы управ-

ления и контроля за ходом его реализации, конкретные критерии и ожидаемые результаты проекта.

К важным результатам реализации социальных инновационных проектов относятся:

- снижение социально-экономического неравенства населения;
- увеличение продолжительности активной жизни;
- повышение уровня и качества жизни социально незащищенных категорий граждан;
- проведение профилактики беспризорности в неблагополучных семьях;
- повышение востребованности структур социального обеспечения;
- развитие системы социальных гарантий в области;
- возвышение социальных потребностей граждан, обратившихся за помощью.

Следует отметить, что реализация предложенной выше модели освоения социальных инноваций может быть реализована при применении проектного подхода. В рамках проводимых исследований нами также была предложена система критериев, которую можно использовать при проведении экономико-математических расчетов показателя результативности социальных инновационных проектов:

1. Степень новизны проекта.
2. Социальная, практическая значимость проекта.
3. Масштаб проекта.
4. Уровень организации и удовлетворенности участием в проекте.
5. Воздействие на социально-психологический климат целевой аудитории.
6. Воздействие на социальную сплоченность.
7. Востребованность продолжения проекта.
8. Эффект синергии.

Среди важнейших социальных показателей, которые так или иначе представляется рациональным использовать при оценке общественной жизни, необходимо учитывать уровень развития здравоохранения, возможности образова-

ния, трудовую занятость, уровень заработной платы, жилищные условия, социальные льготы, видение будущего, качество местного управления, развитость сферы досуга, криминальную обстановку, развитость инфраструктуры.

Анализ зарубежного опыта внедрения социальных инноваций показал, что одним из первых примеров успешной их реализации можно назвать микрокредитование, внедренное лауреатом премии мира 2006 года Мухамедом Юнусом в Бангладеш. Профессор основал Grameen Банк, согласно разработанной им системе преимущественным правом на заем пользовались женщины – ответственные и трудолюбивые, получавшие небольшие суммы в форме кредита на покупку орудий труда. Уровень возврата кредита составлял 99%. Поручителем, как правило, выступала община, в которой жил заемщик, поэтому все ее члены были заинтересованы в возврате кредита. Было открыто три тысячи филиалов Grameen Банка в Индии, Шри-Ланке и Бангладеш, выдано семь миллиардов долларов США – в виде микрокредитов¹⁹.

Таким образом, данная инновация в социальной сфере была направлена на спасение от нищеты миллионов людей, но вместе с тем приносила доход тому, кто ее ввел. Главное отличие социальной инновации от благотворительности на практике заключается в том, что наряду с положительными социальными изменениями сами предприниматели-основатели могут получить прибыль от проекта в денежной или в неденежной форме.

Динамично развивается внедрение социальных инноваций, предложенных учащейся молодежью. Так, организация «Достижения молодых – Юный предприниматель» (Junior Achievement – Young Enterprise) в сотрудничестве с глобальным партнером Hewlett Packard разработала молодежный образовательный проект «Эстафета социальных инноваций» (Social Innovation Relay), направленный на повышение мотивации и готовности учащихся 15 – 18 лет к созданию и внедрению социально ориентированных инновационных проектов, на формирование в молодежной среде личностей – социальных новаторов, на

¹⁹ Нежметдинова, Ф.Т. Социальные инновации в устойчивом развитии АПК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – <http://edurt.ru/index.php?link=228&lang=1&type=1>

развитие необходимого набора навыков у нового поколения инициативных и социально ответственных работников и предпринимателей²⁰.

В 2012 году по результатам второй эстафеты социальных инноваций (из более чем 20 тысяч школьников, входивших в состав 1354 команд) в финал прошло 20 групп из тринадцати стран, которые разработали и представили идеи, направленные на положительные изменения в сфере социальных отношений и экологии²¹. Победителем стала команда из Южной Африки, предложившая производство солнечных ламп с использованием вторичного сырья для освещения жилищ малоимущих семей и устранения вреда здоровью и окружающей среде, приносимого керосиновыми лампами²². Идея, направлена на решение проблем нехватки электроэнергии и роста числа респираторных заболеваний в африканских странах.

Также в числе лучших оказались команда Китая, презентовавшая идею подготовки молодежи для волонтерской работы с пожилыми людьми, документирования их жизненных историй и преодоления одиночества в старости, и Словакии, разработавшая проект обучающих DVD для повышения осведомленности молодых людей в вопросах миграции. В финале участвовали команды из Бразилии (предложили идею установки надежных и недорогих нагревателей, работающих от солнечной энергии, в домохозяйствах с низким уровнем дохода), Великобритании, Болгарии и Кении (в транспортной сфере), Франции, Египта и Индии (проекты в образовательной сфере), США (выработка электроэнергии), Румынии (идея организации встреч молодежи с лицами, подвергшимися дискриминации). Примечательно, что в финал конкурса вышла и команда из России, представившая проект использования технологии Skype для изучения иностранных языков и общения учащихся разных стран²³.

Отечественный опыт внедрения социальных инноваций также довольно обширен, но одновременно и фрагментарен. На федеральном уровне социальные инновационные проекты реализуются Фондом региональных социальных про-

²⁰ Эстафета социальных инноваций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ja-russia.ru/ru/contest/SOCIAL-INNOVATION-RELAY/>

²¹ Итоги международного финала Эстафеты социальных инноваций 2012 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://socialinnovation.ru/component/content/article/14-news/35-sir-2012-final.html>

²² Там же.

²³ Там же.

грамм «Наше будущее» – некоммерческой организацией, направленной на поддержку развития малого предпринимательства. В рамках своей деятельности он поддерживает проекты социального предпринимательства, которое является проводником социальных инноваций. Также на федеральном уровне поддержки внедрения социальных инноваций с 2009 года действует «Фонд поддержки детей, находящихся в тяжелой жизненной ситуации»²⁴. В настоящее время Фондом ведутся работы по созданию единой централизованной базы социальных инновационных проектов (рис. 5).

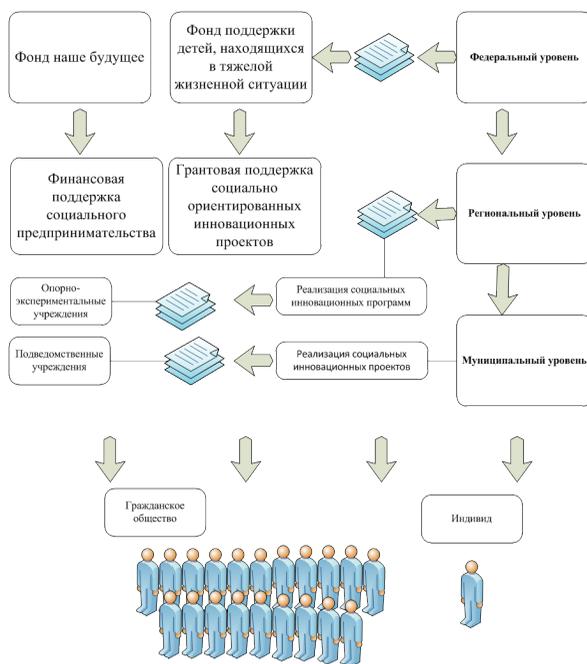

Рис. 5. Отечественный опыт внедрения социальных инноваций отдельными общественными институтами

²⁴ Создан в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 26 марта 2008 года № 404 «О создании Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации». Учредителем Фонда от имени Российской Федерации является Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. Деятельность Фонда направлена на создание нового механизма управления, позволяющего в условиях разделения полномочий между федеральным центром и субъектами Российской Федерации значительно сократить распространенность социального неблагополучия детей и семей с детьми, стимулировать развитие эффективных форм и методов работы с нуждающимися в помощи семьями и детьми. Источник: О Фонде [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fond-detyam.ru/about/>

В реестре социальных инновационных проектов указаны следующие приоритетные направления:

– социальная реабилитация детей, находящихся в конфликте с законом (совершивших правонарушения и преступления), профилактика безнадзорности и беспризорности детей, преступности несовершеннолетних, в том числе повторной (11 программ в 2013 году);

– профилактика семейного неблагополучия и социального сиротства детей, включая профилактику жестокого обращения с детьми, восстановление благоприятной для воспитания ребенка семейной среды, семейное устройство детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (38 программ);

– социальная поддержка семей с детьми-инвалидами для обеспечения максимально возможного развития таких детей в условиях семейного воспитания, их социализации, подготовки к самостоятельной жизни и интеграции в общество (25 программ).

Ежегодно база данных о действующих на территории субъектов Российской Федерации программах обновляется. Например, в 2013 году в общей сложности при грантовой поддержке фонда начата реализация 74 социально ориентированных инновационных проектов²⁵.

На региональном уровне реализация социальных инновационных программ проводится на базе опорно-экспериментальных учреждений, которым согласно утвержденным долгосрочным целевым программам выделяется дополнительное финансирование для стимулирования работников и совершенствования необходимой материально-технической базы.

На муниципальном уровне непосредственным внедрением социальных инновационных проектов, в рамках которых планируется достижение определенных целей и задач, занимаются подведомственные учреждения.

В конечном итоге социальные инновации, поддерживаемые федеральными, региональными и муниципальными структурами, направлены на развитие

²⁵ Реестры инновационных социальных программ субъектов Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fond-detyam.ru/granty-fonda/reestry-innovatsionnykh-sotsialnykh-programm-subektov-rossiyskoy-federatsii/2013/>

гражданского общества и индивида, а в перспективе и появление двухстороннего взаимодействия с ними.

Администрация города Вологды реализует несколько социально ориентированных инновационных программ. Среди самых успешных можно назвать проект «Городская дисконтная карта «Забота», начавший свое действие в начале 2010 года и реализуемый Департаментом экономического развития Администрации города Вологды и бизнес-сообществом города на принципах государственно-частного партнерства.

В настоящее время проект активно внедряется в Вологодской области и уже вышел на межмуниципальный уровень, распространен на территории 7 муниципальных образований Вологодской области (4 муниципальных района: Вологодский, Сокольский, Вытегорский, Великоустюгский и 3 города: Вологда, Великий Устюг, Череповец).

Дисконтная карта «Забота» представляет собой пластиковую карту с магнитной полосой и бесконтактным чипом, подтверждающую право на скидку при предоставлении товара или услуги для определенных категорий населения: многодетных семей, пенсионеров, инвалидов, ветеранов боевых действий, учащихся начальных и средних образовательных учреждений, получающих социальную стипендию²⁶.

Таким образом, проект направлен на поддержание преимущественно низкодоходных (малообеспеченных) категорий населения. Участники проекта получают возможность реальной экономии денежных средств, расширения потребления товаров и услуг без значительного увеличения расходов, что в свою очередь стимулирует процессы производства и распределения, а также повышается уровень и качество жизни данных лиц.

За три года реализации проекта обслужено 13 млн. человек-держателей карт «Забота», общий объем реализованных товаров и оказанных услуг составил 1,5 млрд. рублей. В целом держатели карт «Забота» сэкономили порядка

²⁶ Городская дисконтная карта «Забота» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vologda-portal.ru/ogorode/index.php?SECTION_ID=4491

105 млн. рублей. Общее количество предприятий-участников программы составляет 230 ед., наибольшие доли среди общего количества участников программы приходятся на предприятия по оказанию услуг (38%) – бытовых, транспортных, жилищно-коммунальных и др.²⁷.

Таким образом, обобщая вышесказанное, можно заключить, что в целях наиболее результативного освоения и рационального использования социальных инноваций в регионе требуется особый социальный институт разработки и реализации социальных инноваций. Данный институт должен возникнуть при объединении социально ориентированной деятельности органов власти и управления, бизнес-сообщества и граждан. Как показывает российская и зарубежная практика успешных социальных инновационных проектов, развитие социальных инноваций требует межсекторного сотрудничества (рис. 6).

Рис. 6. Межсекторное сотрудничество в области разработки и реализации социальных инноваций

²⁷ Там же.

Низкую активность участия в проектной деятельности других учреждений социального обслуживания населения можно объяснить:

- недостаточным финансированием;
- отсутствием у учреждений соответствующей материально-технической базы;
- малой активностью руководителей учреждений;
- большой загруженностью специалистов;
- слабой мотивацией к развитию;
- низким уровнем профессиональной компетенции сотрудников;
- стереотипностью мышления (неверием в позитивные изменения, в их необходимость).

Необходимо развивать сотрудничество государственной власти и бизнес-структур на принципах государственно-частного партнерства (например, на основе механизма реализации проекта «Городская дисконтная карта «Забота» в городе Вологде).

Международный опыт также свидетельствует в пользу такого сотрудничества. К примеру, в США большинство социальных инноваций реализуются на основе частно-государственного партнерства, совместными усилиями бизнеса и власти или непосредственно предпринимательскими структурами.

На основе представленных материалов сформулируем основные выводы, касающиеся проблем разработки теории и практической реализации социальных инноваций:

1. Государству следует признать необходимость гуманитарной составляющей инновационной политики. Свою позицию государство должно однозначно закрепить в соответствующих документах (стратегиях, концепциях, доктринах, в приоритетных направлениях развития науки, технологий и техники и др.). Это послужит развитию на базе этих документов соответствующего блока законодательства.

2. Государству целесообразно не только признать необходимость разработки социально-культурных инноваций, но и определять государственный заказ на такого рода инновации, выделяя бюджетные средства на их разработку и реализацию.

При этом законодательство о контрактной системе в сфере закупок должно учитывать специфику творческой научной деятельности:

1. Политику региональных властей в сфере организации взаимодействий социальных групп через повышение степени их вовлеченности в освоение социальных инноваций можно определить как один из важных факторов социально-экономического развития территории.

2. Социальные инновации выступают перспективным направлением повышения консолидации населения территории.

3. Внедрение социальных инноваций нельзя осуществлять в отрыве от изучения перспектив социальной адаптации к ним, которую необходимо рассматривать как первоопределяющую компоненту в процессе освоения социальных инноваций. При этом Е.Н. Струк отмечает, что современное общество характеризуется непрерывным возникновением инноваций, что приводит к ускоренному обновлению и изменению условий жизни, нравственных ценностей, жизненных ориентиров человека. Социальное время ускоряет свой бег, и общество, группы, отдельные личности вынуждены постоянно и непрерывно переживать процесс социальной адаптации²⁸. Эти процессы приводят к тому, что человеку становится все труднее эффективно адаптироваться к новациям в обществе, так как существует предел новизны, который любой индивидуум или группа могут освоить за короткий отрезок времени. Соответственно, в современном социуме существует потенциальная возможность массового шока будущего²⁹.

4. Для повышения эффективности внедрения социальных инноваций в регионах необходимо:

²⁸ Тоффлер, Э. Шок будущего [Текст]: перевод с английского / Э. Тоффлер. – М.: АСТ, 2002. – 557 с.

²⁹ Струк, Е.Н. Социальная адаптация к инновационным изменениям в современном обществе [Текст] / Е.Н. Струк. // Вестник Московского университета. – №2. – 2007. – С. 119

- привлечение дополнительных ресурсов;
- развитие государственно-частного партнерства;
- создание новых институтов развития: общественных объединений, организаций, институциональных образований, которые будут реализовывать социальные инновации.

При взаимодействии государственного, общественного, частного секторов результативной моделью социальной инновации способен выступить социальный инновационный проект на основе частно-государственного партнерства.

Соответствующие проекты будут направлены на формирование и реализацию политики по объединению граждан, направленной, в свою очередь, на трансформацию разрушительной социальной активности (митинги, демонстрации) в созидательную (творческие проекты, конкурсы, духовное и физическое совершенствование населения и др.).

Кроме того, на основе разработки пула социальных проектов будет формироваться система взаимодействия органов власти, бизнес-сообщества и населения, позволяющая лучше учитывать особенности различных социальных групп.

Данный подход позволит сформировать базис для:

- привлечения бизнеса к решению социальных проблем, участию в социально ориентированных проектах (пример – «Забота»);
- развития социального предпринимательства.

Что касается практического аспекта, целенаправленное внедрение социальных инноваций в ряде развитых государств (страны западной Европы, скандинавские страны) осуществляется уже на протяжении нескольких десятилетий.

Следует также отметить, что, хотя теоретические исследования в данной области проводятся научными организациями в ряде стран, сущность явления «социальные инновации», его экономические, иные условия возникновения изучены в недостаточной степени. Авторами теоретических концепций являются, как правило, зарубежные исследователи в области социальных наук. Однако даже в трудах зарубежных ученых неразработанными остаются, в частности,

вопросы различия социальных инноваций, основанных на технологиях, и нетехнологических социальных инноваций; причин, стимулирующих и тормозящих их появление; взаимодействия органов власти и управления, предприятий, общественных организаций, «целевой аудитории» разрабатываемых инициатив для создания успешных социально-инновационных проектов.

Таким образом, закономерным представляется вывод о том, что катализатором роста научно-практических знаний о процессах развития социальных инноваций способны выступить осуществление исследователями обмена опытом на межнациональном уровне, объединение усилий в изучении поднимаемых проблем, в т. ч. проведение совместных научно-исследовательских работ. В рамках последних могут быть рассмотрены специфические особенности разрабатываемых научных положений и практических рекомендаций на примерах различных регионов мира.

Одним из основных инструментов, создающих возможности для возникновения соответствующих практик, развития международного сотрудничества в инновационной деятельности, в Европе являются программы поддержки научных исследований.

Ключевое место в ряде данных программ занимают так называемые рамочные программы Европейского союза по развитию научных исследований и технологий. Главная цель рамочных программ ЕС заключается в осуществлении финансирования НИОКР в целях создания и развития Европейского научно-исследовательского пространства (ЕНИП). Программы последовательно сменяют друг друга, реализация каждой последующей из них осуществляется в течение нескольких лет и направлена на достижение конкретных целей очередного этапа формирования ЕНИП.

Первая рамочная программа ЕС была реализована в период 1984 – 1988 гг., в настоящий момент заканчивается Седьмая (7РП), рассчитанная на 2007 – 2013 гг. Общий бюджет размером около 53,2 миллиардов евро делает ее одной из крупнейших в мире инициатив поддержки научных исследований (табл. 6).

Таблица 6. **Бюджеты Рамочных программ Европейского союза по развитию научных исследований и технологий, млрд. евро**

Номер рамочной программы	Период действия	Бюджет
Первая	1984 – 1988	3,75
Вторая	1987 – 1991	5,40
Третья	1990 – 1994	6,60
Четвертая	1994 – 1998	13,22
Пятая	1998 – 2002	14,96
Шестая	2002 – 2006	17,88
Седьмая	2007 – 2013	50,52
Источник: Artis, M.J. The Economics of the European Union [Text]: Policy and Analysis / M.J. Artis, F. Nixon. – 4th ed. – Oxford University Press, 2007.		

За 5 лет количество участников научно-исследовательских проектов, финансируемых из бюджета программы, составило более 82 тыс. организаций (табл. 7).

Таблица 7. **Результаты Седьмой рамочной программы ЕС за 2007 – 2011 гг.**

Показатель	Год					Итого
	2007	2008	2009	2010	2011	
Количество поддержанных проектов	3132	2720	4037	3399	2813	16101
Количество участвовавших организаций	22077	14112	19471	13710	12932	82302
Общее финансирование, млрд. евро	6,52	4,43	5,66	5,31	3,69	25,60
Средний объем финансирования проекта, тыс. евро	2080	1629	1401	1561	1310	1589,88
Средний объем финансирования организации, тыс. евро	295,1	314,1	290,6	387,1	285,1	311,03
Источник: Fifth FP7 Monitoring Report. Monitoring Report 2011 [Electronic resource]. – Available at: http://ec.europa.eu/research/evaluations/index_en.cfm?pg=fp7-monitoring						

Наибольший интерес для инновационных предприятий представляет специальная подпрограмма 7РП «Сотрудничество», поскольку именно она направлена на поддержку совместных НИОКР предприятий (в том числе малых и средних), университетов, научно-исследовательских организаций разных стран мира. Бюджет подпрограммы «Сотрудничество» составляет 39 млрд. евро – более половины общего бюджета 7РП. В одно из ее приоритетных тематических направлений выделены «Социально-экономические и гуманитарные науки». Объем финансирования данного направления в рамках 7РП составляет 600 млн.

евро, что соответствует доле в размере около 2% в структуре бюджета программы (рис. 7).

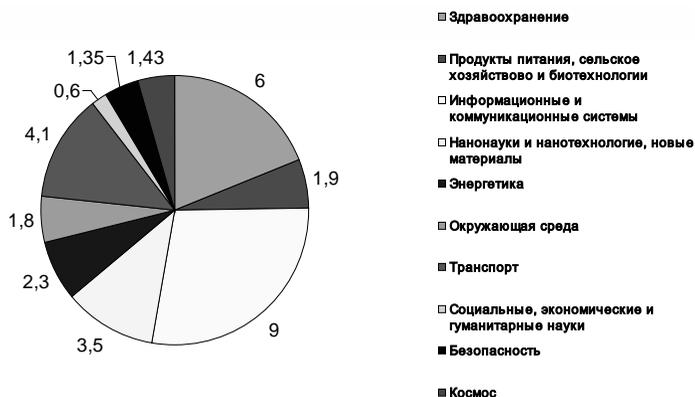

Рис. 7. Бюджет 7РП по подпрограмме «Сотрудничество» по приоритетным тематическим направлениям, млрд. евро

За 2007 – 2012 гг. финансирование проектов по направлению «Социально-экономические и гуманитарные науки» возросло на 33% (рис. 8).

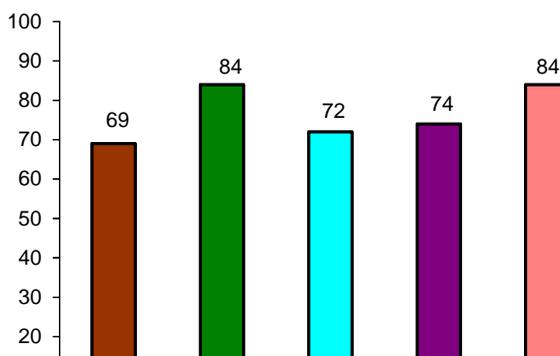

Рис. 8. Финансирование проектов по направлению «Социально-экономические и гуманитарные науки» 7РП, млн. евро.

Источник: European Commission. Research & Innovation. FP7. Statistics [Electronic resource]. – Available at: http://ec.europa.eu/research/fp7/index_en.cfm?pg=budget

Доля участия российских организаций в проектах по направлению «Социально-экономические и гуманитарные науки» 7РП является незначительной. За 2007 – 2012 гг. по нему было поддержано 199 проектов³⁰. Российские организации были представлены только в 9 поддержанных проектах³¹ (табл. 8).

Текущий объем финансирования российских организаций по направлению «Социально-экономические и гуманитарные науки» 7РП в настоящее время также находится на низком уровне. Общий объем финансирования поддержанных проектов по данному направлению за 2007 – 2012 гг. составил 475 млн. евро (199 проектов). Благодаря участию в 9 поддержанных проектах российские организации получили финансирование в размере 1,31 млн. евро, что составляет только 0,28% от общего объема выделенных средств.

В целом за данный период на проекты с российским участием из бюджета 7РП было выделено 73,67 млн. евро, на проекты без российского участия – 401,33 млн. евро.

Российские организации – участники рамочных программ. В целом, российские организации имеют незначительный опыт участия в 7РП по социально-гуманитарному направлению (например, в 2010 году по данному направлению было подано всего лишь семь заявок с участием российских организаций). Кроме того, следует отметить, что большинство российских участников конкурсов 7РП – это предприятия, вузы и научно-исследовательские организации городов Москвы и Санкт-Петербурга. Активность участия остальных регионов значительно ниже, соответствующим опытом обладают немногие территории.

В 2012 году ИСЭРТ РАН вошел в состав международного консорциума, подготовившего и подавшего на участие в конкурсе программы «Социально-экономические и гуманитарные науки» 7РП следующую совместную заявку: «Социальные инновации: фактор изменений в обществе». Центр социальных

³⁰ Источник: Sixth FP7 Monitoring Report. Monitoring Report 2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ec.europa.eu/research/evaluations/index_en.cfm?pg=fp7-monitoring

³¹ Источник: Официальный сайт Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Russian Participation in FP7 (December 2012) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hse.ru/data/2013/04/02/1294165375/RU%20participation%20FP7.pdf>

исследований Технического университета Дортмунда (Германия) выступил в роли координатора консорциума.

Таблица 8. **Информация о поддержанных проектах по направлению «Социально-экономические и гуманитарные науки» с российским участием в 2007 – 2013 гг.**

Тема, год начала реализации и бюджет проекта	Российская организация – участник проекта
Транснациональное сотрудничество национальных контактных центров по направлению социально-экономические и гуманитарные науки* (2008 г. – 3,1 млн. евро; 2011 г. – 2,22 млн. евро; 2013 г. – 1,2 млн. евро)	ФГБНУ «НИИ Республиканский исследовательский научно-консультационный центр экспертизы» (г. Москва)
Взаимодействие европейских, национальных и региональных особенностей: нации между государствами, располагающимися вдоль новых восточных границ Европейского союза (2008 г. – 1,73 млн. евро)	ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (г. Москва)
Развитие наукоемкого предпринимательства и инноваций в целях роста и социального благополучия в Европе (2009 г. – 4,28 млн. евро)	ФГБОУ ВПО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (г. Москва)
По направлению к топографии толерантности и равного уважения. Сравнительное изучение политик размещения мест общего пользования в культурно разнородных обществах (2010 г. – 1,72 млн. евро)	ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» (г. Екатеринбург)
Европейские регионы, внешние границы ЕС и ближайшие соседи. Анализ вариантов регионального развития на основе политик и практик трансграничного сотрудничества (2011 г. – 3,34 млн. евро)	АНО «Центр независимых социологических исследований» (г. Санкт-Петербург)
Воспоминания, молодежь, политическое наследие и гражданская активность (2011 г. – 9,95 млн. евро)	ГУ Ульяновского государственного университета НИЦ «Регион» (г. Ульяновск)
Обмен ресурсами знаний: межрегиональное сплочение областей (2011 г. – 3,27 млн. евро)	ФГАОУ ВПО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва)
Вопросы границ, политической обстановки, социальной сферы: потенциалы и проблемы развивающихся концепций границ в мире после холодной войны (2012 г. – 8,99 млн. евро)	АНО «Центр независимых социологических исследований» (г. Санкт-Петербург)
	ФГБНУ Институт географии Российской академии наук (г. Москва)
Социальные инновации: фактор изменений в обществе (2014 г. – 6,06 млн. евро)	ФГБНУ Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (г. Вологда)
* Проект дважды возобновлялся по завершении. Таким образом, было поддержано три проекта по соответствующей теме.	

В июне 2013 года службы Европейской комиссии сообщили консорциуму о том, что заявка получила 14 из 15 баллов по результатам экспертизы, а также о намерении Европейской комиссии поддержать проект и начать переговоры о заключении грантового соглашения. На момент подготовки данного доклада координатором проекта ведутся соответствующие переговоры.

В проекте принимают участие пятнадцать партнеров из двенадцати государств – членов ЕС и одиннадцать партнеров из других регионов мира. В список стран, представляемых участниками, входят: Австралия, Австрия, Бельгия, Болгария, Великобритания, Германия, Египет, Индия, Испания, Италия, Канада, Китай, Колумбия, Литва, Нидерланды, Российская Федерация, Румыния, Турция, Хорватия, Чили, Швеция, Южная Африка (*табл. 9*).

Целью проекта является расширение научных знаний о социальных инновациях по трем основным направлениям:

1. Интеграция теорий и научно-исследовательских методологий в целях лучшего понимания сущности социальных инноваций, что позволит внести вклад в построение «полной», всесторонней парадигмы инноваций.

2. Выявление и анализ социальных инноваций, реализованных и осваиваемых на европейском уровне и в мировом масштабе, и, посредством этого, изучение социальных, экономических, культурных, исторических и других аспектов данных процессов в восьми главных регионах мира.

3. Обеспечение органов власти и управления, а также лиц, к деятельности которых непосредственно относятся изучаемые вопросы, релевантными данными на основе всестороннего анализа и проведения ситуационных исследований в рамках семи областей политики (включая проведение европейских и мировых сравнений, разработку прогнозов и организацию конференций/семинаров по вопросам политики в области социальных инноваций).

Таблица 9. Участники проекта «Социальные инновации: фактор изменений в обществе» (SI-DRIVE)

Участник проекта	Страна
Технический университет Дортмунда / Центр социальных исследований	Германия
Институт труда и технологий	
Нидерландская организация прикладных научных исследований	Нидерланды
Британский фонд имени Янга	Великобритания
Университет имени Брюнеля	
Центр социальных инноваций в городе Вене	Австрия
Австрийский институт технологий в городе Вене	
Университет Деусто	Испания
Лаборатория социальных инноваций	Хорватия
Фонд прикладных исследований и сообщений	Болгария
Международная организация экономики знаний и развития предприятий	Швеция
Университет имени Казимераса Симонавичуса	Литва
Агентство развития и сотрудничества «ЛАМА» в городе Флоренции	Италия
Университет «Данубиус» в городе Галаце	Румыния
Стамбульский технический университет	Турция
Гелиопольский университет в городе Каире	Египет
Институт социально-экономического развития территорий РАН	Россия
Чжэцзянский университет в городе Ханчжоу	Китай
Университет Кейптауна, Центр социальных инноваций и предпринимательства «Берта» в городе Кейптауне	Южная Африка
Экономическая комиссия ООН по вопросам Латиноамериканских стран и Карибского региона	Чили
Национальное агентство по борьбе с крайней нищетой в городе Боготе, Центр социальных инноваций	Колумбия
Университет Сиднея, Австралийский центр инноваций в городе Сиднее	Австралия
Институт социальных наук имени Таты в городе Мумбаи	Индия
Университет имени Саймона Фрейзера в городе Ванкувере, Центр политических исследований в области науки и технологий	Канада
Центр изучения социальных инноваций Университета Квебека	
Европейская федерация национальных организаций по работе с бездомными	Бельгия

Задачами проекта являются исследования существующих в различных странах социальных инноваций в семи областях политики (сферах):

- научно-инновационная политика и политика в сфере образования;
- социальные инновации в сфере занятости (в т.ч. в малом бизнесе);
- социальные инновации в сфере экологии и охраны окружающей среды;
- социальные инновации в сфере энергоснабжения;
- социальные инновации в сфере транспорта и мобильности;
- социальные инновации в сфере медицинской и социальной помощи;
- социальные инновации в сфере сокращения уровня бедности.

Проект SI-DRIVE состоит из 13 рабочих пакетов³², часть из которых реализуется последовательно, часть параллельно и часть – на протяжении всего проекта (рис. 9).

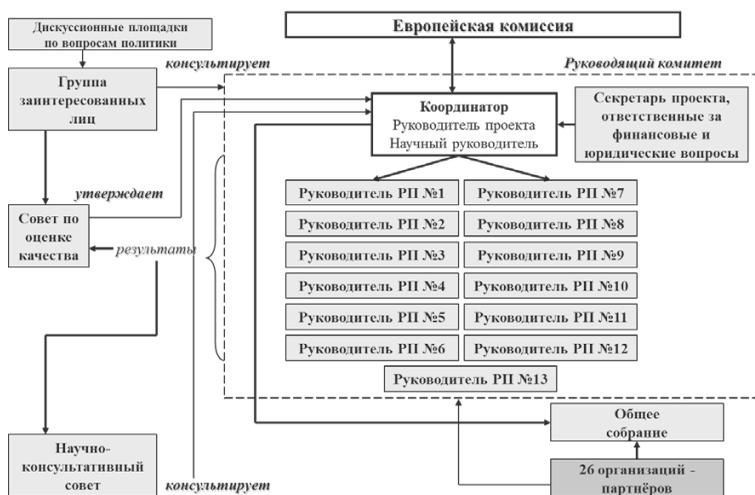

Рис. 9. Схема работы консорциума проекта SI-DRIVE*

* В проекте SI-DRIVE: Общее собрание – высший орган принятия решений консорциума; Руководящий комитет (ПК) – принимает оперативные решения, необходимые для обеспечения равномерной реализации проекта; Группа заинтересованных лиц – выражают свою оценку плана проекта, годовых планов проекта и плана коммуникационных взаимодействий, а также получают запросы на признание приемлемыми различных результатов в течение реализации проекта.

³² Рабочий пакет представляет собой план работы по реализации отдельного этапа проекта.

В проекте предусмотрены:

1) циклическая итерация разработки теоретических положений, совершенствования методологии и формирования рекомендаций для органов власти и управления;

2) проведение сбора данных о социальных инновациях на европейском уровне и в мировом масштабе, включающее две стадии:

- исходная стадия направлена на получение основной информации о более чем тысяче социальных инноваций из широкого круга источников по всему миру, что позволит сформировать типологию социальных инноваций и изучить распространение социальных инноваций в мировом масштабе;

- соответствующая типология будет применена на последующей стадии получения данных, при реализации которой первоочередное внимание будет уделено социальным инновациям, обладающим тщательно проработанной документальной основой (проведение всесторонних ситуационных исследований);

3) дальнейший анализ результатов ситуационных исследований, их рассмотрение в ходе проведения встреч с заинтересованными в изучении поднимаемых проблем сторонами.

Концептуальная схема исследований проекта SI-DRIVE представлена на *рис. 10*. ИСЭРТ РАН принимает участие в реализации рабочих пакетов №3, №4, №5, №9, №13.

Международное сообщество для проведения научных исследований по социальным инновациям будет непрерывно формироваться по мере реализации проектных работ, осуществляемых в тесной взаимосвязи с работами по распространению материалов проекта, в которых будут задействованы существующие сети. В дополнение к интеграции релевантных деятелей, относящихся к числу наших сетевых контактов, мы будем использовать возможности коммуникации с учеными и заинтересованными в теме социальных инноваций кругами при проведении двух эмпирических этапов сбора и анализа данных, а также осуществлять поиск лучших деятелей науки путем проведения обзоров литературы,

благодаря чему построение данного сообщества будет осуществляться непрерывно. Центром деятельности данного сообщества станет Европейская школа социальных инноваций (ESSI).

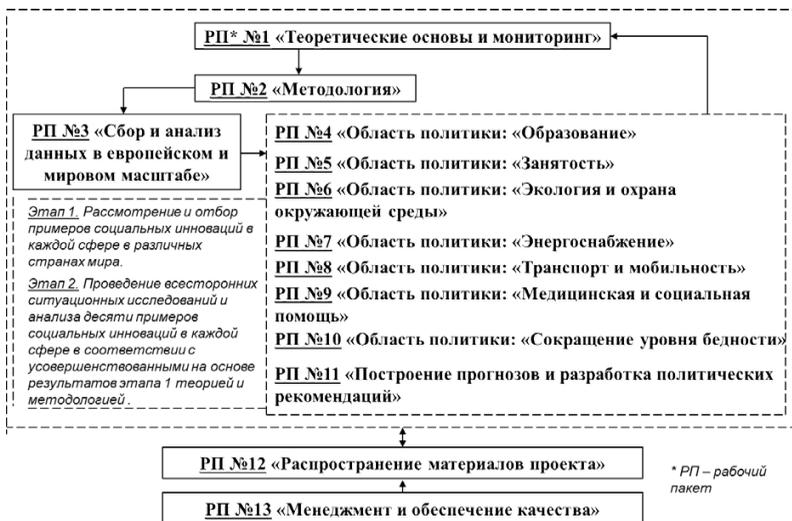

Рис. 10. Концептуальная схема исследований проекта SI-DRIVE

Сотрудничество с другими проектами по социальным инновациям, реализуемыми в рамках Седьмой рамочной программы и других европейских программ финансирования, будет осуществляться с самого начала проекта путем направления обращений с предложениями о вхождении в консультативные советы основных проектов по социальным инновациям, характеризующихся сильными связями с проектом SI-DRIVE; о включении по представителю от этих проектов в консультативный совет проекта SI-DRIVE; о разработке совместного с данными проектами плана сотрудничества и коммуникации; об определении надежных мер обеспечения развития связей для обмена релевантными знаниями; о достижении договоренностей об участии в релевантных мероприятиях, в особенности о подготовке совместной международной конференции; о проведении поиска возможностей для достижения синергетического

эффекта от взаимодействия между проектами; о добавлении ссылок на другие проекты в содержание веб-сайтов.

Участие в Проекте позволит научным коллективам, занимающимся исследованиями в области социальных инноваций, рассмотреть способы решения проблемы проведения оценки реализуемых социальных инноваций и их мониторинга на местном, национальном и наднациональном уровнях, что в свою очередь должно привести к формированию более проработанного подхода к анализу социальных инноваций.

Проект позволит рассмотреть и отобрать практики социальных инноваций в целях обеспечения проведения сбора и анализа данных о существующих в конкретных областях социальных инновациях. Примеры социальных инноваций будут изучены в соответствии с определенными характеристиками, информация о которых будет добавляться в базу данных.

В разных странах будут проведены всесторонние исследования и анализ около десяти примеров социальных инноваций в сфере образования и обучения на протяжении всей жизни. Главной целью является определение их отличительных черт и выявление зависимостей между социальными инновациями и изменениями в обществе.

Проект позволит участникам осуществлять обмен релевантной научно-исследовательской информацией, теоретическими разработками, методами исследований, а также подготовить совместное видение теоретической концепции социальных инноваций.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, можно заключить, что социальные инновации в общественном развитии регионов играют значительную роль. Технологические и социальные инновации взаимодействуют и взаимобуславливают возникновение друг друга, и те, и другие являются социально значимыми. Более глубокое понимание имеющегося потенциала и выгод, приобретаемых в результате разработки и внедрения социальных инноваций, способно оказать существенную помощь при разработке и реализации региональ-

ной политики в социальной сфере, направленной на сглаживание последствий избыточного социального неравенства, повышение качества жизни населения.

В настоящее время большинство социально ориентированных инновационных проектов в области направлено на поддержание преимущественно низковолатильных категорий населения. Участники имеют возможность сэкономить денежные ресурсы, расширить спектр потребляемых товаров и услуг без значительного увеличения расходов, что в свою очередь стимулирует процессы производства и распределения, а также повышает уровень и качество жизни данных лиц.

На наш взгляд, в целях наиболее результативного освоения и рационального использования социальных инноваций в регионе требуется особый социальный институт разработки и реализации социальных инноваций. Данный институт должен возникнуть при объединении социально-ориентированной деятельности органов власти и управления, бизнес-сообщества и граждан. Как показывает российская и зарубежная практика успешных социальных инновационных проектов, развитие социальных инноваций требует межсекторного и межстранового сотрудничества. С целью дальнейшего стимулирования роста научно-практических знаний о процессах разработки и реализации социальных инноваций необходимо осуществлять обмен опытом на международном уровне среди заинтересованных исследователей, объединение усилий в изучении поднимаемых проблем, в т.ч. проведение совместных научно-исследовательских работ. В рамках последних могут быть рассмотрены специфические особенности разрабатываемых научных положений и практических рекомендаций на примерах различных регионов мира.

Сборник научных докладов и сообщений
Ученого совета ИСЭРТ РАН

Выпуск 9

Подписано в печать 11.06.2014.

Печать цифровая. Формат бумаги 60×84/16.

Усл. печ. л. 10,3. Тираж 50 экз. Заказ № 175.

Институт социально-экономического развития территорий РАН
(ИСЭРТ РАН)

160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а, ИСЭРТ РАН

Тел. 59-78-03, e-mail common@vscc.ac.ru